

Людмила
МАРТОВА

*Прощайте
любимым их
недостатки!*

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

**ПОСЛЕДНИЙ
ШТРИХ
К ПОРТРЕТУ**

Annotation

Катя Холодова восхищается бабушкой своей подруги: Аглая Тихоновна стойко перенесла не одну трагедию, сохранив и статью, и стиль, и манеры, отличающие потомственную дворянку. Новую внезапную беду Аглая Тихоновна встречает не дрогнув, но Катя-то видит, что пожилая дама напугана. Кажется, призраки оживают, не желая более хранить тайны прошлого, и мирная жизнь пожилой аристократки превращается в сущий кошмар с убийствами, шантажом и поисками мифического золота... Или золото все-таки было?

- [Людмила Мартова](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Людмила Мартова

Последний штрих к портрету

© Мартова Л., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Лилии Сенченко,
увлеченной своей работой и помогающей найти
все, что скрыто.*

*Пусть мертвое прошлое хоронит своих
мертвецов.*

Э. М. Ремарк «Три товарища»

На улице шел дождь. Это лето в Москве вообще оказалось щедрым на дожди, они всё шли, затапливая улицы, словно насмешливо напоминая о далекой Венеции, кажущейся сейчас из-за карантинных ограничений несуществующей. Как, к примеру, Луна. Хотя Луну по ночам хотя бы в окошко видно.

Впрочем, для пожилой женщины, сидящей сейчас на мокрой скамейке, наклонившись вперед, чтобы не чувствовать спиной влажную деревянную спинку, и кутающейся в непромокаемый плащ, Венеция и Луна были равно далеки от реальности. И то и другое она видела только на картинке и даже не мечтала никогда, что может оказаться там на самом деле. Она же не Илон Маск.

Кто такой Илон Маск, она тоже не очень понимала. Про него и его полет на Луну что-то говорила внучка Тонечка. Или это не сам Маск полетел на Луну, а только корабль, строительство которого он оплатил? Или вообще не на Луну, а просто в космос? Ежащуюся от сырости женщину эти детали совершенно не интересовали. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на том, что, наконец-то, она сможет дать Тонечке все, чего та заслуживает. Больше кровиночке не придется мыкаться по съемным квартирам, потому что бабушка купит ей свою собственную. Не надо будет сниматься в третьесортных сериалах,

чтобы заработать, а можно будет спокойно тратить время на пробы, чтобы получить настоящую роль. Ту, что прославит девочку навсегда. А для этого нужны деньги. Большие деньги, которые у нее теперь будут. Совсем скоро.

Женщина посмотрела на часы – маленькие золотые часики, подаренные давным-давно на окончание школы, на долгую память – и нахмурилась. Человек, которого она ждала, опаздывал, а это было неправильно. Что ж, то, что у нее действительно оказалась долгая память, – к лучшему. И ее непунктуальный визави за это заплатит. Щедро заплатит. Так, что хватит и Тонечке на баззаботную жизнь, и ей самой на безбедную старость. Что ж, это хорошо. Это славно.

Боль, неожиданная, а от того особенно пугающая, возникла ниоткуда. Вот только что она сидела на мокрой лавочке, подставив лицо потокам влажного воздуха, и думала о внучке, и у нее ничего не болело, а мгновение спустя острое жало ввинтилось под левую лопатку и тут же заполнило собой грудь, разрывая ее на части. Еще через миг пожилая женщина осознала, что умирает.

Это было так неправильно и настолько не вовремя, что она попыталась жалобно вскрикнуть от терзающей ее бессмысленной несправедливости. Не сейчас, пожалуйста, не сейчас. Пусть не будет никакой безбедной старости, пусть вообще больше ничего не будет, лишь бы успеть получить деньги, которые она заслужила по праву. Получить и передать Тонечке. Она не может сейчас умереть, оставив девочку без всего. Не может. Не должна.

Человек, стоящий за ее спиной, усмехнулся тому, что эта глупая курица, осмелившаяся на банальный шантаж, даже не успела ничего понять. То, что она сидела, наклонившись, существенно облегчило задачу. Опирайся она на спинку скамьи, пришлось бы импровизировать, а так все получилось как нельзя лучше. Тихо скользнуло в карман просторного плаща сделавшее свою работу шило. Чувства триумфа от восстановленного порядка не возникало. Чувства удовольствия от совершенного убийства – тоже. Кто говорит, что убивать приятно? Только маньяки. Маньяком человек в плаще себя не считал и убивать ему не нравилось. Он просто делал то, что было необходимо. Вот и все.

Бросив последний взгляд на пустынный в такую погоду бульвар, человек пошел прочь. У скамейки, на которой все так же сидела

одинокая старушка, убийца провел не больше двадцати секунд.

Глава первая

1969 год, Магадан

Старуха вызывала восхищение, граничащее с ненавистью. До того, как Иринка ее узнала, она даже не догадывалась, что можно восхищаться и одновременно ненавидеть, и что эта ненависть, вызванная чужим превосходством, недостижимой элегантностью и породистостью, что ли, может быть такой сладкой и острой одновременно. Практически как оргазм.

Потерю девственности в пятнадцать лет, да еще в сугробе за одним из деревянных барачков, на кои так щедр был город, старуха точно не одобрила бы, но рассказывать о своем первом сексуальном опыте Иринка и не собиралась. Меньше знает, лучше спит.

Распеканий и выговоров она не боялась и скучных нотаций тоже. Старуха никогда не орала, Ира вообще ни разу не слышала, чтобы она когда-нибудь повышала голос. В минуты недовольства чьим-то несовершенством – Иринкиным, Нюркиным, Глашкиным ли, неважно, – она лишь изгибала красивую холеную соболиную бровь, немислимую в местных широтах, словно не недовольна была, а изумлена. И от этого движения брови собеседник тут же превращался в раздавленную, распластанную на стекле муху, уже обреченную, но еще живую, вяло перебирающую лапками в преддверии неминуемой кончины.

В старухе вообще все было немислимым, невозможным для Магадана: высоко забранные в ракушку на затылке густые волосы, брошь-каменя у тонкого горла, длинные пальцы в перстнях, которые старуха не снимала, даже когда мыла в холодной воде посуду, длинные, чуть шуршащие юбки до пола, из-под которых никогда и ни при каких обстоятельствах не показывался даже краешек чулка, спокойный взгляд серых глаз, никогда не темневших от ярости, боли или разочарования. Спокойными как вода подо льдом были эти глаза, как будто никогда не знавшие страсти. Вечно обуреваемую страстями Иринку это спокойствие бесило.

Каждый раз, оказываясь у Глашки в гостях, она внутренне собиралась, скручивалась в тугий узел, чтобы тщательно контролируемые эмоции не вырвались наружу, не сорвали маску бедной, но вежливой девочки из очень простой семьи, которая готова на все, лишь бы получить образование и вырваться из той мерзости, в которой проходила ее жизнь.

Она и правда была готова на все, чтобы уехать из Магадана, поступить в институт в далекой, никогда не виданной Москве, а потому и в школе училась яростно, не давая себе ни малейшей поблажки, и к Глашке таскалась каждый день, глуша ярую ненависть к старухе, потому что та натаскивала их обеих на поступление в институт, хваля Ирину даже больше внучки. И за усердие, и за талант.

Да, старуха говорила, что одетая в перелицованное материнское пальто и сшитую из старых штор юбку девчонка, чей отец отбывал наказание за то, что снял скальп с конвоира, очень способна к наукам. Иринке хотелось верить, хотя иногда она нет-нет да сомневалась, что Глашкина бабка говорит правду. Вдруг просто жалеет? Впрочем, жалостливой Аглая Дмитриевна не была, наоборот, выглядела жесткой, как металлическая балка, и закаменевшей, как сверхпрочный кусок гранита. Что ж, на то у нее, надо признать, было предостаточно причин.

Насколько старуха была твердой, настолько Ольга Александровна, ее дочь и Глашкина мама, была пластичной, напевной, текучей. Иринке нравилось смотреть, как Ольга распускает волосы. Достает шпильки из тяжелого узла на затылке, чуть встряхивает головой, и шелковый водопад все льется на узкую спину с выступающими ключицами, словно и не кончится никогда.

Острое несоответствие между высеченным из камня профилем матери и неуловимым, постоянно меняющимся выражением лица дочери, словно выполненного из мягкой, тающей под пальцами глины, цепляло и завораживало Ирину так остро, что иногда, приходя в дом к Колокольцевым, она забывала дышать.

Любопытно, что неспешная, вялая, слишком худая красавица Ольга с ее пшеничными волосами и тихим, всегда немного извиняющимся голосом Ирине нравилась, несмотря на полное отсутствие в ней характера, огня, внутренней силы. А вот старуху с ее железным стержнем внутри она ненавидела, хотя и восхищалась ею.

Бушевавших в Иринке страстей Глашка не замечала. Для нее Ира Птицына была просто верной подружкой, самой близкой, той, что в начальной школе защищала от нападок одноклассников-хулиганов и однажды даже огрела по голове портфелем Диму Зими́на, который Глашку истово ненавидел, а потому зади́рал с особой жестокостью, какая встречается только в детстве.

Иринке Зимин нравился, точнее, она его любила, но не вступиться за Глашку не могла, потому что это было бы не «по понятиям». В Магадане, где все население, пожалуй, делилось на зэков и конвоиров, не вступиться за своего считалось позором и слабостью.

Иринка и сама не знала, когда так случилось, что Глашка стала для нее своей. Точнее, это она стала своей в доме Колокольниковых. Между нею и ее подругой зияла пропасть, которую было не перепрыгнуть. Тихон Колокольцев долгое время был начальником прииска, на котором работали заключенные, и, хотя Иринкин отец там не сидел, для нее этот факт все равно должен был быть основополагающим. Но почему-то не стал.

К тому моменту, как Иринка и Глашка встретились за одной партой, чтобы больше не расставаться, прииск был уже закрыт, а Колокольцев переведен на партийную работу. Второй секретарь обкома... Его нынешняя должность делала разверзшуюся между двумя девочками пропасть еще более широкой, однако Иринка, понимая, что перепрыгнуть через нее невозможно, шла над пропастью по туго натянутому канату, ежеминутно осознавая, что может сорваться и погибнуть, но все-таки умудряясь балансировать и мечтая только о том, чтобы канат нечаянно не провис.

Глашку называли в честь бабушки, что вызывало у Иринки легкое недоумение. Как жить в одной квартире людям, которых зовут одинаково, и не запутаться? Впрочем, если хорошенько рассудить, в этом не было ни капли странности. Аглая Дмитриевна – божество, совершенство, тигр с головой античной статуи – отравляя своим существованием все вокруг, оплетала, как многощупальцевый спрут, слабовольную дочь и могущественного зятя, соседей и знакомых, школьных учителей и педагогов театральной студии, в которой занимались Глашка, Нюрка и Иринка. Внучку же она и вовсе подчинила себе целиком и полностью, и общее имя было лишь малой толикой этого глубинного обладания.

Однажды Иринка попробовала обсудить это с Нюркой, третьей их подружкой, конечно, не такой близкой к Глашке, как сама Иринка, но тоже входящей в узкий доверенный круг «своих», которым позволено было приходить в квартиру Колокольцевых. Так эта дуреха даже не поняла, о чем Иринка толкует.

– Ты что, Ир, – спросила она, смешно округляя глаза, почти лишенные ресниц. Из-за этого Нюрка была немного похожа на сову, но никто не смел ее дразнить, потому что не хотел получить от Иры Птицыной портфелем по голове. – Ты что, считаешь Аглаю Дмитриевну злой? Но она ведь очень добрая. И Глашку любит, и Ольгу Александровну, и к Тихону Ильичу с уважением относится, понимает, что он их с Ольгой от верной смерти спас, а теперь обеспечивает так, как в Магадане мало кому удастся. И мы с тобой от нее ничего, кроме доброты, за все эти годы не видели. Она же нас практически вырастила.

– Вырастила... Скажешь тоже, – фыркнула Иринка.

– Ну, может, и не вырастила, но кормила наравне со своей внучкой, и книжки давала читать, и на все вопросы всегда отвечала, о чем ни спроси. Почему ты ее не любишь?

– А с чего мне ее любить, она не моя бабушка, а Глашкина, вот пусть та ее и любит, – независимо шмыгнула носом Иринка, хотя Аглая Дмитриевна запрещала так делать, уверяя, что врожденное отсутствие хороших манер проявляется именно в таких вот мелочах. Обычно Иринка за собой и своими манерами следила, а сейчас не сдержалась, с ужасом понимая, что практически спалилась. – И вообще, с чего ты взяла, что я ее не люблю? Я Аглаю Дмитриевну очень уважаю и благодарна ей за все, что она для меня делает. Если бы не она, у меня бы даже призрачного шанса на поступление в институт не было.

– Счастливые вы с Глашкой, – завистливо протянула Нюрка. – В Москву поедете. Как бы я хотела хотя бы одним глазочком на Москву взглянуть. Но с моим аттестатом мне только на хлебозавод дорога. Хотя вот поступите вы с Глашкой, будете в Москве жить, а я к вам в гости приеду. Хотя бы ненадолго. И вы мне все-все в Москве покажете.

– Ага, приедешь ты, тебя мамка не отпустит, – насмешливо сказала Иринка, чувствуя, что опасный поворот разговора пройден.

– Конечно, не отпустит. Ей ни за что денег на самолет не собрать, да и оробеет она меня отпускать. Тебе хорошо, у тебя мамка смелая.

Иринка, прекрасно зная, что мама свое отбоялась много лет назад, дипломатично промолчала. Молчать было спокойнее. Правильнее. И с чего это ее сегодня на откровения про Аглаю Дмитриевну потянуло? Привычная застарелая ненависть к старухе вспучилась, как трясина, раздираемая болотными газами, и тут же послушно улеглась на положенной ей глубине. Никто не должен догадаться о раздирающих душу Иринки страстях. Никто. Когда она снова подняла на подругу глаза, они были ясны и прозрачны, как морская вода весной. У нее нет повода ни для ненависти, ни для беспокойства. Если бы кто-нибудь в тот момент сказал семнадцатилетней Иринке Птицыной, что совсем скоро она умрет, она бы удивилась и ни за что не поверила. В ее возрасте молодые люди обычно думают, что будут жить вечно.

– Пойдем цветов нарвем, – сказала она Нюрке беззаботным тоном. – Аглая Дмитриевна любит георгины, вот мы ей их и принесем.

* * *

Наши дни, Москва

Нужно не забыть купить цветы. Катя всегда помнила, что Аглая Тихоновна любит георгины. Конечно, для них пока не сезон, но, слава богу, в Москве круглый год можно купить любые цветы, поэтому с георгинами проблем не будет. Впрочем, во всем, что касалось Аглаи Тихоновны, проблем быть в принципе не могло. Она была самым беспроблемным человеком, когда-либо в жизни встреченным Катей, актрисой Екатериной Холодовой, привыкшей разбираться с любой проблемой на счет «раз».

Аглаей Тихоновной Катя искренне восхищалась. Не внешностью, нет, хотя к 68 годам пожилая женщина сохранила и роскошную густоту волос, которые носила высоко забранными в ракушку на затылке, и соболиный размах бровей, тщательно подкрашенных самую малость, и бездонность глаз, серо-голубых, похожих на воду под толщей льда, и точеную фигурку, легкую, подвижную, как у юной девушки. Аглая

Тихоновна носила только юбки, считая «штаны» исключительной привилегией мужчин. Длинные, шуршащие юбки из тафты, мягкие, струящиеся из трикотажа, теплые твидовые, шаловливые ситцевые, парадно-выходные из шелка – все они красиво обтекали фигуру, оставляя легкую недосказанность. Из-под юбки мог выглядывать только носок элегантного ботинка или туфельки на каблучке, но никогда краешек чулка или, упаси господь, полоска кожи.

Длинные пальцы в перстнях, умело и небрежно державшие мундштук со вставленной в него сигаретой, казались трепетными и робкими, как у юной девушки, но Катя не давала этим пальцам себя обмануть, поскольку знала, что Аглая Тихоновна сорок лет отработала хирургом, а значит, движения ее пальцев умели быть четкими и скупыми, такими, от которых зависит жизнь.

Аглая Тихоновна вообще скупа на движения, слова и эмоции, как и положено потомственной аристократке, прекрасно знающей себе цену. Завершала идеальный образ брошь-камея у тонкого горла, старинная и наверняка дорогая. И Катя даже самой себе не признавалась, что ходит в гости не к Глашке, юной своей коллеге по театральному цеху, над которой взяла своеобразное шефство, а к Аглае Тихоновне, ее бабушке.

С Глашкой они делили гримерку в театре. Так уж получилось два года назад, что в театр пришли сразу две выпускницы Щепкинского училища – Аглая Колокольцева и Анна Демидова, и их подселили к Екатерине Холодовой, которая после ухода на пенсию одной из актрис театра получила гримерку в полное свое распоряжение.

Сначала из-за шумного соседства «птенцов», как про себя называла старлеток Катерина, она немного огорчилась, но быстро успокоилась. Во-первых, она никогда не переживала из-за того, что была не в силах изменить, а во-вторых, девчонки оказались веселыми, добрыми, трудолюбивыми и совершенно ненапряжными. С ними Катерина всегда чувствовала себя моложе, словно исчезали шестнадцать лет, пропастью лежащие между ней и «птенцами». В компании Глашки и Ани она чувствовала себя молодой и беззаботной, и это давно забытое чувство было, черт подери, приятным.

Так, надо не забыть заказать георгины. Странно, но Аглая Тихоновна действительно походила на эти цветы, простые и изысканные одновременно. Впрочем, сама она утверждала, что

георгины напоминают ей о детстве, проведенном в Магадане. В том суровом климате выживали лишь петунии, бархатцы, ноготки и георгины. И именно они стали для Аглаи Тихоновны символом роскоши.

– Папа всегда дарил их маме, – рассказывала она Кате за чашкой чая. – Он вообще баловал ее страшно, потому что очень любил. Трудно было представить рядом двух более не подходящих друг другу людей. Дочь потомственной дворянки и зэка, отпущенного на поселение, вышла замуж за начальника прииска, представляете, Катенька? Это был немыслимый мезальянс, совершенно невозможный. Конечно, мама его не любила, но бабушка настояла на том, чтобы она приняла предложение, потому что это давало им шанс выжить: бабушке и маме. И мама пошла на эту жертву, представляете? И папа понимал, что это именно жертва, мне всегда казалось, что она выглядит в его глазах таким жертвенным оленем, который лежит на алтаре со связанными ногами и ждет, пока ему в шею вонзят острый нож. Но он действительно ее любил и баловал безмерно. Как, впрочем, и меня.

Когда Аглая Тихоновна начинала говорить о прошлом, в глазах ее всегда мерцал странный свет, как отблеск какого-то внутреннего пламени, причину которого Катерина все силилась разгадать, но не могла. В Аглае Тихоновне ей вообще виделось что-то таинственное, мистическое, что влекло Катерину к пожилой женщине с неведомой силой, отчего она напрашивалась к юной подружке на чай в любую свободную минутку. Впрочем, она знала, что в доме Колокольцевых ей всегда рады и ее присутствием не тяготятся.

Ее удивляло, что Анна ходить к Глашке домой не любила, более того, всячески избегала там бывать, придумывая любые предлоги, чтобы отказаться от предложения и откровенно изнывая во время визитов, от которых уклониться не удалось, сводя их к допустимому приличиями минимуму.

Как-то Катя полюбопытствовала почему. Они в тот день были в примерной вдвоем, потому что Глашка приболела и на работу не пришла, и Катя собиралась после репетиции заехать ее проведать, что, естественно, было просто поводом поболтать с Аглаей Тихоновной.

– Поедешь со мной? – спросила она у Анны и, заметив, что ту перекосило от подобного предложения, спросила, что не так.

– Я не знаю, – честно сказала тогда Анна, – но я в присутствии старухи ужасно неуютно себя чувствую. Как будто она знает про меня что-то такое, что может разрушить всю мою жизнь.

– Что за глупости? – рассмеялась тогда Катя, потому что в словах Анны не было ни грамма здравого смысла. – Что такого она может про тебя знать, если ты вся как на ладони. Прости. И не называй ее старухой. Ей это слово совершенно не подходит.

– Да не во мне дело, – с досадой ответила Анна, предпочтя проигнорировать легкую выволочку за «старуху». – Я не знаю, как тебе объяснить, чтобы ты поняла. Наверное, все дело в том, что я человек творческий, мне свойственны смятение, колебания, внутренние сомнения. А у Аглаи Тихоновны все кристально ясно и понятно. Все по полкам разложено, в том числе и в голове. Ей несвойственны терзания, она к своей цели идет по прямой, не сворачивая.

– Ну, она хирург, – заметила Катя. – Это, знаешь ли, действительно накладывает некоторый отпечаток на личность. В плане цельности натуры ты совершенно права. Но именно это мне в ней и нравится. Она после такой трагедии уцелела, практически из пепла восстала. Это же ужасно – потерять в юности всю семью, но не пропасть, а состояться. И потом, ты же знаешь, что она единственную дочь похоронила, но после этого тоже не позволила себе развалиться и Глашку вырастила, заменив ей родителей.

– Да знаю я это все, – махнула рукой Анна. – Может быть, именно потому, что знаю, она мне кажется роботом, а не человеком. Запрограммированной бездушной машиной, неспособной на эмоции. А я – актриса. Я без эмоций не могу. Да и аристократизм этот... Голубая кровь, белая кость... Катя, я из простой семьи. Мне все эти выкрутасы не по нутру.

– Ну да, конечно, – Катерина рассмеялась звонко и весело, потому что так ловко поймала Анну, которая по привычке опять играла. Актрисам трудно удержаться от переноса игры в повседневную жизнь, нет-нет да и очутишься на подмостках, чтобы наиболее выигрышно произнести ту или иную фразу. – А то я не знаю, что твой папа – вице-адмирал Тихоокеанского флота. Из простой семьи... Ну надо же...

– Можешь не верить, но у меня бабушка поваром в столовой для моряков работала. То, что папа военную карьеру сделал, только его

заслуга и ничья больше. Точнее, еще бабушкина, потому что она жизнь положила на то, чтобы отца выучить и в люди вывести. Так что я жизнь простых людей очень хорошо знаю, с детства на бабулю смотрю. Вот она у меня – настоящая. А Аглая Тихоновна словно роль играет.

– Она в детстве играла в драматическом кружке, – сухо сообщила Екатерина. Все, что говорила сейчас Анна, было сущим вздором. Кате это было совершенно очевидно. – Она нам с Глашкой рассказывала. А аристократизм... Знаешь, Аня, гены – такая штука, что пальцем не выковыряешь. И если справедлива поговорка, что от осинки не родятся апельсинки, то это правило и наоборот работает. Бабушка Аглаи Тихоновны была дворянкой, Смольный, между прочим, заканчивала. Ее, кстати, тоже Аглаей звали. Это традиция у них в семье – внучку называть в честь бабушки. И они ее свято чтут, как и многое другое. У меня это вызывает только уважение, потому что преданность корням нынче редкость. Но я тебя ни в чем не убеждаю. Ты вправе относиться к другим людям так, как считаешь нужным.

Неприятный для них обеих разговор Катя тогда замяла, умело переведя его на другую тему, и больше они с Анной к этому вопросу никогда не возвращались. Анна дружила с Глашкой в театре, вместе бегала на пробы, чтобы сняться в каком-нибудь сериале, они ходили в общие компании, которые собирались в каком-нибудь кафе, но домой к подруге она старалась не попадать. В отличие от Катерины, которую в ее молодой подружке больше всего прельщала возможность скоротать вечер вместе с ее необыкновенной бабушкой.

В последний раз Катерина была у Колокольцевых в середине марта. Потом ворвавшийся в их размеренную жизнь коронавирус лишил ее привычных посиделок на большой, с любовью и вкусом обставленной кухне. Аглая Тихоновна была в группе риска, и, хотя к возможности заразиться она относилась с легкой улыбкой, Катя считала себя не вправе рисковать чужой жизнью, а потому в гости ходить перестала.

За прошедшие три месяца она, конечно, пару раз разговаривала с Аглаей Тихоновной по скайпу, но это было совсем не то, что живое общение. Именно поэтому сегодняшнего вечера она ждала с особым нетерпением. 25 июня Аглая Тихоновна отмечала день рождения и собиралась впервые с начала пандемии открыть дом для гостей.

Так, не забыть заказать георгины. Зайдя на сайт любимого цветочного бутика, в котором всегда можно было выбрать что-то необычное, Катерина с головой погрузилась в составление флористической композиции, достойной изысканного вкуса Аглаи Тихоновны и ее сегодняшнего дня рождения.

* * *

1969 год, Магадан

Свой день рождения Глаша любила. С самого раннего детства он означал подарки – книжку от бабушки, какой-нибудь странный пусячок типа начатой коробки конфет от мамы и что-то очень желанное от папы: новая кукла, когда Глаша была еще ребенком, отрез шерсти на платье, модные ботинки или ювелирное украшение, когда она стала старше.

У папы – серьезного, занимающего ответственный пост, видевшего в этой жизни такое, что Глаше даже и не снилось – дочка была главной, а точнее, единственной слабостью, ради которой он был готов на все. К счастью, у папы хватало ума внешне никак этого не показывать. О его безграничной любви к дочери, пожалуй, знали только они двое. И еще, конечно, бабушка, потому что та знала вообще обо всем на свете.

Кроме подарков, была еще одна причина, по которой Глаша любила свой день рождения. К последним числам июня в Магадане устанавливалось короткое и не очень щедрое лето, которого Глаша всегда ждала с нетерпением. Это трепетное и сладкое ожидание начиналось с последних учебных дней, когда в школе подводились итоги года, выдавались дневники с оценками, а затем наступали каникулы.

Учеба давалась Глаше легко, в ведомостях годовых оценок у нее не было ничего, кроме пятерок, поэтому итоговых контрольных она не боялась, реакции родителей на принесенный домой дневник тоже. Даже сами каникулы ей были, по большому счету, неинтересны, потому что учиться она любила и в школу ходила с удовольствием.

Просто с началом каникул так получалось, что как-то враз, практически за одну ночь зеленели сопки, а это означало, что пусть и ненадолго, но в Магадан пришло тепло. Относительное, конечно, всего-то плюс двенадцать-пятнадцать, максимум двадцать градусов. Но и они означали, что можно будет поваляться с книжкой на пляже, даже не надеясь, конечно, искупаться в холодном море.

В начале июня на берегу Нагайской бухты было принято собираться компаниями и ждать, когда пойдет на нерест мойва, которую местные, и Глаша тоже, называли уёк. Глаша как зачарованная смотрела, как вместе с накатом волны рыба устремляется к берегу, отражая солнечный свет переливчатой спинкой, отчего блики шли по воде так, что слепило глаза.

На мелководье мойва быстро сбрасывала икру и торопилась успеть обратно вместе с убегающей волной, а если не успевала, то приходилось ждать следующей, и мойва лежала на обнажившемся песке, жалобно открывая рот, словно пела в преддверии смерти, но волна приходила и уносила ее обратно в море – непобежденную и свободную.

Почему-то нерест мойвы напоминал Глаше о революции. Она даже как-то поделилась с бабушкой своим наблюдением за пламенной революционеркой – мойвой, но бабушка только усмехнулась и постучала Глашу по лбу согнутым указательным пальцем, что делала всегда, когда была внучкой недовольна.

– Слишком много фантазий у тебя, – только и сказала она. – А фантазии до добра не доводят. В жизни преуспевает только тот, кто живет в ее реалиях. Запомни это.

С последним постулатом Глаша была несогласна. Не было в мире более далекого от реалий человека, чем ее мать, но, тем не менее, никто не мог сказать, что ее жизнь в чем-то не удалась. Замужем за достойным человеком, обеспечивающим ее всем необходимым, дом – полная чаша, муж обожает, дочь – умница и отличница. Ольга Колокольцева никогда не работала, но помогала придумывать костюмы для областного музыкально-драматического театра.

При постановке очередного спектакля именно она рисовала эскизы для всех костюмов, которые потом шились в мастерских театра. Здесь же одевалась и Ольга. Наряды для себя, уникальные, ни на что не похожие, она тоже придумывала сама, после чего муж доставал ей

необходимые ткани, а портнихи шили блузки и юбки, платья и шубки, изготавливали шляпки и перчатки, броши и шарфы, которые Ольша обожала, считая без них образ незавершенным.

Мама всегда напоминала Глаше Спящую царевну. Она плыла по жизни словно в полусне, оживая только тогда, когда рисовала свои эскизы. Глаша знала, что мама вышла замуж без любви, и отчаянно ее жалела, потому что любовь представлялась семнадцатилетней Глаше обязательным условием счастливой жизни. Но и назвать мамину жизнь несчастной язык не поворачивался, потому что у Ольги Колокольцевой было все, о чем большинство жительниц Магадана могло только мечтать. В том числе и безусловная любовь мужа. В том, что папа любит маму, глубоко, беззаветно, пусть и без взаимности, а лишь с тихой покорностью в ответ, Глаша была уверена. И знала, что за эту любовь бабушка бесконечно ему благодарна, несмотря на то, что Ольге Тихон был не ровня, с какой стороны ни смотри.

Дней через десять-пятнадцать после нереста мойвы и наступал Глашин день рождения, который всегда отмечали шумно и большой компанией. Из Магадана никто из одноклассников не уезжал на лето, некуда было отсюда уезжать, поэтому нехватки гостей не наблюдалось. Бабушка пекла обязательные пироги, папа приносил соленую рыбу и икру, варилась картошка и на хлебных корках настаивался настоящий домашний квас.

Гостей звали к обеду, а после пяти часов, когда все расходились, дома оставались только «свои»: бабушка, папа, мама, Глаша и две ее самые близкие подружки, Иринка и Нюрка. К ужину до золотистой корочки запекалась курочка в духовке, открывалась бутылка вина или шампанского, и девчонкам наливали тоже, пусть и по чуть-чуть. И папа произносил обязательный тост за Глашино здоровье, а все торжественно чокались, и звон бокалов напоминал Глаше Новый год.

Новый год тоже был ее любимым праздником, перед которым на площади, разделяющей областной музыкально-драматический театр, в котором «работала» мама, и школу № 1, в которой учились Глаша и ее подруги, всегда ставили елку и насыпали горку для детворы. Но день рождения Глаша все равно любила больше, именно за то, что он приходился на короткое магаданское лето.

В этом году день рождения совпадал еще и с выпускным балом. Глаша заканчивала школу. Позади были выпускные экзамены,

естественно, сданные с блеском, и отличный аттестат, к которому полагалась еще и золотая медаль. Такое же точно «золото» было и у Иринки, и за подругу Глаша была рада даже больше, чем за себя, потому что отличный аттестат был для Иры Птицыной единственным шансом вырваться в «другую» жизнь.

Глаша не признавалась даже самой себе, что их скорый отъезд в Москву для поступления в медицинский институт был вызван, скорее, необходимостью помочь Иринке, чем искренним желанием уехать в столицу самой. Отъезд из Магадана, расставание с семьей страшили Глашу, потому что она не представляла, как сможет просыпаться по утрам без запаха бабушкиных пирогов, шелеста ее длинной юбки, аромата маминых духов, ее отсутствующего взгляда, папиных объятий, поездок на его машине, из окон которой открывались потрясающие виды на сопки и море, рассказов обо всем на свете.

Она и врачом быть не хотела, мечтала стать актрисой, и это ее желание, втайне от отца и бабушки, подогревалось мамой, видевшей в театре смысл жизни. Ходить в театральный кружок при театре Глаше позволяли, но всерьез думать об актерской профессии, разумеется, нет.

Дочери второго секретаря обкома полагалось выбрать более серьезную специальность, и медицинский институт подходил как нельзя лучше. Врачом хотела стать Иринка, и о Москве она мечтала истово и яростно, и Глаша не спорила, понимая, что не сможет в далекой столице остаться совсем одна. Уж если ехать учиться, то только вместе.

В Москве, далекой и чужой, жили какие-то бабушкины родственники, точнее, родная сестра с мужем и семьей. У них можно было остановиться на первое время. Затем Тихон Колокольцев собирался снимать дочери и ее подруге квартиру. Возможности для этого у него были.

– Я помогу тебе, оплачу перелет до Москвы, поселю с Глашей, денег на продукты давать буду с учетом вас обеих, тут ты не беспокойся, – говорил он Иринке. – Но уж и ты будь добра, за Глашкой приглядывай. Ты – человек самостоятельный, на тебя положиться можно, а Глашка – домашняя девочка, все в облаках витает. Так что я тебе самое дорогое, что у меня есть, доверяю.

Так что по большому счету Глашин скорый отъезд в Москву был результатом удачно наложившихся друг на друга чужих желаний.

Бабушка мечтала, чтобы внучка вернулась в Москву, которую она сама была когда-то вынуждена покинуть. Папа мечтал видеть дочь врачом. Мама грезила тем, как Глаша будет ходить по московским театрам. Иринка рвалась прочь из дома, бредила тем, как завоюет столицу, и для них всех Глаша была той точкой, в которой сходились их надежды и чаяния.

Чего хочет она сама, ее никто не спрашивал, а если бы и спросил, то она, пожалуй, не смогла бы ответить, потому что и сама не знала. Будущее страшило ее, и все чаще, просыпаясь ранним утром, на несколько часов раньше положенного, она лежала, глядя в белый потолок и понимая, что если бы ей дали выбирать, то, скорее всего, она бы просто осталась дома. В Магадане. Рядом с людьми, которые ее любили.

25 июня. День рождения и выпускной. Ее ждет нарядное платье, которое придумала мама, и, разумеется, это будет самое красивое платье в классе. Ее ждут цветы – любимые георгины, которые как раз распустились под окном: белые, с нежным, чуть розоватым отливом. И новые туфельки, которые отец две недели назад выписал из Владивостока.

Сегодня она получит аттестат и свою заслуженную золотую медаль, будет много танцевать и улыбаться, а послезавтра самолет унесет их с Иринкой в далекую неведомую Москву. Конечно, папа полетит вместе с ними, чтобы убедиться, что девочки хорошо устроились в столице. Он уже и командировку оформил, чтобы, по своей привычке, проверить все лично. Но потом, после экзаменов и зачисления, все равно придется оставаться в чужой и страшной Москве совсем одним. И пусть Иринку это совсем не пугает, та вообще смелая, безбашенная даже, но для Глаши будущее выглядит тревожно и неуютно. А значит, вполне еще можно успеть все переиграть и остаться дома.

Сегодня выпускной и день рождения, не надо портить их грустными мыслями и тяжелыми разговорами. В том, что ее ждет тяжелый разговор и с отцом, и с бабушкой, и с Иринкой, Глаша даже не сомневалась. Значит, разговоры нужно оставить на завтра, а сегодня веселиться и праздновать. Да, именно так она и сделает.

Глава вторая

Наши дни, Москва

Сегодня они, наконец-то, будут веселиться и праздновать. Репетиция закончилась, и, вернувшись в гримерку, Катя с удовлетворением обнаружила, что заказанные цветы успели доставить. На часах было начало четвертого, зарядивший с утра дождь давно закончился, даже улицы успели подсохнуть и выглядели свежими и умытыми, как снявшая косметику женщина.

Что ж, можно отправляться на день рождения к Аглае Тихоновне. Катя легко пробежалась по лицу пуховкой, чуть тронула губы перламутровым блеском, вдела в уши тяжелые серьги, которые умело подбирала практически к любому наряду, считая их неотъемлемой частью своего образа. Это ее умение Аглая Тихоновна оценивала высоко, каждый раз выражая свое одобрение легким наклоном головы. Все ее жесты были, нет, не скупыми, а скорее царственными.

Прихватив одуряюще пахнувший букет, Катя заперла гримерку и, едва касаясь ступеней, сбегала вниз, кивком головы попрощавшись с вахтершей. Из-за карантинных ограничений народу в театре было мало, внутрь впускали только тех, кто непосредственно был занят в репетиции, в количестве не больше пяти человек. К примеру, и в гримерке Катя была одна, потому что ни Глаша, ни Анна в этом спектакле заняты не были.

Выйдя на улицу, Катя вдохнула сохранивший память о дожде воздух. Пах он вкусно, что, помимо простого удовольствия от свежести, дарило еще и понимание, что она различает запахи, а значит, здорова. Нехитрый, но обнадеживающий тест. До дома Колокольцевых было не больше двадцати минут пешком, причем большая часть пути пролежала по Цветному бульвару, и маршрут этот Катя любила. Он был дополнительным удовольствием при визитах к Аглае Тихоновне, и сегодня Катя представила, как выглядит со стороны: стройная, легкая, улыбающаяся женщина с букетом георгинов, танцующей походкой неспешнодвигающаяся по летнему бульвару, чтобы поздравить с днем

рождения одного из самых удивительных людей, которых она знала. Представила и рассмеялась.

– Здравствуйте, Екатерина, – голос, глухой, словно надтреснутый, шел откуда-то сбоку и чуть сзади, и Катя невольно дернулась от взявшегося ниоткуда страха, хотя при свете дня практически в центре Москвы ей было совершенно нечего бояться. – О, простите, если я вас напугал.

Она повернулась и увидела одного из своих учеников, с которыми занималась в созданном ею Открытом театре. Это было ее детище, ее любовь, ее страсть – Открытый театр, который собирал самодельных актеров и ставил любительские спектакли. Екатерина Холодова была его директором, режиссером, автором сценариев разворачивающихся на сцене спектаклей.

Впрочем, Открытый театр был не только площадкой для лицедейства, но и своеобразным психологическим тренингом, каждый из участников которого мог прожить на сцене свою проблему, проговорить ее вслух, проиграть, выплеснув боль, и, в конце концов, найти долгожданное решение.

Когда-то давно, в прошлой жизни, Катя, пытавшаяся собрать себя воедино после развода, вдруг поняла, что смягчить боль ей помогает именно сцена. Чтобы стать собой, иногда было достаточно сыграть кого-то другого. И именно это она и позволяла делать другим на занятиях Открытого театра.

Катин новаторский метод заключался в том, чтобы совместить любительский театр со своеобразной психологической лабораторией, и в прошлом году, во время выездного ретрита в Переславль-Залесский, пользуясь ее методом, удалось даже поймать убийцу^[1].

С сентября она набрала новую группу, точнее, труппу, и полгода они ставили очередной спектакль, попутно «проигрывая» проблемы ее учеников, чтобы найти их решение. На июль они планировали премьеру, но в планы нагло вмешался ковид, с апреля Катя проводила репетиции онлайн, но это все-таки было не то, премьеру пришлось перенести на сентябрь, и все участники ужасно нервничали.

И вот сейчас перед ней стоял один из них, Владимир Бекетов, в повседневной жизни работавший следователем. Никаких психологических заморочек у него не наблюдалось, человеком он был устроенным просто, в чем-то похожим на параллелепипед, но на

репетиции все-таки ходил исправно, хотя Катя никак не могла взять в толк, зачем ему это нужно.

Иногда он появлялся и в театре, где служила Екатерина Холодова, как правило, поджидая ее после спектакля, чтобы подарить цветы. Во время жесткого карантина, когда театр был закрыт, Катя иногда сталкивалась с Бекетовым в магазине, и тогда он помогал ей доносить до дома тяжелые сумки с продуктами, поскольку она старалась выходить из дома как можно реже и закупаться впрок.

– Добрый день, Владимир Николаевич, – сказала Катя чуть суше, чем это допускали правила вежливости. Ему действительно удалось ее напугать. – Сейчас, по законам жанра, вы должны сказать, что оказались здесь совершенно случайно.

– Нет, не случайно. Я специально пришел, чтобы вас повидать, потому что по службе оказался неподалеку.

– По службе?

– Да, на Цветном бульваре убили пожилую женщину, а я сегодня дежурный следователь.

Желудок Катерины ухнул куда-то вниз, и ее сразу жестко затошнило, так сильно, что она испугалась, что ее вывернет наизнанку, прямо на замшевые туфли стоящего рядом мужчины. Она наклонилась и задышала открытым ртом, чтобы унять тошноту.

– Что с вами? Вам плохо?

– Мне нормально, – проскрежетала Катя. Голос ее стал глухим от выворачивающей внутренности тревоги. – А какую пожилую женщину убили на Цветном?

– Да в том-то и дело, что мы понятия не имеем, кто она, – воскликнул Бекетов. – У нее при себе документов не было. Видимо, кто-то из жительниц окрестных домов. Пришла в парк посидеть на лавочке, зачем для этого паспорт. Обход соседних домов, конечно, проводится, но Цветной бульвар немаленький, домов вокруг уйма, так что на скорый результат рассчитывать не приходится. Остается только ждать, пока кто-нибудь заявит о пропаже пожилой родственницы. Да что с вами, Екатерина, вы такая бледная?

Конечно, за Аглаей Тихоновной никогда не числилась привычка сидеть на лавочке на Цветном бульваре. Она вообще считала глупостью любое праздное времяпровождение, а прогулку полагала

временем для физической активности, если уж нельзя сходить на выставку или в театр.

Если она смотрела телевизор, то параллельно обязательно еще вышивала или вязала, если присаживалась на кухне, чтобы разложить пасьянс, то одновременно еще пекла какой-нибудь обязательный кекс, если читала, то непременно делая пометки в специальном блокноте, чтобы потом еще раз вернуться к своим мыслям и хорошенько обдумать сюжет и поступки героев. Нет, Аглая Тихоновна не была человеком праздным.

А вдруг это ее убили на Цветном? Тревожащая Екатерину мысль наконец-то сформулировалась четко, во всем своем ужасе, и Катя выхватила из сумочки телефон, набирая знакомый номер.

– Алло, Глашка, ты дома?

– Ну да, а где мне быть, если я выполняю священный долг накрывания на стол, – услышала она журчащий голос молодой подружки. – Ты что, бабушку не знаешь? Она с утра на целую роту наготовила, а я теперь мечу все из печи. Уже вспотела вся. Ты, кстати, скоро придешь? А то я одна умаялась.

– Да, я уже бегу, – сообщила Катя и покосилась на стоящего рядом Бекетова. – Глаш, а Аглая Тихоновна с тобой?

– В смысле? – не поняла Глаша. – Со мной, вон, рядом стоит, передает тебе привет.

Парализующий страх схлынул так же внезапно, как и пришел. На мгновение Кате показалось, что она даже почувствовала дуновение ветра у самых пяток, мимо которых поток страха стремительно убегал в землю. С Аглаей Тихоновной было все в порядке, на бульваре убили кого-то другого, а значит, можно было выдохнуть.

– Поцелуй ее и скажи, что я буду минут через пятнадцать, – сказала Катя и отключилась. – Владимир Николаевич, вы не против, если я пойду? У бабушки моей подруги сегодня день рождения, меня ждут.

– Вы в какой-то момент подумали, что это она – та самая жертва с бульвара? – проницательно спросил Бекетов. – Любопытно, почему вы так решили. Ваша знакомая пожилая дама кажется вам идеальным объектом для убийства?

– Вы говорите глупости!

Это было грубо, но в данный момент Екатерина Холодова не думала о политесе. За пять минут следователю Бекетову удалось напугать ее дважды, и так просто спускать ему с рук свой недавний страх она не собиралась.

– Бабушка моей подруги удивительная женщина, но случайное нападение с целью ограбления, к примеру, может подстергать любого. Она уже немолода, вряд ли могла бы дать отпор. Но, к счастью, с ней все в порядке. А вам я желаю удачи в вашем расследовании. До свидания.

– Погодите, Катя, давайте я вас провожу. – Не дожидаясь ее ответа Бекетов пошел рядом, примериваясь к ее поспешным шагам. – А цветы, как я сейчас понимаю, имениннице?

– Да, ей. Владимир Николаевич, так вы зачем пришли-то?

– Увидеть вас захотел, – бухнул он, и Катя запнулась, сбилась с хода, настолько неожиданным был для нее этот ответ.

– Зачем? У вас что-то случилось? Вы бы хотели проиграть какую-то ситуацию? По методу Открытого театра?

Теперь следователь смотрел на нее снисходительно и даже с какой-то жалостью.

– Катя, у меня не может ничего случиться. В смысле, ничего такого, с чем я не смог бы справиться БЕЗ проигрывания ситуации. Вы хотя бы приблизительно догадываетесь, что представляет собой моя работа?

– Приблизительно да, – буркнула Екатерина, – ваша работа – находить трупы на бульваре. И если честно, я давно заметила, что наши занятия вам совсем не нравятся. Я даже собиралась у вас спросить, зачем вы тратите на Открытый театр свое время, но не успела. До пандемии.

– Потому что мне нравитесь вы. – Он улыбался, хорошо, открыто, и эта улыбка удивительно шла ему, немолодому и уставшему человеку, работа которого заключается в том, чтобы находить трупы на бульваре.

Сорокалетняя актриса Екатерина Холодова, пережившая не один роман и никогда не терявшая уверенности в себе, вдруг почувствовала, что краснеет. Это было странно, потому что в стоящем перед ней совершенно обычном, немолодом уже мужчине, сидящая пузырем рубашка которого явно скрадывала намечающееся пузико, не было

ничего сбивающего дыхание и заставляющего краснеть. Осознание странности сменилось злостью.

– Владимир Николаевич, меня ждут, а вы отнимаете у меня время, – отрезала она, развернувшись к нему лицом. – Поэтому давайте мы с вами расстанемся здесь. Вы пойдете по своим делам, которые у вас, несомненно, есть, а я отправлюсь на день рождения, которого очень давно ждала. Из-за этого чертового карантина я не видела Аглаю Тихоновну почти три месяца и не хочу терять ни минуты времени, которое могу потратить на беседу с ней. Она, знаете ли, интереснейший собеседник.

– В отличие от меня, – Бекетов закончил несказанное и засмеялся. – Ладно, Екатерина, я умею читать между строк и слушать между слов. Вы пытаетесь элегантно меня отшить, поэтому я удаляюсь. Простите, если показался назойливым.

Спустя всего мгновение Катя вдруг осознала, что его нет рядом. Крупный, даже грузный мужчина словно растворился в воздухе. Она даже головой повертела, пытаясь понять, куда он делся, но тишина стояла вокруг, только полупустой Цветной бульвар расстилался перед ней, и Катя пошла по нему, немного жалея об утраченной легкости, с которой она обычно преодолевала этот участок пути. Какое-то мимолетное сожаление испытывала она сейчас, хотя и не смогла бы сформулировать его природу даже для себя самой. Впрочем, ее ждала Аглая Тихоновна, а значит, сожалеть было не о чем.

* * *

1950 год, Магадан

Сожалеть было не о чем, а раз так, Аглая Дмитриевна и не сожалела. Жизнь вообще отучила ее от пустых сожалений, раз за разом лишая всего привычного, устоявшегося, важного, дорогого.

Стоя перед мутным зеркалом с облезшей по краям амальгамой, она придирчиво оглядывала себя в зеркало. Сорок восемь лет, а, пожалуй, уже старуха, особенно в сравнении с двадцатилетней дочерью. С Ольгой.

Подумав о дочери, Аглая Дмитриевна едва заметно улыбнулась. Видит бог, она много лет несла все бремя ответственности за их семью сама, в одиночку. Теперь пришел Ольгин черед. И если за спокойствие и достаток нужно заплатить, продав молодое тело, значит, так тому и быть. Она сама платила гораздо дороже.

Отойдя от зеркала, Аглая Дмитриевна выглянула в окно. Там бушевала зима, которую все привыкли называть суровой. На самом деле температура воздуха в декабре в Магадане практически никогда не опускалась ниже пятнадцати градусов мороза, пожалуй, теплее, чем в Москве, и снежных дней немного, и солнце есть, да и вообще Санкт-Петербург находится на той же географической широте, а вот поди ж ты, суровый климат, и все тут.

Впрочем, Аглая Дмитриевна прекрасно понимала, что дело вовсе не в климате и не в близости Охотского моря. На мгновение закрыв глаза, она вдруг как наяву услышала голос мужа Александра, размеренно объясняющего ей особенности местного климата в первую же зиму после ее приезда в Магадан.

– Видишь ли, Глаша, Охотское море выполняет функцию гигантского аккумулятора, поскольку его чаша, с одной стороны, достаточно обширна, а с другой, изолирована от остального Мирового океана. Весной здесь застаиваются плавучие льды, на их таяние требуется много энергии, поэтому воздух здесь и не может прогреться летом до привычных тебе температур. Лето у нас, как ты видишь, прохладное. Зато осенью и зимой воды Охотского моря отдают тепло, смягчая морозы. Но все же зима тут нестабильная, с Якутии идут антициклоны, которые способствуют установлению морозов, а с Тихого океана циклоны, которые несут потепление, снегопады и метели.

Аглаю Дмитриевну ничуть не удивило, что ее муж так уверенно разбирается в вопросах метеорологии. За годы брака она привыкла, что он знает обо всем на свете, но вот оборот «у нас» по отношению к Магадану царапнул сознание, срывая корочку с начавших подживать болячек. Восемь лет он провел здесь, в Магадане, один, без нее. И это брошенное вскользь «у нас» словно ставило крест на надеждах когда-нибудь вернуться в родную Москву. Всю жизнь ей что-то мешало туда вернуться.

В Москве Аглая Аристова родилась и провела все свое детство, поскольку вместе с сестрой воспитывалась у бабушки с дедушкой. Родителям, жившим в Санкт-Петербурге, было не до детей, и из Москвы ее забрали лишь в десятилетнем возрасте, да и то только для того, чтобы сразу отдать в Смольный институт. Аглае на тот момент было десять лет, разлуку с бабушкой и сестрой она переживала очень остро, но быстро поняла, что плакать, пусть даже и втихаря, вовсе не выход. За нюни и прочее нарушение дисциплины в Смольном карали жестко и слабостей не прощали.

Было это в 1912 году, и сестра Аглаи Вера, будучи на четыре года младше, подобной участи избежала. Она была слаба здоровьем, когда ей исполнилось десять, на семейном совете было принято решение оставить ее дома еще на год. Когда же этот год прошел и наступил 1917-й, проблема стала и вовсе не актуальной.

Когда в октябре 1917 года Институт благородных девиц перевозили из Петрограда в Новочеркасск, Аглая Аристова сбежала. Без предупреждения появилась она на пороге родительского дома, где ей, как оказалось, были вовсе не рады. Привыкшие к свободе родители понятия не имели, каково это – нести ответственность за дочь-подростка, тем более в новых условиях. Когда они приняли решение уехать за границу, пятнадцатилетняя Аглая ехать вместе с ними наотрез отказалась. И отец, и мать были ей, по сути, совершенно чужими, и больше всего на свете она мечтала вернуться в Москву, к бабушке, ставшей к тому времени вдовой, и к младшей сестре.

Везти ее в Москву отец категорически отказался, не хотел тратить время на лишние поездки, которые к тому моменту были уже небезопасными. Аглаю вручили заботам коллеги отца, друга семьи Александра Лаврова, который был старше ее на пятнадцать лет, то есть почти в два раза.

Слыл он человеком обширных знаний и недюжинного интеллекта, свободно владел тремя языками, был блестяще начитан. Неудивительно, что еще в поезде Аглая влюбилась в него до беспамятства, словно в омут нырнула.

Что думал Лавров о влюбленной в него девочке, история умалчивала. За всю дорогу он ни разу не прикоснулся к ней, только подал руку, чтобы помочь сойти сначала с поезда, а потом с пролетки извозчика. Доставил к бабушкиному дому, согласился выпить чаю с

дороги, был представлен бабушке и Верочке, а после отбыл, слегка прищелкнув каблуками. Аглая, заняв свою детскую комнату, заперлась внутри и проплакала весь вечер и ночь до утра. Сердце ее было разбито.

В следующий раз Аглая Аристова увидела Лаврова страшной весной двадцатого, когда они с Верой похоронили бабушку и остались совсем одни в холодной, голодной и злой Москве. За продуктами ходила четырнадцатилетняя Вера, потому что Аглае было опасно оказаться одной на улице. Сестру она одевала как ребенка, потому что вытянувшаяся Верочка тоже была уже достаточно хорошенькой, чтобы притягивать нескромные и недобрые мужские взгляды.

О том, что их с сестрой ждет дальше, Аглая предпочитала не думать, но отмахнуться от этих мыслей не получалось. Она понимала, что им нужно искать защиты, а найти ее можно было, только выйдя замуж. Но где при ее затворнической жизни взять жениха, да еще такого, чтобы от него не воротило с души, она не знала.

Все чаще думала Аглая о том, правильно ли поступила, отказавшись уехать с родителями, но, обращая свой взор на русую голову склонившейся над шитьем Веры, понимала, что да, правильно. Оставшись одна, девочка неминуемо пропала бы.

В бывшей бабушкиной квартире сестры занимали теперь только одну комнату, причем не самую большую. Хорошо хоть с соседями им повезло. С тихой старушкой, занимавшей самую маленькую комнату в квартире, тоже дворянкой, потерявшей всю семью, девочки разговаривали по-французски, дородная Татьяна, жившая с пятью детьми в бывшей гостиной, учила Глашу стирать белье и одалживала имеющееся у нее жестяное корыто, военный по имени Илья обеспечивал дровами и один раз отшил привязавшегося к Вере хулигана, рук не распускал, смотрел не сально. Остальные соседи были под стать – тихие, незаметные, нескандальные. Тем не менее из их с Верой комнаты Аглая предпочитала лишней раз не выходить.

Зимой девушки отчаянно мерзли. Принесенные дрова кончались быстро, чтобы их сберечь, буржуйку растапливали только по утрам. К ночи комната выстуживалась окончательно, и, лежа на одной кровати и прижавшись друг к другу, чтобы согреться под двумя тонкими одеялами, они отчаянно дрожали.

Аглае было проще, она привыкла мерзнуть в Смольном. Там тоже холод преследовал институток везде: в классах, в столовой, в спальнях. Иногда, засыпая, она вдруг воображала, что ничего не изменилось. Она по-прежнему в институте, рядом ее подруги, а Вера где-то далеко, в Москве. И не было никакой революции, и бабушка с дедушкой живы, и родители где-то неподалеку.

Потом она открывала глаза и обнаруживала себя в настоящем, в старом дедовом доме, в котором теперь можно было занимать только одну комнату, с дрожащей и стонущей во сне Верой рядом.

Сестренка мучилась от холода ужасно и даже разболелась, металась в бреду и кашляла так, что Аглае иногда казалось, что сестра задохнется. Пришлось вызвать доктора, который ходил к ним, когда девочки были еще детьми. Он жил на соседней улице, пришел быстро, выслушал Веру фонендоскопом – деревянной трубочкой, которую он смешно прикладывал к уху с таким серьезным видом, что Аглая не выдержала и засмеялась, хотя, видит бог, не было вокруг ничего, что способствовало веселью.

Ничего серьезного он у девушки не нашел, выписал порошки и микстуру, обещал зайти через пару дней и действительно пришел, а потом начал захакивать регулярно, явно оказывая Аглае знаки внимания. Было ему за пятьдесят, пожалуй, даже ближе к шестидесяти, и, поняв истинную причину его визитов, Аглая сначала удивилась, потом испугалась, а потом, поразмыслив, решила, что это, пожалуй, выход из той ситуации, в которой они с Верой оказались.

Жить им было практически не на что, все ценное, что осталось от бабушки и деда, Аглая давно уже выменяла на продукты, оставила лишь старинную бабушкину камею, с которой не смогла расстаться. Бабуля носила ее, не снимая, и Глаша тоже каждое утро пристегивала к потрепанной блузке камею, считая ее талисманом на удачу.

Старый доктор-вдовец мог предоставить им кров, защиту и еду, что, по нынешним временам, было совсем не мало. И в какой-то момент Аглая решила, что, когда он, наконец, объяснится, она согласится на любое предложение. Замуж так замуж, в содержанки так в содержанки.

Тот день, который в очередной раз изменил ее жизнь, начался буднично. Сестры, проснувшись, застелили постель, по очереди сходили в ванную комнату, оделись и причесались, как делали всегда,

не позволяя себе даже в комнате ходить распустехами. На завтрак был хлеб с куском сахара и горячий чай. Затем Вера ушла в магазин, взяв с собой деньги, которые пару дней назад Аглае удалось выменять на старинный серебряный подстаканник, а старшая сестра осталась дома, пристроившись с книгой перед растопленной буржуйкой.

Раздавшийся звонок в дверь не мог иметь к ней никакого отношения, потому что звонили один раз, а не три. Да и не ждала она никого в этот утренний час. Кто-то из соседей открыл дверь, в коридоре послышались шаги, потом тихий стук. Аглая выскользнула из кресла, отперла замок, не успев ни удивиться, ни испугаться. Она вообще жила как во сне, иногда думая о том, что за три года растеряла весь спектр эмоций, перестав как плакать, так и улыбаться.

За дверью стоял Александр Лавров. Как ни странно, за эти годы Аглая ни разу не вспоминала свою случайную влюбленность и вызвавшего ее человека, но узнала его сразу, словно за дверь квартиры, поцеловав на прощание бабушкину руку, он вышел пару дней назад.

– Здравствуйте, Аглая Дмитриевна, – сказал он, – хотел прийти в день вашего рождения, но был в командировке, поэтому извините, что с опозданием.

– Откуда вы знаете, когда у меня день рождения? – глупо спросила Аглая и, спохватившись, добавила: – Вы проходите внутрь, пожалуйста. Негоже это, на пороге стоять.

– Я был дружен с вашими родителями, поэтому знаю, когда у вас и Веры Дмитриевны день рождения. Впрочем, важно сейчас не это. Аглая Дмитриевна, выходите за меня замуж.

Вряд ли было что-то, чем он мог удивить Аглаю больше.

– Замуж? – спросила она, словно не верила собственным ушам. – В каком смысле замуж?

Лавров засмеялся, словно она спросила невесть что смешное.

– В самом прямом, – заверил он. – Если вы хотите, я на колени встану. Я вас полюбил тогда, в поезде, по дороге из Петербурга в Москву. Но вы были пятнадцатилетней девочкой, вот и пришлось подождать до вашего совершеннолетия.

– Из Петрограда в Москву, нет теперь Петербурга, – зачем-то поправила его Аглая. – Хотя получилось красиво, почти по Радищеву. Боже мой, Александр, если бы вы тогда сказали, что все дело в том,

что надо всего-навсего подождать. Я же была уверена, что больше никогда вас не увижу.

Расписались они на следующий же день, после чего Лавров перевез Аглаю и Веру к себе. Только после свадьбы Аглая узнала, что он работает дипломатом, близок к Максиму Литвинову, часто бывает за границей. Благодаря ему Аглая увидела Вену, Берлин и Париж, где ей довелось, пусть ненадолго, но все-таки повидать родителей.

Отец замужество дочери одобрил.

– Саша тебя не обидит, – сказал он. – Будешь за ним как за каменной стеной, да и Веру удачно замуж пристроишь. Молодец, дочка, не ожидал, что ты такая.

– Какая? – спросила Аглая, во всем любившая точность.

– Умеющая приладиться к обстоятельствам.

Что он имел в виду, Аглая тогда поняла не очень. Мужа своего она любила и замужество браком по расчету не считала. Отцу она хотела возразить, что, бросив на произвол судьбы двух дочерей, он утратил моральное право одобрять или осуждать принятые ими решения, но не стала. Разве словами что-нибудь изменишь?

Спустя восемь лет после свадьбы старшей сестры вышла замуж Вера, Аглая и Александр остались в квартире вдвоем. Детей у них не было довольно долго. Аглая по этому поводу расстраивалась не сильно, получая удовольствие от светских раутов, на которых блистала, как в Москве, так и за границей, а Александру, казалось, и вовсе было довольно ее одной, и в качестве жены, и в качестве ребенка, которого он лелеял и баловал. Дочь у Лавровых родилась лишь через десять лет после скоропалительной свадьбы – в 1930-м. Аглае исполнилось двадцать восемь, ее мужу – сорок три. Девочку назвали Ольгой.

– Мама, я пришла, ты дома?

Аглая Дмитриевна вынырнула из воспоминаний, оторвалась от окна, в которое, оказывается, бездумно смотрела битых полчаса. Сказать или не сказать? Велеть или не велеть? Она посмотрела на влетевшую в комнату двадцатилетнюю дочь, прекрасную в своей отнюдь не безмятежной юности. Сейчас, в далеком от Москвы, безжалостном к чужакам и неприспособленным людям Магадане у них обеих был только один шанс выжить. Тот самый, о котором много лет назад думала восемнадцатилетняя Глаша, согласная выйти замуж за

старого доктора, только чтобы защитить себя и сестру от голода и надругательств.

Ночь, улица, фонарь, аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Вспомнившийся внезапно Блок был сейчас очень кстати. Да, история повторяется, и в этом не ее вина. Если бы она могла торговать собой, то, не раздумывая, сделала бы это. Но ее «лежалый» товар больше не пользуется спросом, зато за ее девочку готовы дать неприлично дорого, ведь что может быть дороже жизни? Возможно, любовь, но Аглая Дмитриевна точно знала, что ее дочь пока еще никого по-настоящему не любила. Их с Сашей дочь вообще была немного не от мира сего. Жила в полусне-полуяви, не интересуясь ничем, кроме книг и редких кинофильмов. А еще рисовала. А раз так, то и терять ей нечего.

– Сядь, Оля, – вздохнув, сказала Аглая Дмитриевна. – Мне нужно с тобой поговорить.

* * *

Наши дни. Москва

– Мне нужно с тобой поговорить. Мне это просто жизненно необходимо. За эти три месяца я, кажется, совсем разучилась разговаривать, – сообщила Аглая Тихоновна Кате, едва та переступила порог квартиры.

Пожилая женщина показалась Катерине похудевшей и даже осунувшейся. Вручив цветы и подарок, Катя поцеловала сухую, гладкую щеку, которая тонко пахла пудрой, пожала протянутую ей для приветствия руку в тяжелых, очень элегантных кольцах.

– У тебя очень красивые серьги, Катенька. За георгины спасибо, они чудесные, мне так приятно, что ты помнишь об этой моей

маленькой слабости.

– Конечно, помню. С днем рождения, Аглая Тихоновна. Главное – здоровья. Вы, кстати, хорошо себя чувствуете?

Именинница, казалось, удивилась Катиному вопросу.

– Абсолютно. А почему ты спрашиваешь? Я что, плохо выгляжу?

В этом невинном вопросе скрывалась изрядная доля кокетства. Катя рассмеялась и снова легонько чмокнула подружку бабушку в щеку.

– Вы не можете плохо выглядеть, Аглая Тихоновна. И прекрасно об этом знаете. Просто мне показалось, что вы осунулись.

– Девочка моя, сидение взаперти не идет на пользу даже более молодым людям, чем я, – сообщила ей именинница и подмигнула, тут же превратившись из степенной дамы в озорную школьницу. Только косичек не хватало. – Скажу тебе как врач, этот карантин может подорвать здоровье почище любого вируса. Человек так устроен, что ему нужен свежий воздух и необходимо движение, иначе он сохнет и погибает. Я, конечно, стараюсь выходить хотя бы ненадолго, гуляю по бульвару, когда Глашка не видит и не может меня пилить.

Она заметила встревоженный Катин взгляд и быстро добавила:

– Нет-нет, не волнуйся, я соблюдаю все меры предосторожности и эту, как ее, социальную дистанцию. Ни к кому не подхожу, ничего не трогаю. Делаю круг почета по бульвару и спешу домой, а здесь сразу переодеваюсь, вывешиваю одежду на балкон и мою руки. Кстати, если бы меня спросили, то я бы сказала, что предпочитаю умереть от новомодной болезни, а не от гиподинамии и вызванных ею последствий. Все, деточка, проходи в комнату, к столу. Я поставлю цветы в вазу и приду.

Катя прошла в гостиную, где у накрытого стола суетилась Глаша.

– Много народу ожидается? – спросила у подружки Катерина. – Все-таки меры безопасности никто не отменял.

– Да брось ты, – махнула рукой Глашка, – бабушка и так уже с ума сходит в четырех стенах. Такая нервная стала, ужас. И неловкая. Недавно чашку разбила. Говорит, что у нее от всех этих ужасов все из рук валится. Сказала, что день рождения будет отмечать, и точка. Говорит, что в ее возрасте переносить праздники не стоит, потому что до следующего можно и не дожить. Но ты не переживай, Катя. Мы толпу, разумеется, не звали. Да и где ее взять, толпу-то? Кроме меня,

тебя и бабушки, будет еще ее коллега по работе Мирра Ивановна, соседка Нина Петровна, Мишка, брат мой троюродный, Вадим Алексеевич, разумеется, и Аня с бабушкой.

– Аня? Какая Аня? – не поняла Катя. Все остальные перечисленные гости были ей хорошо знакомы. В том числе и Вадим Алексеевич, который «разумеется». Это был старинный друг семьи, которого Катя подозревала в том, что в Аглаю Тихоновну он тайно влюблен. По крайней мере, жил он, кажется, бобылем.

– Наша с тобой Аня. Демидова, – Глашка расхохоталась, видя Катину удивленное лицо. – Ты что, забыла про третью соседку по гримерке?

– Анна придет на день рождения Аглаи Тихоновны? – вот теперь Катя была действительно изумлена, потому что знала, насколько Глашина подружка не любит ходить к ней домой. – Да еще и с бабушкой? Бабушка-то откуда взялась? Она же у нее во Владивостоке живет.

– Ну да. Во Владивостоке. Но перед самым карантином прилетела к Аньке в гости. Она же давно собиралась, а тут отец Анюткин в Москву прилетал по делам каким-то своим, адмиральским, и мать его уговорила с собой ее взять. Он потом на флот вернулся, а она у Аньки осталась, погостить немного, а потом, р-раз, коронавирус, самолеты отменили, вот она улететь и не смогла. Так у Ани и осталась. Ты что, не знала?

– Нет, не знала, – покачала головой Екатерина. – Да мне это, в общем-то, и неинтересно. И что, Аглая Тихоновна решила пригласить их на день рождения?

– Ой, да тут же целая история, – Глаша всплеснула руками. – А ты и впрямь ее не знаешь, вот что значит в гримерке не пересекаться целую вечность. Да и в гостях ты у нас сто лет не была, вот я тебе и не рассказала. В общем, эта самая бабушка стала у Ани выпрашивать, как она в Москве живет да с кем дружит. И Анька возьми да и скажи, что ее лучшая подружка Глаша Колокольцева, ну то есть я. А бабка в нее вцепилась клещами, говорит, ну-ка расскажи мне про эту Глашу, потому что у меня, когда я в школе училась, тоже была подружка Глаша Колокольцева. В общем, слово за слово, выяснилось, что эта бабушка родилась и выросла в Магадане и бабулю действительно знала.

– Ну надо же.

– И не говори. В общем, встретиться они не могли из-за карантина этого долбаного. Но по телефону несколько раз разговаривали. И сегодня бабуля решила их позвать в гости. Отметить день рождения и выпить за общие воспоминания.

– Ясно. А как Аглая Тихоновна отреагировала на появление человека из прошлого?

– Ой, ты что, бабулю не знаешь. Она же человек-камень, у нее по лицу невозможно догадаться, какие эмоции ее обуревают. Сначала удивлена была, пожалуй. Еще бы, столько лет прошло. Но, пожалуй, не рада. Во-первых, о чем можно разговаривать с человеком, которого ты пятьдесят лет не видел? А во-вторых, ты же знаешь, при каких обстоятельствах бабушка из Магадана уезжала. И старушенция эта ей те тяжелые дни напомнила. Сразу про выпускной начала тарыхтеть, а трагедия же и случилась, когда бабуля на выпускном была. В общем, она так распереживалась после первого разговора, что даже капли сердечные пила. Это бабушка-то, которая вообще лекарств не признает.

– Ой, а вдруг ей и сегодня нехорошо станет? – испугалась вдруг Катя. – Сегодня же именно тот день, когда был выпускной. Он же совпал с днем рождения Аглаи Тихоновны.

– Я тоже предложила в другой день встречу устроить. Но бабушка уперлась, как скала. Сказала, что давно уже научилась жить дальше, что после того, как моя мама умерла, ей вообще уже ничего в этой жизни не страшно. Что сегодня такой же день, как и все остальные, и все незакрытые гештальты лучше закрыть именно сегодня.

– Так и сказала? – улыбнулась Катя, потому что это было очень похоже на Аглаю Тихоновну и ее характер.

– Ага. В общем, не смогла я ее отговорить, так что скоро нас ждет историческое воссоединение людей, которые когда-то дружили, а потом полвека не виделись.

– Сплетничаете? – Аглая Тихоновна зашла в комнату, неся большую вазу с георгинами, установила ее на столик, стоящий у окна, отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться тем, что получилось.

– Да вот, Глаша рассказывает про Анину бабушку, которая оказалась вашей одноклассницей.

– Скажи, сюжет! – воскликнула пожилая женщина и немного поправила один георгин, чтобы не выбивался из ряда остальных. – Я про ту часть своей жизни так старательно пыталась забыть, что даже не сразу поняла, что это действительно моя школьная подружка. Но жизнь – такая удивительная штука, никогда не знаешь, за каким ее поворотом тебя ждет нежданная-негаданная встреча. Я ж, Катенька, сначала переживать начала, а потом подумала и успокоилась. Каждого ждет встреча с оставленным далеко позади детством, и какая бы тяжелая она ни была, а пройти через это надо. Пройти и, наконец, забыть. Господи, Глаша, а пироги-то... мы же с кухни пироги забыли принести.

Ее хрупкая, легкая фигурка метнулась к дверям, Глаша побежала следом.

– Ба, давай я помогу, не тащи ты это блюдо, оно тяжелое...

– И что с того, что тяжелое, я еще, слава богу, не инвалид, – услышала Катя, и от этой легкой перепалки, в которую всегда вступали бабушка и внучка, у нее стало тепло на душе. В этом были все Колокольцевы, две Аглаи, старшая и младшая, безумно любящие друг друга и заботящиеся друг о друге даже в мелочах.

Постепенно собирались гости, поздравляли Аглаю Тихоновну, вручали цветы и подарки, обнимали Глашу, здоровались с Катериной, которую на правах завсегдатаев этого дома, конечно же, хорошо знали, рассаживались за большим, щедро накрытым столом.

Колокольцевы вообще жили щедро и хлебосольно. Екатерина однажды задумалась, на какие средства. Клубника зимой, потому что ее очень любит Глаша, малина круглый год, потому что это любимая ягода Аглаи Тихоновны, элитный алкоголь, продукты с рынка, содержание четырехкомнатной квартиры на Цветном бульваре, маленькая юркая машинка, которую бабушка подарила Глаше на окончание театрального института – все это никак не могло объясняться пенсией Аглаи Тихоновны и скромными Глашкиными заработками.

Екатерина, к примеру, чтобы обеспечить себе нормальный уровень жизни, и режиссурой занималась, и Открытый театр создала, и уроки сценречи давала, и мастер-классами не брезговала, но до свободного отношения к деньгам, о которых можно было бы не

думать, в ее случае даже речи не шло. А тут пенсионерка и начинающая актрисуля.

Хоть это и было неприлично, она даже спросила как-то о том у Аглаи Тихоновны. Не в лоб, конечно, спросила, а исподволь, отказавшись угощаться крупной, очень сладкой малиной, в декабре стоившей целое состояние.

– Спасибо, я не буду есть малину, – вежливо сказала она. – Могу предположить уровень ваших доходов и нахлебничать не стану, неудобно это.

Аглая Тихоновна тогда озорно рассмеялась и тряхнула головой, это был ей одной присущий жест, который удивительным образом ей шел, делая моложе.

– Катенька, ты прелесть, – сказала она звонким, ничуть не утратившим богатых модуляций голосом, – это так мило, что ты боишься нас с Глашей объесть. И чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос, скажу, что в финансах никакого стеснения мы не испытываем. Ты же знаешь, что мой муж, царствие ему небесное, был скрипачом с мировым именем. Он обеспечил нас так, что еще Глашкиным внукам останется. Да в этой квартире одного только антиквариата на миллионы, мы с Глашей к этому старью равнодушны, так что я продаю его потихоньку, на то и живем. На малину для гостей хватит, не переживай, пожалуйста.

И Катя больше действительно не переживала, потому что раз Аглая Тихоновна считает, что в их доме принимать угощение можно без стеснения, значит, так тому и быть. Антикварных предметов – мебели, старинных ламп, ваз, инкрустированных шкатулок, бронзовых подсвечников и прочего древнего хлама, стоящего, впрочем, действительно состояние, в квартире Колокольцевых и впрямь было много.

И Аглая Тихоновна «хлам» действительно не любила, выделив ему одну комнату, самую дальнюю, в которой располагался раньше кабинет ее покойного мужа, и устроив там что-то типа музейного хранилища. Остальная же квартира была просторной, светлой, с современным ремонтом и большим количеством воздуха. Антиквариат в ней смотрелся бы странно, нарушал бы гармонию, но при этом он удивительно шел самой Аглае Тихоновне с ее длинными шуршащими юбками и старинной камеей под подбородком. В современном, почти

стерильном интерьере она смотрелась чуть инородно, но одновременно это придавало ей еще больше шарма и загадки. Удивительная женщина, удивительная.

Анны и ее магаданской бабушки все не было. Минут через пятнадцать после назначенного времени виновница торжества сказала, что ждать, пожалуй, не будут, надо рассаживаться по местам и начинать праздновать, все наверняка голодные. Катя, до этого вовсе не хотевшая есть, вдруг почувствовала, что у нее урчит в животе. Взяв кусок рыбника с палтусом, она с наслаждением стала есть. Все остальные гости тоже приступили к трапезе, а за столом потек тот ни к чему не обязывающий разговор, присутствовать при котором актриса Екатерина Холодова очень любила. Такие разговоры давали ей массу впечатлений, которые потом можно было использовать в постановках. Салаты и пироги были съедены, подали горячее – утку, жаренную с яблоками и грушей.

– Что-то я переживаю, что Ани до сих пор нет, – негромко сказала Кате на ухо сидящая рядом с ней Глаша. – Как думаешь, может, ей позвонить, не случилось ли чего?

– Не надо звонить, – пожалала плечами Катя. – Это неудобно. Такое чувство, что ты им Аглаю Тихоновну навязываешь. Не хотят, не надо. Тут и без них весело.

В глубине души она была совсем не удивлена тем, что Аня Демидова вместе со своей неведомой бабушкой посмели не явиться на день рождения, на который были официально приглашены. Она-то знает, как сильно Аня не любит ходить к Колокольцевым. Так сильно, что даже ради бабушки не может сделать исключение. Но Глаше же этого не расскажешь, вот еще не хватало, вбивать клин между подругами.

Катя видела, что Аглая Тихоновна время от времени посматривала на маленькие золотые часики, перехватывающие ее тонкое запястье. Часики были старинные, а оттого немодные, но Катерина знала, что Аглая Тихоновна наотрез отказывается менять их на любые другие. Эти часики, как и камешка на воротнике обязательной блузки, были частью образа пожилой женщины, и без них Катя ее себе и не представляла.

Часов около восьми убрали со стола и наступило время десерта и фруктов. В ближайшей к дому кондитерской были заказаны

крошечные, удивительно вкусные пирожные, Глаша испекла бабушкин любимый торт «Прага», из мельхиоровых ваз на скатерть свисали хвостики черешни, аромат клубники плыл по комнате, чай исходил горячим духом бергамота, постепенно сходил на нет шум разговоров, ушла домой соседка Нина Петровна, захватив с собой большой кусок торта для внуков, прощалась в коридоре Мирра Ивановна, уже раскланялся и ушел Вадим Алексеевич, за столом сидел только Михаил, которого Глаша называла троюродным братом, но на самом деле был он Колокольцевым седьмой водой на киселе, поскольку троюродным братом Аглае Тихоновне приходился его отец.

С Михаилом Лондоном Катерина всегда общалась во время «больших» семейных посиделок, поскольку был он ее возраста, работал начальником Департамента по связям с общественностью в «Газпроме», обладал широким кругозором, знал много, рассказывал интересно. Впрочем, это качество – быть прекрасным собеседником – было присуще всем Колокольцевым и, видимо, передавалось с молоком матери.

– Тебя подвезти? – спросил Михаил у Екатерины. – Я же помню, что нам в одну сторону. А хочешь – к нам заедем, Маша будет рада. Давно не виделись. – Машей звали его жену. – Или ты еще посидеть хочешь?

– В гости уж точно не поеду, не то сейчас время, Миш. А насчет подвезти... Так-то было бы здорово, но, наверное, надо помочь со стола убрать и посуду вымыть. Сейчас Аглая Тихоновна освободится, и я спрошу.

– Да с посудой и уборкой Глашка прекрасно справится. А ты, если останешься, потом будешь полтора часа до дому добираться, да еще и на метро. А для метро сейчас, как ты совершенно справедливо заметила, не то время.

По-хорошему, на предложение нужно было соглашаться, потому что в метро на Катю действительно напала невесть откуда взявшаяся паника. Если ей предстояло проехать более четырех остановок, то она начинала задыхаться и уже несколько раз вынуждена была выскакивать из вагона, а потом наверх, на воздух, чтобы унять бешено колотящееся сердце. Заканчивать путь приходилось пешком, а на улице снова зарядил дождь, шедший все утро. Да, если уехать с

Михаилом на машине, то все будет гораздо проще. Но Аглая Тихоновна...

Впрочем, Катя знала, что именинница устала. Ее лицо казалось еще более осунувшимся, чем несколькими часами ранее, у носа пролегли глубокие складки, будто она не с близкими общалась, а разгрузила товарный вагон. Ну или у операционного стола простояла эти четыре часа. Хотя чему удивляться. Все утро Аглая Тихоновна провела на кухне, у плиты, а потом еще «спину держала», как привыкла называть поведение при чужих людях сама Катя. В ее возрасте, да с непривычки, да после карантина... Нет, решено, надо ехать с Мишей, оставив пожилую женщину отдыхать. Или все-таки отправить ее в постель, а самой помочь Глашке с посудой?

Принять окончательное решение Катя так и не успела. Зазвонил оставленный Глашей на столе телефон. Сама девушка была на кухне, откуда доносилось звяканье тарелок. Катя скосила глаза на последней модели айфон, который бабушка успела купить внучке уже за время карантина. Ой балует Аглая Тихоновна Глашку, ой балует.

«Аня», – было написано на экране.

На мгновение Катя «зависла», не зная, что делать. Пока она добежит с телефоном до кухни, телефон перестанет звонить. На самом деле, действительно интересно, почему Анна поступила сегодня так по-свински. Значит, надо ответить, и ничего неудобного в этом нет.

– Аня, привет, это я, Катя, – сказала она в трубку довольно холодно. Оправдания поступку коллеги она не видела, – Глаша на кухне, сейчас я отнесу ей телефон, подожди немного. Кстати, Аглая Тихоновна вас ждала, и, извини, за нотацию, но тебе не кажется, что так поступать некрасиво?

В трубке слышалось прерывистое Анино дыхание и какие-то странные звуки, всхлипы, что ли. Внезапно Катю осенило, что девушка плачет.

– Ань, ты чего, реवेशь? – спросила она и приостановила свой бег в сторону кухни, потому что в коридоре по-прежнему прощалась с подругой Аглая Тихоновна, и расстраивать ее в день рождения любыми неприятностями, пусть даже и не имеющими к ней непосредственного отношения, Катя не собиралась. – Случилось что-нибудь?

– Катя, отнеси Глашке трубку. Мне нужно, чтобы она срочно ко мне приехала.

– Аня-я, – теперь Катя говорила совсем аккуратно, потому что ее молодая соседка по примерке была явно не в себе, – как она к тебе приедет, если у ее бабушки сегодня день рождения, и еще даже не все гости ушли. Скажи мне, почему ты плачешь? Ты заболела? У тебя коронавирус? Температура? Или бабушке плохо? Скажи мне, и мы решим, что нужно делать.

– Сделать уже ничего нельзя, – голос в трубке захлебывался от рыданий. – Бабушке не плохо, она умерла. Точнее, ее убили.

Глава третья

1952 год, Магадан

Иногда правильное решение приходит тогда, когда кажется, что сделать ничего нельзя. Аглая Дмитриевна с нежностью смотрела на завернутую в одеяло месячную внучку. Тихон и Ольга назвали ее в честь бабушки, Глашей. Хотя девочка была еще крохой, уже сейчас невооруженным глазом было заметно их потрясающее сходство. Аристовская порода, ничего не попишешь.

У малютки были такие же черты лица, как у бабушки и ее сестры Веры, оставшейся в далекой Москве. Баюкая внучку, Аглая Дмитриевна вспоминала, сколько не видела сестру. Получалось, ровно пять лет с того дня, как Вера провожала их с Олей у вагона поезда Москва – Владивосток и рыдала так, как будто они отправляются в преисподнюю. Хотя, в каком-то смысле, так оно и было.

– Хоть ребенка с собой не тащи, – сквозь слезы бормотала Вера и сморкалась в тонкий батистовый платочек, который комкала в руке.

Платочек был еще из «той», стародавней жизни, давно исчезнувшей, растворившейся в тумане памяти. Бабушкин это был платочек, и у Аглаи тоже были именно такие, отороченные французским кружевом, вот только она, в отличие от Веры, давно уже не рисковала их доставать.

«Ребенок», стоявший рядом с Аглаей, был ее семнадцатилетней дочкой Олей, уже вышедшей из детского возраста. Ехать в Магадан Ольга не хотела, отчаянно умоляя мать оставить ее в Москве, у тетки. Вера была не против, и муж ее, разумеется, тоже. Вот только Аглая, представляя, как счастлив будет Саша, увидев дочь, которую помнил восьмилетней девочкой, наотрез отказывалась обсуждать такую возможность.

– Вера, мы все обсудили, дочь едет со мной, – устало сказала Аглая Дмитриевна и подхватила два тяжелых чемодана из трех. – Оля, бери вещи и иди в вагон, поезд скоро тронется.

Предстоящая поездка, да и вся будущая жизнь, круто меняющаяся в очередной раз, пугали ее ничуть не меньше, чем Олю. Хотя,

казалось, свое Аглая Дмитриевна давно уже отбоялась. В первые годы семейной жизни с Александром Лавровым ей казалось, что все ужасы позади. Ее Саша, мудрый, опытный, ироничный, а главное, страстно любящий ее, был дипломатом. Сначала они много ездили по заграницам, потом, после того, как родилась Оля, осели в Москве, горячо любимом Аглаей Дмитриевной городе, в котором у нее было все, о чем только можно было мечтать. Большая квартира, заграничные наряды, изысканная еда. Она блистала в высших кругах, потому что, во-первых, была довольно красива, а во-вторых, моложе жен других Сашиних коллег.

Будучи близок к министру иностранных дел Литвинову, Саша пользовался уважением и полагающимися по роду службы благами. У Лавровых была домработница, на лето семья уезжала на правительственную дачу, у Оли имелась няня, и иногда, забываясь, Аглая Дмитриевна думала о том, что после революции в стране, по большому счету, не так уж много изменилось. Для элиты, разумеется, к которой она по праву относилась и себя.

Все рухнуло в одночасье, в 1939-м. Конечно, Аглая Дмитриевна не была ни слепой, ни глухой, ни дурочкой – о знаменитых черных «воронках», после визита которых навсегда пропадали целые семьи, знала. Но ее семьи не касались аресты. Тридцать четвертый год сменился тридцать пятым, потом тридцать седьмым, и она как-то расслабилась, оттаяла изнутри, перестав просыпаться от звука мотора по ночам. А потому оказалась совершенно не готова к тому, что за Сашей, ее мужем, тоже придут.

3 мая 1939 года Аглая запомнила на всю жизнь. В тот день Саша вернулся с работы раньше обычного и, не раздеваясь, прошел в кабинет, где прямо в ботинках и шляпе лег на кровать поверх покрывала. Обрадованная приходом отца Оля тут же забралась сверху, рассказывая о каких-то школьных событиях, приключившихся с ней сегодня, но обожавший дочь Саша не поворачивался и никак не реагировал.

– Папа, тебе плохо? – шепотом спросила Оля и тут же слезла с кровати, крича во все горло: – Мама, папе плохо!

С первого же взгляда на мужа Аглая поняла, что он не болен. Отослала Олю к себе, присела рядом, положив прохладную узкую руку с длинными пальцами на горячий лоб. Тихо спросила:

– Что?

– Литвинова сняли, – одними губами ответил муж. – У нас теперь новый нарком иностранных дел – Вячеслав Молотов.

– Это очень плохо?

Саша немного помолчал перед тем, как ответить.

– Очень. И для меня, и для страны. Для страны, потому что всех профессионалов уберут, а мир на пороге больших событий, беспокойно все вокруг, ой, беспокойно. Я никогда тебе этого не рассказывал, но у нас и так полно незаполненных вакансий и в Центральном аппарате, и в загранпредставительствах. Где это видано, чтобы послов не было в наших представительствах в США, Японии, Польше, Румынии, Испании, Литве, Дании, Венгрии, Болгарии. У нас в Центральном аппарате из восьми заведующих отделами утвержден только один. А на работу кого берут? Глаша, это же страшно. В дипломатическую службу, которая требует интеллекта, знаний, кругозора, в конце концов, набирают людей только на основе их анкетных данных. Эти люди не знают иностранных языков, не разбираются ни в истории, ни в политике. Это же дипломатия, Глаша. Она сложна и крайне деликатна.

– Я не поняла, ты переживаешь за судьбу дипломатии в Советском Союзе? Или это действительно плохо для тебя, для нас?

– Это плохо для меня, Глаша. И для нас. Потому что предстоит большая кадровая чистка, а мне Максим Максимович всегда доверял и выделял среди прочих, так что меня точно не оставят.

– На работе?

Он снова посмотрел на жену большими, почти дикими глазами.

– Если повезет, то на работе. А не повезет, то и на свободе. Ты вот что, Глаша, до вечера собери Олины вещи и отвези ее к Вере, пусть пока там поживет. Не надо ей тут быть, когда...

Он помолчал и сглотнул что-то тяжелое, комом застрявшее в горле.

– ...когда все произойдет.

Аглая послушно увезла дочку к сестре. Муж Веры, Борис Лондон, играл в созданном за три года до этого Государственном академическом симфоническом оркестре. Сама Вера не работала, Димка, ее сын, ровесник Оли, тоже учился играть на скрипке, с охотой посещая музыкальную школу. Оркестр пользовался негласной

защитой, особенно выдающиеся музыканты, которых было нечем заменить. Другими словами, в доме Веры и ее мужа Оле было действительно безопасно.

Александра Лаврова арестовали на следующий день, 4 мая. Долгие восемь лет Аглая Дмитриевна Лаврова, в одночасье ставшая женой врага народа, ничего не знала о его судьбе. Более того, она была уверена, что мужа нет в живых. Из квартиры ее выселили, так что пришлось собирать вещи и тоже переселяться к Вере. Быть в тягость сестре Аглая не хотела, но денег на то, чтобы снять жилье, у нее не было. Для того, чтобы иметь хоть какую-то зарплату, она начала давать уроки игры на пианино. Домой приходила только ночевать, падая на кровать измученная и уставшая. Оля со страхом смотрела на мать и уходила к тетке – молодой, веселой, беззаботной, оставляющей за собой шлейф тонких духов. А потом началась война.

Почти сразу симфонический оркестр, в котором служил Борис Лондон, эвакуировали в Среднюю Азию, Вера с сыном и племянницей уехала вместе с оркестром, и Аглая осталась в Москве одна, устроившись на работу в госпиталь. Ведь музыка теперь была никому не нужна. В сорок третьем оркестр вернулся в Москву, дав первый концерт в октябре, и дом снова наполнился голосами близких и дорогих Аглае людей. Дочь, которую она не видела почти два года, стала не то чтобы чужой, а какой-то другой, незнакомой.

Оля часто сидела, глядя в одну точку, словно погруженная в какой-то внутренний, только ей одной ведомый мир. Или рисовала. На ее рисунках оживали мужчины и женщины в разных, иногда удивительно причудливых нарядах. Больше тринадцатилетней девочке ничего не нравилось. И Аглая уступила, покупая дочери альбомы с белоснежными листами и карандаши. Достать их в военной Москве было нелегко.

Некоторая потусторонность дочери Аглаю Дмитриевну не пугала. Она и сама жила словно во сне, внешние события были похожи на картинки в калейдоскопе, декорации, меняющиеся при каждом круге сцены. Она словно не жила в них, а смотрела со стороны, потому что со дня ареста мужа ничего не чувствовала. Ни горя, ни любви, ни боли, ни радости, ни страха. Даже война, казалось, прошла стороной, хотя в госпитале, после войны ставшем больницей, где работала Аглая Дмитриевна, видела она за это время достаточно людских страданий.

Но и они оставляли ее холодно-равнодушной, что немало удивляло коллег, начавших в результате ее сторониться.

Странной была эта строгая сорокапятилетняя женщина, одетая в обязательную длинную юбку с непременною камеей у хрупкого горла. Странной и чужой, оттого казавшейся опасной. Людская отчужденность Аглаю Дмитриевну не огорчала, потому что ей не было ни до кого дела. Друзья семьи, которых у Лавровых всегда было достаточно, исчезли еще в тридцать девятом. Немногих оставшихся рассеяло войной, и по большому счету, никого у Аглаи не было, кроме дочери, сестры и ее семьи. Она привыкла к такой жизни, так разительно непохожей на прежнюю, и не роптала, потому что так жили если не все, то многие.

Письмо, в очередной раз круто переменявшее привычный уклад жизни, пришло летом сорок седьмого. Оно было написано месяца за три до этого, долго передавалось из рук в руки, пока не оказалось опущено в почтовый ящик уже в Москве. Отправлено оно было на адрес и имя Веры Лондон, и только в скобках значилось, что его нужно передать Аглае Лавровой. Заметив почерк на конверте, которым было выведено ее имя, Аглая Дмитриевна, доставшая письмо из почтового ящика, села прямо на ступеньки подъездной лестницы, не в силах ни оторвать край конверта, ни пойти домой. Письмо было от Саши. Ее Саши. Письмо, полученное через восемь лет разлуки.

Все эти годы Вера и ее муж Борис аккуратно, исподволь, но все-таки решительно убеждали Аглаю, что Александра давно уже нет в живых. Вера пыталась вырвать старшую сестру из состояния оцепенения, в котором та пребывала, вернуть к нормальной жизни, поставить точку, подвести черту под прошлым. Борис и вовсе считал, что сестре его жены нужно снова выйти замуж. Несмотря на всю свою холодность и чопорность, Аглая Дмитриевна была красивой женщиной, на которую засматривались многие музыканты из симфонического оркестра. Приходя в гости к Лондонам, эти мужчины цепенели при виде Аглаи с ее шуршащими юбками, но ни одному она не оказала милости, ни одному не подарила надежды.

– Я обет давала, – резко сказала она как-то Борису, пытавшемуся расписать достоинства какого-то очередного своего коллеги. – Муж мой жив, по крайней мере, для меня, и я буду считать его живым до тех

пор, пока не получу доказательств обратного. А раз так, значит, ни о каких других мужчинах не может быть и речи.

И вот теперь по всему выходило, что она была права, а ее близкие ошибались. Сколько Аглая сидела на лестнице, она и сама не знала. Немного придя в себя, она поднялась в квартиру, заставила себя переодеться в домашнее, умылась, зачем-то распустила тугую ракушку волос и долго расчесывала ее, сидя перед зеркалом в их с Олей комнате.

Дома никого не было. Борис был на репетиции, Димка и Оля в школе, Вера у портнихи. Вообще-то, вернувшись с ночного дежурства, Аглая собиралась поспать пару часов, пользуясь царившей в квартире тишиной, но вместо этого достала тонкий ножичек для разрезания страниц, оставшийся еще от бабушки, вскрыла замусоленный конверт, погладила пальцами неровные строчки, написанные знакомым, до боли родным почерком, достала листок бумаги из ученической тетрадки в косую полосочку. «Дорогая, любимая моя Глаша», – так начиналось письмо.

К тому времени, как Вера вернулась от своей портнихи, Аглая уже приняла решение. Через три недели, которые потребовались на то, чтобы уволиться с работы, собрать вещи и запастись всем необходимым, они с Олей стояли на перроне, прощаясь с Верой, чтобы уехать в Магадан. Там на поселении жил Александр Лавров, отпущенный из лагеря, но не до конца освобожденный. Там, рядом с мужем и отцом, теперь предстояло жить Аглае Дмитриевне и Ольге.

Там, в Магадане, спустя три года они остались вдвоем, когда Александр Лавров умер от туберкулеза. Там, спустя пару месяцев после его смерти, начальник прииска, на котором Саша «заработал» этот самый туберкулез, переведенный по партийной линии в Магадан, сделал предложение двадцатилетней Ольге, с которой не сводил глаз при встречах. Там Аглая Дмитриевна, прикинув, что ждет их с дочерью, если они откажутся, настояла на том, чтобы Ольга предложение приняла. И там, в Магадане, родилась маленькая Глаша, названная родителями в честь бабушки.

Аглая Дмитриевна баюкала Аглаю Тихоновну, с нежностью вглядываясь в крошечное личико, так похожее на ее собственное. И Верино. И бабушкино. Тонкие аристовские черты победили и

лавровские, и колокольцевские гены. Хорошо это или плохо, укачивающая внучку бабушка не знала.

* * *

Наши дни, Москва

Аглая Тихоновна выглядела совершенно спокойно, но Катя не знала, хорошо это или плохо. Пожилая женщина всегда умела держать себя в руках. Еще бы, она же хирург, но по трепетавшим ноздрям Катя все-таки догадывалась, что внутри у бабушки ее подружки бушует ураган, чреватый сердечным приступом. Еще бы, такие новости.

По зрелом размышлении, внезапная смерть школьной подружки, которую Аглая Тихоновна не видела больше пятидесяти лет, не должна была нанести ей никакой душевной травмы. Потрясенной именинница действительно не выглядела. Узнав, что случилось, деловито велела внучке собираться и ехать к подруге.

– Но, Аглая Тихоновна, а вы как же одна останетесь? – запротестовала Катя.

– Анюте Глаша сейчас нужнее. У человека горе, значит, нельзя оставаться в стороне, – отрезала пожилая женщина. – А со мной ничего не случится. А если ты останешься и поможешь мне помыть посуду, то тем более. Оставайся, Катюша, чайку попьем, поболтаем.

Показалось Катерине, или Аглая Тихоновна хотела о чем-то с ней поговорить...

– Миша, ты поезжай домой, – сказала она переминающемуся с ноги на ногу родственнику хозяев дома. – Ты извини, мы тебя и так задержали.

– Да я ж понимаю. Ничего себе новости. И кому старуха могла понадобиться? Известно хоть, украли у нее что-то или нет?

– Да не знаем мы, – досадливо сказала Катя. – Аня так рыдала, что я вообще почти ничего не могла разобрать. Миш, ты бы подвез Глашу к ней, чтобы она транспортом не пользовалась. За руль же не сесть, она вино пила.

– Ладно, подвезу, – покладисто согласился тот.

– Мишенька, хоть ты и есть мой любимый троюродный племянник, но и тебе непозволительно хамить, – сообщила вдруг Аглая Тихоновна. Все посмотрели на нее в немом изумлении, потому что интеллигентный Михаил хамить не мог по определению. – Ты назвал Нюрку старухой и, исходя из того, что мы учились в одном классе, ты считаешь старухой и меня. Для этого, несомненно, есть все основания, уж коли сегодня мы отметили мое шестидесятивосьмилетие, но все-таки мне всегда казалось, что воспитание должно позволить тебе держать свое мнение при себе, а язык за зубами.

От отповеди Михаил покраснел как рак.

– Тетя Глаша, виноват, не подумал, каюсь, – сказал он и склонил голову. – Глупость сморозил.

– Да ладно, ты же не со зла. Для вас все, кто старше вас лет на десять, уже старики и старухи, так что мне не на что обижаться. Я и не обижаюсь, если только расстраиваюсь из-за пробелов в твоём воспитании, к исправлению которых не приложила руку.

– Тетя...

Аглая Тихоновна махнула рукой:

– Не нуди, Миша, поезжай. Вон и Глаша уже собралась. А мы с Катюшей посуду перемоем, не торопясь.

Хлопнула входная дверь, и Катя с Аглаей Тихоновной остались вдвоем.

– Может, вам полежать? – спросила Катя с надеждой, отлично, впрочем, зная ответ на свое предложение. – Я прекрасно сама все вымою и уберу.

– Ты у нас не в прислугах, деточка, – отрезала Аглая Тихоновна, когда она говорила таким тоном, спорить было бесполезно. – Так что я буду очень благодарна тебе, если ты мне pomoжешь, но не более того.

Она сама встала к раковине, заставив Катю, после того как она принесла на кухню всю посуду, сесть у стола. С этой позиции ей была видна только спина Аглаи Тихоновны, прямая, узкая, практически девичья спина, и по ее напряжению Катя вдруг поняла, что хозяйка квартиры вовсе не так спокойна, как хочет показаться.

– Аглая Тихоновна, вы что-то знаете?

Спина дрогнула, словно ее застали врасплох.

– Что?

– Вы знаете, почему могли убить эту вашу... Нюру. Интересно, как ее на самом деле зовут, то есть звали.

– Антонина. Девичья фамилия у нее была Селезнева, а по мужу, стало быть, она Демидова. Хотя я этого не знала, пока она в Москве не объявилась. Мы расстались в июле шестьдесят девятого, когда я уезжала из Магадана. Мы с Иринкой уезжали, третьей нашей подружкой. Я больше никогда не была в Магадане, потому что у меня там никого не осталось. Не к кому было возвращаться. А Нюрка, Тоня то есть, так мечтала приехать к нам в Москву, но у ее мамы денег не было, она на хлебокомбинате работала, Нюрку одна растила, так что не было ни малейшего шанса ее увидеть. Тогда я была в этом уверена. Я же даже не знала, что она замуж вышла, во Владивосток переехала. А у нее сын, оказывается, вице-адмиралом флота стал, внучка актрисой. Зигзаг судьбы, ничто иное.

– А третья ваша подруга неужели ничего вам за эти годы не рассказывала? Или она тоже не знала?

Аглая Тихоновна повернулась и посмотрела на Катю дикими, почти сумасшедшими глазами.

– Иринка? Деточка, она не могла ничего знать и рассказать. Она умерла.

– Давно?

– Пятьдесят лет назад. Как раз по дороге из Магадана в Москву. Мы же должны были самолетом лететь, папа мой, царствие ему небесное, нам два билета купил, но из-за похорон моей семьи самолет улетел без нас. Я бы сдалась, не поехала. Я тогда в таком состоянии была, что мне ни Москвы не надо было, ни института, ничего. Но Иринка мне не дала. Она вообще пробивная была, упертая, если чего в голову втемяшится, то все, не собьешь. Она меня и убедила, что в Магадане мне оставаться незачем. Что там делать одной? В общем, она меня убедила, что отступать от намеченных планов нельзя. На новые билеты на самолет денег, конечно, не было, у меня вообще тогда ничего не осталось, только то, что было на мне надето в тот проклятый день рождения. В общем, она договорилась с водителем грузовика, который в Якутск ехал. Трасса «Колыма», слышала о такой, деточка? В общем, мы должны были добраться до Якутска. Там у Иринки жила какая-то тетка, которая нашла оказию отправить нас в Большой Невер, чтобы там сесть на поезд и уехать в Москву.

– И что случилось? – с замиранием сердца спросила Катя.

– Машина застряла, нам пришлось ее выталкивать. Трасса «Колыма» и сейчас-то не в очень хорошем состоянии, говорят, а уж пятьдесят лет назад и говорить было не о чем. Шел дождь, было холодно. Мы обе простудились, и я, и Иринка. Тетка ее, конечно, разохалась, пыталась ноги нам парить, чаем с малиной отпаивать, баню растопила. По-хорошему, Иринке отлежаться надо было пару дней, но мы не могли задерживаться. Та машина, которая в Большой Невер шла, не стала бы нас ждать. Да и билетам на поезд мы не могли дать пропасть, других денег у нас не было. В общем, в поезд Благовещенск – Чита в Большом Невере обе сели с насморком, кашлем и температурой, а в дороге у Иринки началась пневмония. С температурой под сорок в Чите ее увезли в больницу, прямо с поезда сняли, и ночью Иринка умерла. Так я и осталась совсем одна. Без семьи, без подруги, без денег... В поезд меня посадили, добрые люди помогли билет переоформить, так что до Москвы я все-таки добралась. И в институт поступила. Тот, в который Иринка мечтала, а я вслед за ней собиралась. В медицинский. Вопреки обстоятельствам, вопреки судьбе, вопреки всему.

Катя порывисто вскочила со стула, наклонилась и поцеловала Аглаю Тихоновну в мокрую морщинистую руку. Та с улыбкой смотрела на стоящую перед ней молодую женщину.

– Брось, Катенька. Я понимаю, что в тебя вселяют трепет испытания, через которые мне довелось пройти, но наше поколение и не на то было способно. Особенно мы, родившиеся и выросшие в Магадане. Дети зэков и вертухаев, как я в каком-то стихотворении вычитала. И те и другие обладали чудовищным стремлением выжить. Вот я и выжила.

Повернувшись к раковине, она снова принялась за тарелки, явно давая понять, что разговор закончен. Но Катя так не считала. Мерно двигающаяся узкая спина оставалась все такой же напряженной, а Кате ужасно хотелось снять груз, который лежал на этих выносливых, но все-таки очень хрупких плечах.

– Аглая Тихоновна, – тихо спросила Катя, понимая, что ступает на запретную территорию, на которую ее не приглашали, – я же вижу, что вас что-то тревожит. Вряд ли это смерть Антонины, которую вы

пятьдесят лет не видели. Аню и ее бабушку, конечно, очень жалко, но вы переживаете не из-за этого. Я права?

Аглая Тихоновна молчала. Руки ее замерли над раковиной, в которую теперь впустую била струя воды. Звонкие удары капель взрывали повисшую в кухне гнетущую тишину.

– Да, так и есть, – наконец, сказала именинница, и Катя выдохнула, осознав, что все эти секунды, оказывается, не дышала. – Тебе когда-нибудь говорили, Катенька, что ты очень умная? Это, кстати, плохо, потому что мужчины терпеть не могут проявлений женского ума.

Это была прежняя, язвительная Аглая Тихоновна, чему Катя обрадовалась, как ребенок. Она и сама не знала, почему с таким упорством лезет в чужую тайну, которая ее совсем не касалась, но все-таки спросила:

– Тогда из-за чего вы переживаете, Аглая Тихоновна. Что вас напугало?

Вопрос выскочил сам собой, и, услышав его, Катя вдруг поняла, что да, именно так, пожилая женщина боится, и сковавшее ее напряжение вызвано не чем иным, как страхом. Никогда раньше, за два года знакомства, Катя не видела ее напуганной.

Аглая Тихоновна молча домыла посуду, убрала ее в сушилку, выключила воду, насухо вытерла раковину, потому что не терпела расхлябанности даже в мелочах, повернулась к Кате и, глядя ей прямо в глаза, сказала:

– Что ж, пожалуй, я обо всем тебе расскажу. Ты права, мне действительно надо с кем-то поделиться. Не уверена, что я смогу повторить весь этот бред в полиции, но и молчать тоже не могу. Садись, я чайку нам с тобой налью.

Катя послушно села на свое привычное место, рядом с холодильником, а ее собеседница, поставив на стол чашки с чаем и остатки именинного торта, опустилась в свое кресло, выстланное куском белой медвежьей шкуры. На этой шкуре она сидела и зимой, и летом, уверяя, что мех лечит ее от всех старческих болячек. Катя всегда смеялась, потому что Аглая Тихоновна и старость были несовместимы.

– Видишь ли, Катюша, я не говорила про это Глаше, но мы с Нюркой успели встретиться.

– Как? – удивилась Катерина. – Когда, где? И почему вы это скрывали от Глаши?

– В самом факте встречи, разумеется, не было ничего секретного. Просто Глашка с этим вирусом совсем с ума сошла, не давала мне ни в магазин ходить, ни с людьми встречаться. Когда выяснилось, что приехавшая к Ане бабушка является моей давно потерянной одноклассницей, я, разумеется, решила с ней встретиться. Но, чтобы девочки не проедали нам плешь, что мы рискуем своим здоровьем, мы встретились на бульваре.

– Где? На Цветном? Там, где ее убили?

– Ну, в каком именно месте ее убили, я не знаю, – сухо сообщила Аглая Тихоновна, – но встретились мы именно на бульваре, примерно дней десять тому назад. Глашка торчала дома, и позвать Нюрку к нам я не могла. Да и вообще, ты знаешь, я же понятия не имела, какая она стала, а не в моих привычках впускать в дом посторонних. Я решила, что на свежем воздухе со всех точек зрения безопаснее, и назначила встречу на Цветном.

– И? Что там было?

Аглая Тихоновна усмехнулась.

– Ты знаешь, я ее сразу узнала. И она меня тоже. Вот вроде полвека прошло. Сколько людей за это время перед глазами промелькнуло. Мы и замужем обе были, и мужей схоронили, а я еще и дочь. А все равно увиделись, и словно не было всех этих лет, вокруг Магадан, а на календаре июнь шестьдесят девятого. Так странно.

Она провела рукой по лбу, словно отгоняя наваждение. Помолчала, как будто была не в силах продолжать. Катя ее не торопила, понимая, что собеседница сама все расскажет. Расскажет, потому что ей это необходимо.

– В общем, понимаешь, деточка, Нюрка рассказала мне новое о моем отце. То, что я не знала. Правда, не знала. Я рассказывала тебе, что он был руководителем прииска, на котором работали заключенные. Мой дед в том числе. Это был золотодобывающий прииск, правда, к моему рождению, точнее, даже ко времени знакомства с мамой, папа уже был переведен на партийную работу и жил в Магадане. Он оставил прииск в сорок девятом году, если я правильно помню. Приехал в Магадан, нашел моего деда, который там жил на поселении. Они сдружились очень, пока дед был на прииске.

Заметив изумленное выражение на Катином лице, она снова слабо усмехнулась.

– Да, это дико звучит, зэк и самый главный вертухай. Но дед был очень образованным человеком, бывшим дипломатом, объездившим кучу стран, а папа был жаден до всего нового, до книг, до истории, а потому деда привечал и подкармливал. По сути, он вообще ему жизнь спас, выбив перевод на поселение. Впрочем, я сейчас не об этом. Мой папа приехал в Магадан, нашел деда, познакомился с мамой и влюбился в нее. Потом дед умер от туберкулеза, а родители поженились. Я сейчас понимаю, что у мамы просто не было другого выхода. Они с бабулей остались вдвоем в холодном, чужом, суровом и страшном краю. Уехать обратно в Москву? Это было вряд ли возможно. Так что сначала папа спас деда, а потом его семью.

Она залпом допила чай, встала, чтобы налить новую кружку, как будто ее мучила жажда. Кате не предложила, но та даже глотка не сделала, так и сидела над полной чашкой.

– В общем, Нюрка сказала, что у нас дома хранился солидный запас золота. Когда-то отец насобирал на прииске и сумел незаметно вывезти. И что есть человек, который все эти годы ищет это золото, и сейчас он в Москве.

– Э-э-э, – осторожно сказала Катя. – И что с того, Аглая Тихоновна? Москва большая, в ней куча людей живет.

Собеседница посмотрела на нее с досадой, словно сердилась из-за того, что актриса Екатерина Холодова такая непонятливая.

– Постарайся сосредоточиться и проследить за ходом моей мысли, – холодно сказала она. – Мой отец хранил золотой запас, о котором я понятия не имела. Он вообще оберегал нас, женщин, от любой прозы жизни. В тот день, когда я окончила школу, в день моего семнадцатилетия, мой отец погиб. Вся моя семья погибла. При этом пропала шкатулка с мамиными драгоценностями. Вернее, я больше не знала ни о чем ценном, что могло храниться в нашем доме. Но оно было. Золото было. И есть человек, который об этом знает. Он в Москве, чтобы меня найти. Он думает, что золото у меня, понимаешь?

– Нет, – честно призналась Катя. – Откуда вообще ваша Антонина могла обо всем этом узнать? О том, что золото было. О том, что оно пропало из квартиры. О том, что он его ищет. О том, что он в Москве?

– Он сам ей сказал, – тихо ответила Аглая Тихоновна. – Тогда, в Магадане, после нашего с Иринкой отъезда, Нюрка встретила его на улице. Он был страшно зол, узнав, что мы обе уехали. Он был зол и пьян, и кричал, что я его обокрала. Забрала то, что принадлежало ему по праву. Он клялся, что найдет меня и убьет. А некоторое время назад Нюрка встретила его в Москве. Понимаешь? Он в Москве, Катя, и я очень боюсь.

– Аглая Тихоновна, – Катя взяла в ладошки руки собеседницы, они были холодными, словно две ледышки. – Ну давайте будет рассуждать логически. С того дня, как погибла ваша семья, прошло больше пятидесяти лет. Даже если тогда этот человек был на вас зол и что-то искал, за эти годы у него явно была не одна возможность вас найти. Если он не сделал этого за полвека, то почему он должен сделать это сейчас? Может быть, он уже и думать забыл и про вас, и про золото, о котором вы даже не можете точно сказать, существовало оно или нет.

– Ты абсолютно права, – согласилась Аглая Тихоновна и снова сделала глоток чая, чтобы смочить пересохшее горло. – Признаться, я совершенно не обратила внимания на Нюркины слова, потому что они показались мне удивительной глупостью.

– И что изменилось?

Глаза Аглаи Тихоновны казались бездонными на белом, лишенном красок лице, губы дрожали.

– Тоню убили. Вот что случилось, – сказала она почти беззвучно и заплакала.

* * *

1969 год, Магадан

Губы Глаши дрожали, и она знала, что вот-вот заплачет. Будучи натурой романтической, она придавала большое значение деталям, выискивая в них знамения и предначертания, которых в действительности, может быть, и не было вовсе. Так уж случилось, что их выпускной бал совпал с ее днем рождения, и в этом случайном

совпадении Глаша видела что-то значимое и важное. То, что в дальнейшем обязательно должно было повлиять на судьбу.

С утра папа преподнес ей подарок – золотую цепочку с дрожащей на ее конце бриллиантовой капелькой. Это было первое Глашино «взрослое» украшение, потому что при всей любви родителей воспитывалась она в строгости. Тихон Колокольцев был человеком умным и излишних искушений избегал. Дочери второго секретаря магаданского обкома партии следовало быть усердной и скромной, Глаша такой и была.

Цепочку она надела на шею, но из-под праздничного платья ее было не видно. Платье тоже казалось скромным, хотя и сидело как влитое, красиво облекая фигуру. Сшили его в театральной мастерской по маминому, разумеется, эскизу. Ткань была качественной, гладкой, приятно скользящей по телу. Глядя в зеркало, Глаша понимала, что к платью необходимо какое-то украшение, элегантное, неброское, и лучше всего подходила бабушкина камея.

– Бабуль, – решила попросить она, – одолжи мне твою камею, пожалуйста. Она к этому платью очень подходит.

Аглая Дмитриевна посмотрела на внучку внимательно и с интересом. До этого Глаша никогда не выказывала особого интереса к украшениям и нарядам. Не в мать была, ой не в мать.

– Бери, – наконец сказала она. – Я рада, что в такой важный для тебя день мое украшение будет с тобой. Практически как оберег, Глашенька. Кстати, у меня для тебя будет еще один подарок.

– Правда? – удивилась Глаша. – А какой?

Аглая Дмитриевна улыбнулась, как умела только она, краешком губ, словно нехотя, легонько прищемила пальцами внучке кончик носа, небольно и необидно.

– Придется немного потерпеть, – сказала она негромко. – Девочки придут, и все узнаешь. Я хочу вас всех троих поздравить с окончанием школы.

Иринка и Нюрка пришли к Колокольцевым около двух часов дня. Сели за празднично накрытый в честь дня рождения Глаши стол, отец открыл бутылку шампанского, поднял первый тост за дочкино здоровье и будущие успехи.

– Ой, девочки, сегодня отгуляете хорошенько, завтра отдохнете, а уже послезавтра нас ждет самолет. В Москву полетим. Как только

подумаю, сколько всего интересного вас ждет, так прямо сердце заходится. Столица, институт, знакомства, новая жизнь.

– Ну, меня, положим, ничего не ждет, – пожала плечами Нюрка. – Я с понедельника на хлебокомбинат работать выхожу. В следующем году, наверное, во Владивосток поеду, на повара учиться, но пока мама болеет, я ее бросить не могу. Да и денег надо подкопить, чтобы в чужом городе жить.

Глаша задержала дыхание. Слова о том, что она не хочет ни в какую Москву, рвались из горла, но ей так не хотелось портить праздник. Ни родителям, ни, тем более, Иринке. Нет, решено, она объявит о своем решении завтра. Или все-таки лучше сейчас?

– Девочки, я хочу сделать вам всем подарок, – торжественно объявила бабушка, и Глаша выдохнула, понимая, что момент упущен. – В вашей жизни начинается новый большой этап. Когда мы в следующий раз соберемся все вместе за одним столом, я не знаю, а в силу моего немолодого возраста, этого может и вовсе не случиться, так что я хочу, чтобы у вас осталась память обо мне. У всех троих. Не только у Глаши.

Она встала из-за стола, подошла к стоящему у стены буфету, выдвинула ящик и достала оттуда три одинаковые коробочки – длинные и узкие.

– Вы очень хорошо дружили, девочки, – сказала она. – Наблюдать за вами было одно удовольствие. Вы – скромные, трудолюбивые, дружные. Пусть все у вас в жизни сложится.

По одной она протянула коробочки Глаше, Нюрке и Иринке. Глаша открыла свою, внутри лежали маленькие изящные золотые часики. Скосив глаза, она увидела, что Иринка с непонятым выражением лица держит на ладони такие же, а Нюрка во все глаза смотрит внутрь своей коробочки, словно не веря своему счастью.

– Аглая Дмитриевна, это же золото, – пробормотала Нюрка, – они очень дорогие, я не могу принять такой подарок, меня мамка убьет.

– Да, это золото, а что еще ценится здесь, в Магадане? – спросила бабушка, и горькая улыбка коснулась ее губ, на миг затуманила лицо, как флером накрыла. – Из-за этого проклятого золота мой муж умер, надорвав здоровье. Да, Тихон? И для меня оно ничем не ценно, кроме памяти. Так пусть и у вас от него останется самое важное, что только

может иметь значение в жизни – память, воспоминания обо мне, об этом дне, друг о друге.

Отец смотрел на бабушку во все глаза, словно видел ее впервые, но ничего не говорил. Молчала и мама, которая меланхолично ела бутерброд с красной икрой, словно ее совершенно не волновала необычность происходящего. Впрочем, маму оно на самом деле вряд ли волновало – так рябь, идущая по глади океана, ничуть не затрагивает толщи воды.

– Папа?

Отец посмотрел на Глашу и улыбнулся, как всегда улыбался только ей одной.

– Глашенька, бабушка делает то, что считает нужным, – сказал он. – И я уверен, что она имеет на это право.

– Конечно, имею. Я накопила деньги и купила эти часики, потому что знаю, как это важно – иметь что-то в память о детстве. Мне моя бабушка оставила камею. Я хочу оставить Глаше часики и вам, девочки, тоже, потому что так уж вышло, что я у вас была одна на троих. Иногда воспоминания – это единственное, за что остается держаться в жизни.

Торжественная часть выпускного была назначена на пять часов вечера. Получая аттестат, Глаша почти ничего не видела от слепивших ее слез. После бабушкиного подарка она точно знала, что не хочет жить воспоминаниями, не готова расстаться с самыми дорогими людьми, и никакая Москва этого не изменит.

Сквозь застилающую глаза пелену она смотрела на радостное лицо отца. Папа очень гордился ее золотой медалью, ею, Глашей. Рядом прыгала не сдерживающая радостных эмоций Иринка. Для нее золотая медаль была пропуском в другую жизнь, а Москва – единственным шансом вырваться в люди. Может Глаша предать подругу, украсть у нее мечту?

Солнце, отражающееся от золота тонкого браслета на подружкином запястье, слепило глаза. Глаша вдруг поняла, что больше не может ждать ни минуты. Подойдя к Иринке, она дернула ее за рукав недорогой кофточки.

– Ира, мне нужно с тобой поговорить.

– Что? Сейчас, что ли? Ты же знаешь, аттестаты вручат, и твой отец выступать будет. Это же неуважение – уйти.

– Мы быстро. Ира, пожалуйста, это важно.

Они вышли из актового зала школы на улицу, спрятались в кустах, в которых обычно Иринка тайком курила. Глаша подружкин секрет блюла строго, и, хотя табачного дыма не выносила, мужественно терпела, ради Иринки, конечно. Вот и сейчас подружка достала пачку сигарет, прикурила, сощурилась, выпуская дым.

– Ну, чего тебе?

Глаша набрала воздуха в легкие, как будто перед прыжком в воду. Впрочем, в воду она никогда не прыгала, а оттого не знала, каково это.

– Ира, я не поеду в Москву, – выпалила она. – Я не хотела сегодня говорить, чтобы праздник не портить, но это нечестно, ты строишь планы, готовишься, и у меня все время такое чувство, что я тебя обманываю.

– Тихон Ильич передумал? – спросила Иринка внезапно охрипшим голосом. – Что-то случилось, и он не хочет нас туда отвозить? Его что, с работы снимают?

– Да ну тебя, – в сердцах сказала Глаша. – Ниоткуда его не снимают и ничего он не передумал. Он вообще еще про это не знает. Я решила, что я им завтра скажу. Просто я не хочу уезжать, Ир. Я хочу остаться дома, с родителями и бабушкой.

– Ты что, ненормальная? – спросила Иринка. Глаза у нее странно сузились, и сейчас она была похожа на дикую кошку. Глаша видела такую на картинке в какой-то книжке. – У тебя есть шанс уехать из этой дыры. Ты понимаешь, что мы сейчас на краю света, где одна половина жителей зэки, а вторая – их конвоиры.

– Нет уже зэков, Ир, – сказала Глаша беспомощно. – Лагеря давно закрыты.

– Лагеря закрыты, а дух остался! – заорала подружка и отшвырнула сигарету. – Ты можешь уехать в Москву, у тебя там есть родственники, твой отец готов снимать тебе квартиру, ты можешь жить в столице, носить летние платья не три дня в году, а как минимум четыре месяца. Ты можешь получить образование, стать врачом, ходить в театры. Настоящие театры. И ты готова от всего этого отказаться по глупой прихоти? Только из-за того, что ты будешь скучать по родным? Нет, ты точно ненормальная.

– Я не хочу быть врачом и никогда не хотела. Это твоя мечта, а не моя, Ир. И нашего театра мне вполне хватает. И лета тоже. И да, я

люблю свою семью и хочу и дальше жить рядом с ними. Сегодня бабушка сказала, что она уже немолода и может не дожить до нашей следующей встречи, а я вдруг подумала, что ведь так оно и есть. Ей шестьдесят семь лет, Ир. И я не могу уехать в Москву, зная, что, возможно, больше никогда ее не увижу.

– Моя мечта, говоришь? – теперь подруга была похожа на змею – кобру с раздутым над головой капюшоном. Она даже не говорила, а шипела. – А что ты знаешь о моей мечте, Глаша? Это у тебя всегда все было, с самого рождения. Ты – дочь партийного начальника, ты росла с золотой ложкой во рту. А я – дочка беглого зэка, которого застрелили при попытке побега. Ты знаешь, каково все эти годы маме было меня растить? Ты думаешь, я ее не люблю? Ты думаешь, я не понимаю, что, уехав отсюда, никогда больше ее не увижу? Но это мой шанс прожить жизнь не так, как прожила ее она. Не так и не там. И когда ты говоришь, что никуда не поедешь, ты убиваешь мою мечту, потому что без тебя я тоже никогда не смогу отсюда вырваться.

– Ира, послушай...

– Я не хочу ничего слушать! – теперь Иринка кричала в голос, не заботясь о том, что их кто-нибудь услышит. – Твой отец купил мне билет на самолет. Он везет в Москву не только тебя, но и меня тоже. И если ты откажешься ехать, значит, ради меня он не поедет. Это твои родственники должны пустить нас пожить на первое время. Это тебе обещали снять квартиру. Меня в Москве никто не ждет и заботиться обо мне не будет. Так что ты сейчас своими словами, своими соплями, своей нерешительностью ломаешь мою мечту, не свою. Какое ты имеешь право решать за меня, Глаша?

– Я не имею права решать за тебя, – Глаша сейчас была совершенно спокойна, как будто после того, как она приняла самое тяжелое решение в своей жизни, все ее сомнения остались в прошлом, – но и ты не можешь решать за меня. Я поговорю с отцом. Билет у тебя есть, бабушкина сестра пустит тебя пожить, как мы и договаривались, я в этом уверена. Ты сдашь экзамены, поступишь в институт, а квартира... Поживешь в общежитии. Ничего страшного. Если ты меня услышишь, то каждая из нас получит свое. Ты – Москву и институт, я – возможность остаться здесь. Нельзя строить свои планы на несчастье других, Ира.

– Ты ничего не знаешь о несчастье других, – сказала Иринка и полезла из кустов наружу. – Ты даже представления о нем не имеешь. И я не хочу с тобой разговаривать. Поняла? Мы сейчас вернемся в зал, и ты будешь вести себя с родителями и бабушкой как обычно. Они не заслуживают, чтобы ты испортила им день твоего рождения и выпускного. Ты будешь лучезарно улыбаться и делать вид, что этого разговора не было.

– Хорошо, но я не поеду в Москву, – твердо сказала Глаша.

– Твой отец тебя заставит.

– Нет, потому что он меня любит. Но я сделаю все, чтобы ты поехала. Просто без меня.

Сверкнув глазами, Иринка не пошла, а побежала к зданию школы. Тяжело вздохнув, потому что она терпеть не могла ссор и скандалов, Глаша поплелась следом.

После торжественной части сели за столы, накрытые в школьной столовой. Угощение было простым: винегрет с селедкой и пироги с яйцом и капустой, зато много. Пили морс, на котором настояли родители. Глаша, правда, видела, как мальчишки то и дело выбегали на улицу, чтобы покурить, а также хлебнуть домашнего вина из трехлитровой банки. Его принес из дома Димка Зимин, больше было некому.

Возвращались они повеселевшие, с красными щеками и суетливыми движениями, выдававшими, что, кроме вина, могла быть и другая банка – с самогоном. Мальчишки вели себя развязно, и в какой-то момент Иринке даже пришлось приструнить Зимина, зачинщика и задиру. Глаша видела, как она что-то сердито выговаривала ему в темном коридоре. Из всех людей на земле только у Иры Птицыной получалось держать Зимина в узде. Глаша была благодарна за это провидению, потому что лихого и неуправляемого Димку в глубине души побаивалась.

Ей показалось или до нее донеслось слово «рыжики», немало Глашу удивившее. Для грибов был совсем не сезон, они если и появлялись в урожайный год, то не раньше конца августа – начала сентября. Отец ходить по грибы любил и Глашу иногда брал с собой. Бабушка готовить что-то из грибов наотрез отказывалась, и к плите папа вставал сам. Подберезовики и подосиновики жарил, маслята мариновал, грузди и рыжики солил. Зимними вечерами ели их с

удовольствием все, в том числе и бабушка, хотя при виде корзины она и морщила свой тонкий аристократический нос. Нет, рано пока для грибов, рано.

Часам к девяти вечера начали расходиться родители, уставшие от обилия впечатлений. К Глаше подошел папа.

– Ты с нами домой? – спросил он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Трехлитровые банки явно не прошли мимо его внимания, и хотя Глаша, разумеется, к вину не прикладывалась, ей было немного стыдно, как будто ее поймали на чем-то нехорошем.

Она бы с удовольствием пошла с родителями домой, где можно было скинуть нарядное платье, вернуть бабушке камешку, давившую на горло, распустить высокую прическу, залезть с ногами в кресло в отцовском кабинете, чтобы перед сном почитать книжку. Но Иринка... нельзя уйти, так и не помирившись с подругой, нехорошо это, неправильно.

– Нет, пап, я бы осталась ненадолго, если можно, – сказала она и завертела головой в поисках подруги. Наткнувшись на ее ищущий взгляд, Иринка тут же подошла, взяла Глашу под руку.

– Тихон Ильич, можно, Глаша останется? Мы хотели до Нагайской бухты дойти, закат посмотреть, – попросила она Глашиного отца. – Я вам обещаю, что мы ничего дурного делать не будем, и Глашку я потом до квартиры доведу.

– Хорошо, только недолго, – предупредил папа. – Так-то я все понимаю, когда еще гулять, как не в молодости. Глашенька, мы дверь не будем запирасть, когда вернешься, не звони, чтобы маму и бабушку не разбудить, а ко мне загляни, я ложиться не буду, тебя дождусь. Хорошо?

– Да, папа.

Настроение у нее внезапно улучшилось. Она вернется домой, зайдет к отцу в кабинет и все ему расскажет. Глаша была уверена, что отец ее поймет, а если и нет, то действовать против воли любимой дочери не станет. А раз так, то к утру, когда проснутся мама и бабушка, у Глаши уже будет союзник. Главное – добиться, чтобы от ее решения не пострадала Иринка. Она хочет в Москву, значит, пусть едет. В том, что отец, пусть и побурчит, но поможет, Глаша даже не сомневалась.

В Нагайскую бухту отправились небольшой компанией, человек десять, не больше. Глаша, погруженная в свои мысли, шла молча, держа под руку Иринку и Ньюрку. Улицы в этот поздний час были пустынные, маленькие частные домики, мимо которых пролегал их путь, не светились окнами, горожане уже спали, несмотря на то, что на улице было светло, конечно, белые ночи.

С сопки, на которую они поднялись, открывался вид на самое красивое в Магадане место, на море, лениво перекатывающее холодные барашки волн. По предложению Иринки компания спустилась к самой воде.

– Давайте я вас сфотографирую! – закричал Ванька Волков, их одноклассник, которому на окончание школы родители подарили настоящий фотоаппарат.

Три подружки послушно встали рядом, тоненькие, ладные, нарядно одетые в честь первого серьезного события в своей жизни – выпускного бала. Щелк-щелк, Ванька помахал рукой, что снято, можно расходиться. Глаша сняла туфли, зашла по щиколотку в воду, казавшуюся ледяной, но при этом довольно приятной. За долгий вечер ноги на каблуках устали, и сейчас прохлада воды дарила облегчение, примерно такое же, что царило у Глаши в душе. Оказывается, принять непростое решение и знать, что не передумаешь, это так приятно.

Глаша задрала голову и посмотрела на небо. Это место славилось умопомрачительными закатами, но она знала, что увидеть их можно только осенью. Сейчас, в летние белые ночи небо было сероватым, чуть подсвеченным заходящим солнцем, которое в это время года садилось далеко за сопкой справа и светило оттуда, открывая глазам картину мирно спящего порта.

Когда-то, давным-давно, сюда, в Нагайскую бухту, Глашу впервые привел папа, чтобы научить ее видеть красоту в обыденных вещах. Здесь, в Магадане, ей было хорошо и спокойно. Здесь было все, что она любила, чем дорожила, что была не готова променять на Москву.

Ноги начали подмерзать, поэтому Глаша вышла на берег, натянула туфли. Оглянулась в поисках подруг. Те словно зачарованные смотрели в другую сторону, на город, над которым неожиданно занялось зарево огненного заката, невозможного и немислимого в это время года.

Это было чудо, знамение, предопределяющее дальнейшую судьбу. Было что-то магическое в том, что небо над Магаданом полыхало

именно сегодня, словно ставя точку в дне Глашиного семнадцатилетия, в дне окончания школы, во всей прошлой беззаботной жизни.

– Как красиво, – прошептал кто-то за ее спиной.

Она обернулась и увидела Иринку. Подруга стояла, молитвенно сложив руки на груди, в глазах у нее отражался небесный костер. Глаша подошла и обняла Иринку за плечи.

– Ты поедешь учиться в Москву, – сказала она. – Я тебе обещаю.

Еще минут десять они стояли, обнявшись, глядя на полыхающее над Магаданом небо. Рядом, тоже молча, стояла верная Нюрка, теревившая золотые часики на запястье. Остальные одноклассники куда-то разошлись, словно и не было их вовсе.

– Поздно уже, – наконец, нарушила молчание Иринка. – Двенадцатый час. Надо идти.

– Да, меня ведь папа ждет, – подхватила Глаша, чувствуя вину перед отцом. Она знала, что он не ляжет спать, пока она не вернется, а ему же завтра рано вставать. – Пошли, девочки. Этот день мы с вами никогда не забудем, правда?

В нескольких кварталах от дома тишину спящего города разрезал воющий звук пожарной сирены. В воздухе отчетливо пахло дымом и гарью. Небо теперь было не оранжевым, а как и положено в конце июня, серым, чуть белесым от полос вздымающегося в небо дыма.

«Это был не закат, – поняла вдруг Глаша, – а пожар. Где-то что-то сгорело, у кого-то беда, а мы стояли и любовались, дурочки».

Ни малейшего предчувствия не было у нее ни в голове, ни в сердце, когда они с Иринкой повернули на улицу, которая вела к Глашиному дому. Прошли последний квартал, свернули во двор, к подъездам. Три пожарные машины занимали всю территорию двора, на которой обычно прыгали в классики соседские девчонки. Глаша подняла голову и посмотрела на окна своей квартиры, расположенной на втором этаже трехэтажного дома. Окна чернели провалами вместо стекол. Пламя уже не вырывалось изнутри, потушенное мощными струями воды.

Чернота оконных проемов будила такую же тьму внутри, она поднималась откуда-то снизу, вытесняя кровь и воздух. От дверей подъезда при виде Глаши отделился и шагнул к ней навстречу высокий, смутно знакомый человек. Не сразу Глаша опознала в нем

папиного начальника, первого секретаря Магаданского обкома партии, которому было совершенно нечего делать здесь глубокой ночью.

– Глаша, – сказал он и крепко взял ее за руку повыше локтя. – Какое счастье, что ты жива, господи. Где ты была?

– В бухте, – спокойно сказала она, не понимая и не принимая всей бесповоротности случившегося. – У нас выпускной сегодня был. Мы ходили к морю. Вы простите меня, Сергей Афанасьевич, мне домой надо, меня ждут.

– Нет, Глаша, – тихо сказал он и скривился, словно хотел заплакать. – Никто тебя не ждет, девочка. Постарайся это понять. Хотя, если честно, я не представляю как.

Глава четвертая

Наши дни, Москва

«Никто тебя не ждет, постарайся это понять», – Катерина держала в руках телефон, пытаясь заставить себя набрать номер следователя Владимира Бекетова. Исходя из сказанного днем, именно он вел дело об убийстве на Цветном бульваре, а значит, в любой момент мог нагрянуть к Аглае Тихоновне, чтобы узнать о том, что связывало ее с убитой пожилой женщиной. Не будет же Аня молчать, что они знакомы.

Катя даже не сомневалась, что для Аглаи Тихоновны эта встреча будет тяжелой, а потому хотела рассказать обо всем Бекетову заранее, особенно обратив его внимание на то, что Колокольцевым угрожает опасность.

От жалости к этой хрупкой, но такой нестигаемой женщине у Кати даже слезы на глаза наворачивались. Конечно, она не верила в таинственные страсти по украденному полвека назад золоту. Не могло такого быть, чтобы после стольких лет его вдруг кто-то стал искать, но убийство Аниной бабушки было реальным. И у него, как и у любого другого убийства, имелась причина.

Конечно, нельзя было исключать того, что Антонину Демидову просто хотели ограбить. В последние месяцы по Москве бродило достаточное количество людей, в одночасье оставшихся без работы. Могли заприметить одинокую старушку и напасть на нее, чтобы отобрать кошелек или что там у нее еще с собой было. Да, надо позвонить Бекетову и узнать, пропало ли у убитой что-нибудь ценное. Если ее просто ограбили, значит, за Аглаю Тихоновну и Глашу можно не волноваться.

Со вчерашнего дня свою молодую подружку Катя еще не видела. Та осталась ночевать у Ани, попросив Катю, в свою очередь, остаться с Аглаей Тихоновной. Та в восторг не пришла, резко заметив, что в сиделке пока еще, слава богу, не нуждается, но спорить не стала, из чего Катя сделала вывод, что случившееся все-таки задевает пожилую женщину гораздо сильнее, чем та хочет показать.

Ночь прошла спокойно. Аглая Тихоновна, удалившись в свою спальню, не выходила оттуда до утра. Корвалолом не пахло, никаких шумов из спальни не доносилось, и Катя, проворочавшись полночи на диване в гостиной и измучившись от необходимости постоянно прислушиваться, под утро все-таки расслабилась и заснула.

Утром Аглая Тихоновна накормила ее на завтрак горячими блинчиками с малиновым вареньем. Выглядели блинчики безукоризненно, из чего Катя сделала вывод, что душевное состояние хозяйки за ночь понемногу пришло в норму. После завтрака позвонила Глаша, сказала, что едет домой и везет Аню с собой, потому что та не может оставаться одна.

Жалостливая Аглая Тихоновна тут же затеялась с новой партией блинов, а заодно еще с куриным бульоном на обед, так что Катя убежала в театр без особой тяжести на душе. Было понятно, что в данный момент никому из Колокольцевых ничего не угрожает. А вот дальше...

Решившись, наконец, набрать нужный номер, Катя глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду.

– Здравствуйте, Екатерина, – услышала она низкий и, кажется, чем-то довольный голос в трубке. – Не ожидал вас услышать, хотя, признаться, очень рад. У вас какое-то дело?

На мгновение Кате стало стыдно, что ее действия были столь очевидными. Действительно, она не могла позвонить одному из своих учеников ни за чем иным, кроме как по делу. Даже о репетициях они договаривались всегда письменно, через созданный специально для участников Открытого театра чат в Вотсапе, а никаких других причин для неожиданных звонков следователю Бекетову у актрисы Холодовой не было и быть не могло.

– Владимир Николаевич, мне нужна ваша помощь, – уныло сказала она.

– Да, конечно. Что-то случилось?

– Случилось, хотя и не у меня, – быстро сказала Катя. Почему-то ей было неприятно от мысли, что этот человек может решить, будто в неприятности могла вляпаться она сама. – Владимир Николаевич, вы вчера рассказали мне про труп пожилой женщины, которую нашли на Цветном бульваре...

– Да-да, вы еще заволновались, что это может быть кто-то из ваших знакомых, – сказал Бекетов. – Но мы еще вчера установили, кто эта женщина, так что у вас совершенно точно нет поводов для беспокойства.

– В том-то и дело, что есть, – сказала Катя, слушая настороженное дыхание в трубке. – Видите ли, убитая – бабушка моей коллеги. Мы в театре занимаем одну гримерку, так что Аня вечером позвонила, чтобы рассказать, что случилось.

– И теперь вы заботитесь об этой коллеге, – то ли спросил, то ли констатировал Бекетов.

– Нет. О ней заботится ее близкая подруга, Аглая Колокольцева. Но дело в том, что тут все так запутано... Убитая оказалась одноклассницей Глашиной бабушки, той самой немолодой дамы, к которой я вчера торопилась на день рождения. Они с Аней тоже должны были прийти в гости, но не пришли, а потом Аня позвонила, и Аглая Тихоновна разволновалась ужасно. А ей нельзя волноваться, потому что она уже немолода.

– Вы меня совершенно запутали, Екатерина, – сообщил Бекетов. – Анне Демидовой двадцать четыре года, Аглая Колокольцева – ее подруга и однокурсница, почему же она немолода?

– Нет-нет, Глаше тоже двадцать четыре года, а Аглая Тихоновна – ее бабушка, их просто зовут одинаково. Это у них такая семейная традиция – называть внучку в честь бабушки.

– Надо же, оказывается, это модно.

– Что модно? – не поняла Катя.

– Называть внучку в честь бабушки. Вашу коллегу Демидову тоже называли в честь бабушки, вот что любопытно.

– Не поняла. Анину бабушку звали Антониной, хоть я и не была с ней знакома, но это успела узнать.

– Так и вашу коллегу по паспорту зовут Антониной. Вчера, когда я с ней беседовал, она рассказала мне, что по паспорту она Антонина Демидова, и бабушка всю жизнь звала ее Тонечкой. Собственно, в родном Владивостоке ее все так звали, и только приехав в Москву, она решила, что для актрисы «Анна Демидова» звучит более подходяще. Ее бабушке это, кстати, не нравилось. У нее смолоду был какой-то пунктик, что это шикарно, когда женские имена в семье передаются через поколение.

– Я думаю, что это у нее от Колокольцевых, – сообразила Катя. – Видите ли, Аглая Тихоновна мне рассказывала, что у нее была удивительная бабушка. Ее тоже звали Аглаей. Аглаей Дмитриевной. И подружки, которые приходили к Колокольцевым домой, считали это шикарным. Она рассказывала, что бабушка оказала огромное влияние на их воспитание, девочки, среди которых была и Антонина, ее просто обожали. Естественно, что свою внучку она назвала Глашей, и, видимо, Антонина решила в своей семье тоже завести такую традицию.

– Это все, конечно, очень интересно, но какое имеет отношение к делу? Хотя, постойте, вы сказали, что убитую вчера вечером ждали в гостях?

– Да. Ее ждали на дне рождения Аглаи Тихоновны.

– И что же, они дружили все эти годы? Эта ваша знакомая, о которой вы говорите с таким пиететом, может о ней рассказать?

– Нет. Она может рассказать лишь про их детские годы, которые, как вы понимаете, вряд ли имеют отношение к сегодняшнему дню. Пятьдесят один год назад Аглая Тихоновна уехала из Магадана в Москву, учиться. А Антонина осталась работать на хлебозаводе, а потом вышла замуж за моряка и переехала во Владивосток. Они больше никогда не виделись.

– И как же сейчас она вошла в число приглашенных на день рождения?

Интонации Катиного собеседника изменились, теперь он говорил как профессионал, идущий по следу, и она не знала, радоваться этому или огорчаться. В конце концов, она же и позвонила ему именно как профессионалу. С другой стороны, что-то из того, о чем говорит Катя, цепляет его следовательское ухо, а это уже повод волноваться.

– Она совсем простая женщина, хоть ее сын и вице-адмирал флота. Всю жизнь мечтала оказаться в Москве, а приехала только сейчас, к внучке. В разговоре Аня упомянула, что у нее есть подруга Глаша Колокольцева, и ее бабушка поняла, что речь может идти о ее бывшей однокласснице. Слово за слово, выяснилось, что так оно и есть. Они договорились встретиться, это естественно.

– И встретились?

– Да, один раз.

– Потерпевшая Антонина Сергеевна Демидова приехала в Москву в конце февраля. Если они были такими закадычными подругами, что одна перенимала семейные традиции другой, так что же так мало общались?

– Так из-за коронавируса же, – с досадой сказала Катя. – Пока выяснилось, что они знакомы, карантин уже ввели. Две пожилые женщины не выходили из дома, внучки не позволяли им так рисковать. Поэтому они встретились только дней десять назад, да и то на воздухе – на Цветном бульваре. Поговорили, вспомнили юность. И Аглая Тихоновна пригласила подругу на свой день рождения. Но та не пришла. Не смогла, потому что была убита.

– Екатерина, а могу я поинтересоваться, почему вы вообще так горячо заинтересовались этой историей? – спросил Бекетов. Теперь в его голосе отчетливо звучали стальные нотки, и Катя, имевшая богатое воображение, как и положено актрисе, внезапно представила, как сидит в казенном кабинете на холодном металлическом стуле, а следователь напротив заносит ее показания в протокол и сверлит ее внимательным, острым взглядом. – То есть, я понимаю, что вы переживаете за бабушку вашей приятельницы, но в убийстве ее школьной подруги, которую она увидела впервые за пятьдесят лет, нет ничего такого, что требовало бы звонка мне.

– Вы против, что я позвонила?

– Ничуть. Даже наоборот, я очень рад слышать ваш голос, но все же полагаю, что у вашего внезапного интереса к этому делу есть причина. Нет?

– Владимир Николаевич, я готова все вам рассказать, потому что скрывать мне абсолютно нечего. Так же, впрочем, как и Аглае Тихоновне. Видите ли, информация, которой я готова поделиться, может оказаться важной для вашего расследования. А может, полной чепухой, которой я только займу ваше время. Поэтому для того, чтобы я приняла решение, стоит ли мне вас отвлекать...

– Екатерина, давайте вы оставите мне оценку информации, которая у вас есть. Расскажите мне все, что вам известно, а дальше я уже сам решу, стоящие ваши новости или нет. Хорошо?

– Да, но...

– Давайте встретимся сегодня, скажем, часа через два. Вы сейчас в театре?

– Да, у нас сегодня репетиция, но через два часа я уже освобожусь. Вы придете в театр?

– Нет, давайте встретимся у входа и прогуляемся. Вчера вы отказали мне в прогулке, поэтому сегодня я с удовольствием совмещу приятное с полезным.

– Хорошо, – решительно сказала Катя. – Я буду ждать вас у служебного входа через два с половиной часа. Но я очень прошу вас на один мой вопрос ответить прямо сейчас. Поверьте, для меня это очень важно, а никакой тайны следствия эта информация точно не составляет.

– Давайте, попробую.

– Владимир Николаевич, у убитой Антонины Демидовой что-нибудь пропало?

Он помолчал, видимо, оценивая ее вопрос.

– Боюсь, не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Вы считаете, что у потерпевшей с собой могло быть что-то ценное?

– Нет-нет. Я не имею в виду ничего особенного. Мне важно знать, ограбили ли ее перед тем, как убить. Отобрали кошелек, может быть, сережки вынули из ушей. Я не очень представляю, какие ценности могли быть при себе у семидесятилетней женщины, но могли ли ее убить из-за попытки ограбления?

Ее собеседник снова помолчал, Катя заволновалась, что он не станет отвечать, но Бекетов вздохнул и коротко хмыкнул.

– Не думаю, что раскрою оперативную информацию, потому что внучка жертвы может рассказать вам все то же самое. Нет, Демидову не пытались ограбить. Конечно, особых ценностей у нее при себе действительно не было, но сумка осталась стоять на скамейке рядом с ней, а там был кошелек, пусть и с небольшой суммой, но все-таки с деньгами, а также телефон, хотя и простенький. Сережки в ушах и обручальное кольцо также остались на ней, так же, как и золотые часы.

– Золотые часы? – Катя внезапно представила тонкую элегантную руку Аглаи Тихоновны, запястье которой охватывали тоненькие золотые часики, видно, что довольно старые. Она не снимала их никогда, так же, как и каменю, пристегнутую под горлом.

– Ну да. Так что это не было ограблением, Екатерина. Это было предумышленное убийство, поэтому мне действительно очень важно

все, что вы сможете рассказать, ну и эта пожилая дама – ваша знакомая, тоже.

– Предумышленное убийство? – прошептала Катя, чувствуя, как у нее холодеет кожа головы у самых корней волос. – Простите, Владимир Николаевич, я просила ответ на один вопрос, но сейчас задам второй. А как именно ее убили?

– Довольно необычно. За все годы своей работы, признаться, я не часто с таким сталкивался. Ее убили шилом, Екатерина. Подошли со спины, когда она сидела на лавочке, и ударили. Прямо в сердце.

Гримерная поплыла у Екатерины перед глазами, она почувствовала тошноту и металлический привкус во рту, предвестник неминуемой рвоты, но усилием воли взяла себя в руки.

– Я жду вас через час, Владимир Николаевич, – сказала она дрожащим голосом. – Потому что теперь я более чем уверена – Аглае Тихоновне угрожает опасность. И вы должны ее спасти. Поймите, по большому счету, у нее никого нет. Никого, кого бы всерьез волновала ее судьба. И я не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

* * *

1969 год, Большой Невер

«Пойми, по большому счету, у тебя никого нет. Никого, кого бы всерьез волновала твоя судьба». Эти слова, сказанные Иринкой три дня назад, бились у Глаши в голове всю дорогу от Магадана до Якутска. На «трассе», именно так называли дорогу «Колыма» местные, она была впервые. И все 1872 километра, которые они с Иринкой провели в кузове разбитого грузовика, накрытые несколькими одеялами и все равно продрогшие до костей, Глаша мучилась сомнениями по поводу того, правильно ли она поступила, все-таки решившись отправиться в Москву вместе с подружкой.

Похороны родителей и бабушки Глаша помнила смутно, как будто провела последние десять дней в бреду. Руководство области организовало и провело эти похороны по высшему разряду, отдав дань уважения Тихону Колокольцеву, но судьба его дочери, по большому счету, никого не интересовала.

– Ты что собиралась дальше делать, Аглая? – спросил у нее первый секретарь обкома, подходя попрощаться после поминок.

– В Москву ехать, поступать в медицинский институт, – ответила она.

– А у тебя там кто-то есть, в Москве?

– Да, бабушкина сестра и ее семья, они меня ждут.

– Тогда поезжай, Аглая, что тебе тут одной делать?

– Мы должны были улететь еще двадцать седьмого июня, – тихо сказала Глаша. – У нас билеты на самолет были куплены, только теперь они пропали, а на новые у меня денег нет. У меня вообще ничего нет, только то, что на мне было надето в день выпускного, да еще паспорт с аттестатом, потому что они у меня с собой были. Все остальное сгорело. А драгоценности мамы, которые в сейфе лежали и уцелели бы при пожаре, пропали. Вы же знаете, что их украли перед тем, как их всех убить.

Говоря это, Глаша не плакала, потому что ей казалось, что она вообще разучилась плакать. Сухие глаза чесались, горло сводило, горели легкие, которым не хватало воздуха, жгло в носу, а вот слез не было. Совсем, ни капельки.

Обычную одежду – юбку, кофточку, плащ и туфли без каблука ей быстро смастерили в театральной костюмерной, в память о маме. Кормили ее эти дни мама Нюрки и Иринки, у которых Глаша по очереди ночевала. Но полет в Москву в таких условиях выглядел совершенно невозможным, несбыточным.

– Положим, билет на самолет мы тебе купим, – сердито сказал ее собеседник. – И денег на первое время дадим, ты уж нас совсем бездушными-то не считай.

– Сергей Афанасьевич, а если я не хочу уезжать?

Отцов начальник с удивлением посмотрел на нее.

– Если решишь остаться, помогу тебе на работу устроиться, жилье какое-нибудь придумаю. Но, Аглая, ты хорошенько подумай, крепко. То, что у нас места суровые, ты и без меня знаешь, чай, родилась и выросла здесь. Если есть возможность в столицу перебраться, то используй ее. Тем более что, говоришь, родственники у тебя там.

То же самое, только гораздо более решительно, высказала и Иринка.

– Здесь у тебя никого нет. Пойми это, наконец. Здесь никто не будет о тебе заботиться и подстилать соломку под твоими ногами. Ты привыкла, что твой отец решал все твои проблемы, но сейчас ты одна. Совсем одна. Глаша, нам надо ехать в Москву и поступать учиться. Ты будешь жить у тетки, я в общежитии, но мы будем вместе, будем держаться друг за друга, и это очень важно, понимаешь? Все, что было здесь, стерто, погибло в огне, превратилось в пепел. Но впереди новая жизнь, и только от тебя зависит, какой она будет.

– Сергей Афанасьевич обещал купить билеты на самолет, – тихо сказала Глаша. – Надо дождаться девятого дня и можно лететь.

– Какой же ты еще ребенок, – Иринка смотрела не осуждающе, нет. Жалостливо. – Вот как я могу оставить тебя одну, если ты самых простых вещей не разумеешь?

– Каких вещей?

– Твой Сергей Афанасьевич, разумеется, купит тебе билет на самолет. Тебе! Понимаешь. Мне он никакого билета покупать не будет. А своих денег у меня нет. Так что добраться до Москвы самолетом вместе мы не сможем.

– И что же делать? – Глаша выглядела растерянной. – Он пообещал дать мне немного денег, я думаю, на два билета нам хватит.

– А жить в Москве на что? Глашка, спустись с небес на землю. Мы не можем вбухать все твои деньги в билеты на самолет. Это неправильно.

– И что ты предлагаешь?

Предлагала Иринка вариант сложный, но вполне реализуемый. Ее мама договорилась со знакомыми водителями, чтобы девчонок довели до Якутска. Там у Птицыных жила дальняя родственница, у которой, во-первых, можно было переночевать, а во-вторых, она могла договориться, чтобы другая машина доставила их из Якутска в Большой Невер, на железнодорожную станцию, с которой отправлялся поезд в Читу. Уже оттуда на другом поезде девочки могли добраться до Москвы.

С учетом, что оба грузовика вели два водителя, по очереди сменяя друг друга и не останавливаясь на ночлег, путь был тяжелым, но не смертельным. Билеты на поезд взяли самые дешевые, в дороге ели холодную картошку с вареными яйцами и черный хлеб, так что на круг выходило недорого. Двести рублей, врученные Сергеем

Афанасьевичем Глаше «на дорогу», были заботливо завернуты в тряпицу и спрятаны в лифчик.

До Якутска добрались за тридцать часов, устав и, кажется, простудившись. У Глаши заложило грудь, дышать было больно, воздух проходил словно через вату. Еле держащуюся на ногах Иринку знобило, лоб у нее был горячий, как раскаленная плита, и Глашу состояние подружки заботило даже больше, чем свое собственное.

Иринкина тетя, двоюродная сестра отца, сгинувшего на одном из приисков после неудавшегося побега, встретила девочек неласково, но деловито. Выделила одну постель на двоих, посмотрев на их сопливые носы и слезящиеся глаза, растопила баню и отхлестала березовым веником, перед сном заставила выпить по стопке водки, от которой Глаша тут же провалилась в тяжелый температурный сон, сквозь который она слышала, как рядом стонет в таком же беспмятстве Иринка.

Разбудила их тетка ни свет ни заря, часа в четыре утра. Сварила овсяную кашу, поставила на стол корзинку со сложенными в нее картошкой, солеными огурцами и яйцами. Оценила шмыгающих носом и кашляющих девчонок, покачала головой сердобольно.

– Эх, по-хорошему отлежаться бы вам на печи обеим денька два-три. Да нельзя, поезд свой пропустите.

– А может, и бог с ним, с поездом? – робко спросила Глаша. – Деньги есть, другие билеты купим.

– Сколько можно тебе повторять, не в том мы положении, чтобы деньгами разбрасываться, – не проговорила, а скорее пролаяла в ответ Иринка. – Да и с документами можем не успеть. Институт ждать не станет.

– Ира, мы болеем, нам нельзя опять в холодный кузов.

– У нас одеяло есть. Не сахарные. Кроме того, ехать нам меньше, чем в прошлый раз. До Невера тысяча двести километров, да и трасса «Лена» – это тебе не «Колыма». Даже с учетом грузо-пассажирского парома через Лену доберемся меньше чем за сутки. А поезд у нас завтра, в восемь утра. Так что кончай ныть, допивай чай и собирайся.

Дороги до Невера Глаша не помнила. То и дело проваливаясь все в тот же температурный сон, она лишь иногда приходила в себя и начинала судорожно озираться по сторонам, видя из кузова грузовика только верхушки деревьев, мелькавшие вдоль дороги, да бледное лицо

Иринки с запекшимися губами, которая тоже то ли спала, то ли была без сознания.

Когда Глаша снова закрывала глаза, в воспаленном лихорадкой мозгу всплывали лица родных: мамы, папы, бабушки. Почему-то осознание, что она никогда их больше не увидит, никак не приходило. Более того, Глаше казалось, что эта длинная, тяжелая, вымотавшая ее дорога ведет именно к ним, единственным людям на всей земле, которые ее любили. Кроме Иринки, конечно.

В Невер въехали около пяти утра. Про этот поселок Глаше рассказывал папа. Расположенный в пятнадцати километрах на восток по Транссибирской магистрали от города Сковородино, на реке Большой Невер, он делился на две части проходящей по нему железной дорогой.

Вокруг поселка были сопки, сопки, сопки, покрытые розовыми цветами багульника, того самого, на который маленькая Глаша с детства бегала любоваться и в Магадане. Нижний поселок когда-то, в начале двадцатых годов, состоял сплошь из маленьких одноэтажных китайских домиков – фанз. Здесь когда-то вообще жило много китайцев, а как обстоят дела сейчас, Глаша не знала. Путь их машины проходил по Верхнему поселку, застроенному двухквартирными домами.

Когда-то в округе было много приисков, на которые ехали искатели приключений и золотого счастья. Сейчас же «сердцем» поселка оставалась лишь железнодорожная станция, соединявшая и Якутию, и Магадан с Большой землей, с «материком», как говорили местные. И именно у вокзала, роль которого играл небольшой деревянный домик с табличкой, водитель грузовика, наконец-то и выгрузил их с Иринкой, двух замерзших, уставших, простуженных семнадцатилетних девчонок, у которых за спиной было уже три тысячи километров, отделявших их от родного дома, а впереди долгий и пугающий путь до Москвы.

К тому моменту, как Глаша и Иринка сели в поезд, они обе были уже практически без чувств от усталости и слабости. Глаша чувствовала себя виноватой, если бы она настояла на том, чтобы лететь самолетом, то они обе давно были бы уже в Москве, в тепле и безопасности теткиной квартиры. Сейчас же у нее болела каждая

косточка, как будто Глаша лежала под бетонной плитой, придавившей ее к земле, не в силах ни выбраться, ни подняться.

Иринка тоже выглядела совсем больной. С трудом поднявшись в вагон, она засунула нехитрые свои пожитки под полку, водрузила на стол полупустую корзинку с оставшимися съестными припасами. Ими девочки по дороге угощали водителей машины, которая привезла их в Невер, самим им есть не хотелось из-за болезни, только пить.

Глаша провела сухим языком по небу. Рот, горло были словно наждаком натерты. Лающий кашель разрывал грудь, болели глаза, выворачивало суставы. Места у них были боковые, нижнее и верхнее, и Глаша с ужасом думала о том, что она ни за что не залезет на верхнюю полку.

Привалившись к стене Иринка смотрела на нее пылающими глазами, словно спрашивала безмолвно: ну что, кто полезет, ты или я? В совсем недавней прошлой жизни, которая кончилась безвозвратно, нижняя полка, конечно же, принадлежала бы Глаше Колокольцевой, дочке большого начальника, балованной и капризной дочке. Но сейчас, пожалуй, она была на равных с дочерью беглого зэка Ирой Птицыной. Никакого преимущества у нее не осталось, ни малейшего.

Более того, пожалуй, Иринка была в их паре за старшую. Более мудрая, хваткая, цепкая, жадная до успеха. А раз так, значит, ей и спать внизу. Вдохнув и сцепив зубы, Глаша полезла наверх, оскальзываясь горячими руками и моля бога о том, чтобы не упасть. Иринка наблюдала за ней снизу, чуть прикрыв глаза, словно в изнеможении.

Застелить полку Глаша уже не смогла. Преодолевая брезгливость, она стащила с себя теплую кофту, накрыла грязную поездную подушку, чтобы не касаться лицом поверхности, на которой лежали тысячи чужих лиц, накрылась шерстяным одеялом, немного пахнущим псиной, свернулась в калачик, чтобы хоть немного согреться, и закрыла глаза.

Как ни странно, ей не приходило в голову ни ныть, ни жаловаться. Все, что происходило с ней в реальности, казалось дурным сном, начавшимся в тот момент, когда она увидела встающее над Магаданом зарево, а потом подняла глаза на черные провалы окон своей квартиры.

Нащупав тонкие часики на левой руке, Глаша погладила их и натянула рукав, чтобы скрыть свое богатство от посторонних глаз. Нащупав каменную у горла, Глаша сжала ее в кулаке и уснула, больше не

слыша и не видя ничего вокруг. В положенное время тронулся поезд, уносящий их с подругой дальше к непонятным мечтам. Снилось ей бабушка, торжественно и печально смотревшая на внучку. словно предупреждала о чем-то, что было пока Глаше неизвестно.

* * *

Наши дни, Москва

– Так странно, мне сегодня впервые за очень долгое время приснилась Аглая Дмитриевна.

Катя переставила сковородку с зажаркой для борща, которую помещивала на плите, и повернулась к стоящей у окна хозяйке квартиры.

– Ваша бабушка?

– Да, моя бабушка. Ты знаешь, деточка, я много лет не видела ее во сне. Иногда мечтала даже ее увидеть, словно напутствие получить, ответ на мучивший меня в то время вопрос. Особенно, когда Оля погибла, и мы с Глашей остались одни. Я тогда второй раз в жизни осталась совсем одна. В первый раз в Чите, в 1969-м, а второй в девяносто восьмом, когда похоронила свою единственную дочь и ее мужа. Я тогда так надеялась увидеть во сне бабушку, такую, какая она была – в длинной юбке, с высоким узлом волос, камеей вот этой, – длинные пальцы метнулись к горлу, затеребили брошь, прикрепленную к воротнику белоснежной блузки. – Но нет, никогда она мне не снилась. А сегодня пришла ко мне во сне, смотрела так печально, словно предупреждала о чем-то.

У Кати от жалости сжалось сердце. Она была рада, что уговорила разрешить ей пожить вместе с Аглаей Тихоновной, чтобы не оставлять ту одну. Глашка дневала и ночевала у Ани, оказавшейся Тоней. Тело Антонины Сергеевны не отдавали из-за следствия, невозможно было назначить дату похорон, и Аня с ума сходила в своей съемной квартире, боясь остаться одна. Глашка, как могла, поддерживала подругу, в то время как Катя взяла на себя функции компаньонки при Аглае Тихоновне. Сейчас вот, к примеру, борщ варила, чтобы хоть как-то занять руки, да и голову тоже.

– Аглая Тихоновна, вы только не бойтесь, – сказала она с горячностью. – Сегодня придет мой друг, участник Открытого театра. Он следователь и обязательно что-нибудь придумает, чтобы вас защитить. И убийцу найдет непременно. Вы только все ему расскажите, ладно?

– Ну, конечно, я все расскажу, – с досадой сказала ее собеседница, отошла от окна, в которое бездумно смотрела, уселась за стол, закинула ногу на ногу, обхватила колени руками. Чуть слышно звякнули тяжелые кольца и браслеты на тонкой старческой руке. – Весь вопрос только в том, что именно рассказывать. Я не хочу показаться твоему, деточка, приятелю выжившей из ума старухой.

– Вы не можете такой показаться, – рассмеялась Катя. – Вы удивительная, Аглая Тихоновна, и это становится ясно каждому, кто подходит к вам ближе, чем на три метра.

– Ты пристрастно ко мне относишься, девочка, – пожилая дама тоже засмеялась. – Ты знаешь, это у нас в крови, вызывать полярные, но очень сильные эмоции. К примеру, мою бабушку обожали практически все, кто ее знал. Папа мой, Тихон Ильич Колокольцев, относился к ней с глубоким уважением, я бы даже сказала, почтением. И друзья его тоже. И мама, и я, и большинство моих одноклассников. А вот Иринка ее терпеть не могла.

– Та, которая умерла в Чите? Но она же была самой близкой вашей подругой.

– Да, ближе ее никого не было, ни тогда, ни потом. Она скрывала, что не любит бабушку, но я знала. И Нюрка знала.

Что именно знала Нюрка, Катя спросить не успела, потому что раздался звонок в дверь. Пришел Бекетов, и Катя, пока Аглая Тихоновна открывала дверь, вопреки всякой логике, убрала волосы за уши и взбила упавшую от супного пара челку.

– Здравствуйте, Екатерина, – он появился в кухне, тут же заполнив собой немаленькое пространство, и Катя опять же не к месту подумала, насколько «крупногабаритные» мужчины привлекательнее «мелких». – Аглая Тихоновна, вы не возражаете, если я вот здесь присяду?

Расположился он на обычном Катином месте, отчего она испытала легкую досаду и тут же внутренне одернула себя, потому что это уж было совсем глупо. Хозяйка квартиры опустила в свое

привычное кресло, оплела пальцами чашку с остывшим чаем, поинтересовалась великосветским голосом:

– Могу предложить чай или кофе, что вы предпочитаете, господин...

– Бекетов. Следователь Бекетов Владимир Николаевич. Если можно, то чаю я бы с удовольствием выпил.

Аглая Тихоновна посмотрела на Катю, та кивнула.

– Сейчас налью.

– Что ж, Аглая Тихоновна, давайте не будем откладывать в долгий ящик и сразу перейдем к делу. Итак, расскажите, пожалуйста, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с гражданкой Демидовой Антониной Сергеевной.

– Начнем с того, что о том, что она стала Демидовой, я узнала месяц назад, – усмехнулась его собеседница. – Да и то, что она Сергеевна, мне было совершенно без надобности. Я знала ее как Антонину Селезневу, Ньюру, мою школьную подругу и одноклассницу, и до недавнего времени не видела более пятидесяти лет.

Аглая Тихоновна неспешно рассказывала Бекетову все то, что Катя уже и так знала. Речь ее текла плавно, дышала она спокойно и ровно, сразу было видно, что совершенно не волновалась. Фактически она сейчас вспоминала всю свою жизнь, от рождения и до того момента, как уехала из Магадана после смерти родителей, после тяжелой и трудной дороги оказалась в Чите, простуженная, очень больная, с умирающей от пневмонии подругой на руках. Как, отправив в Магадан запаянный гроб с телом Иришки (пусть и нежаркое там было лето, но все же путешествия на перекладных тело бы не выдержало), нашла в себе силы все-таки уехать в Москву, совершенно одна.

– Значит, это было в 1969 году?

– Да, я приехала в Москву в середине июля. Фактически накануне экзаменов. Едва успела подать документы в институт. Мои родственники были уверены, что я не поступлю. После такого-то стресса, в чужом городе, при диком конкурсе. А я экзамены сдала на одни пятерки, плюс медаль у меня была золотая, это дополнительные баллы давало. В общем, я поступила. Скорее, из упрямства и желания исполнить волю своей семьи и мечту Иринки, но поступила.

– А подруге своей, Антонине, вы не писали? Почему? Ведь она осталась единственным близким вам человеком.

Аглая Тихоновна помолчала.

– Я не знаю, как вам это объяснить и поймете ли вы меня, – наконец сказала она. – Понимаете, я была семнадцатилетней девочкой, которая в одночасье все потеряла. И при этом нашла много нового. Друзей в институте, родственников бабушки, которые меня приютили, Москву, которая меня ошеломила и закружила настолько, что я могла часами просто ходить по улицам и разглядывать дома. В свой день рождения, 25 июня, существовала одна Аглая Колокольцева, а в Москву приехала уже другая. Более жесткая, более приземленная. И эта новая Аглая не хотела иметь ничего общего с прошлым, в котором было так много потерь. Поэтому я никому не писала. Не только Нюрке, вообще никому. Вспоминать прошлое было слишком больно, поэтому я не вспоминала, жила настоящим. Вы понимаете, Владимир Николаевич?

– Я понимаю, – тихо отозвалась Катя, во время разговора продолжавшая варить борщ и хранящая молчание, чтобы не отвлекать. Но сейчас ей казалось очень важным поддержать пожилую женщину. – Аглая Тихоновна, все, что вы говорите, совершенно понятно, и никто не может вас упрекать в том, что вы предпочли забыть.

– Хорошо, – покладисто сказал Бекетов. Такое чувство, что эмоциональный рассказ собеседницы ничуть его не тронул, и Катя в этот момент ненавидела его железобетонное спокойствие. Может, правда, есть ряд профессий, в которых волей-неволей приходится стать толстокожим, чтобы выжить. – Давайте примем за аксиому, что пятьдесят лет вы ничего не знали о своей школьной подруге и никак с ней не связывались. Теперь давайте перейдем к настоящему. Что случилось, когда вы узнали, что приехавшая в Москву бабушка подруги вашей внучки на самом деле Антонина Демидова?

Пожилая дама опять помолчала, видимо, подбирая слова, чтобы ответить на вопрос максимально точно.

– Я удивилась, – наконец сказала она. – Нет, правда, я ужасно удивилась такому невероятному, потрясающему совпадению. Глаша с Анечкой учились в институте пять лет, девочка часто у нас бывала, особенно в первый год. Оно и понятно, одна в большом чужом городе. Конечно, у нее папа очень достойный человек, он ей всячески помогал,

но проведывать часто не мог, сами понимаете, служба. Она очень скучала по дому, по родителям, по бабушке, и этим напоминала мне меня. Потом она начала ходить к нам реже, это тоже понятно, в Москве столько соблазнов, что всегда можно найти что-то поинтереснее, чем беседы со старухой. Но нет, о том, что она Нюркина внучка, я узнала только тогда, когда та приехала в Москву.

– Неужели за пять лет учебы и два года работы в одном театре Аня ни разу в разговоре с родными не упоминала, как зовут ее ближайшую подругу?

– Получается, что нет. То есть ее родители, конечно, знали, что у нее есть подруга Глаша, а вот Нюрка нет, не знала. Как-то не заходил об этом разговор. И только когда она решила на старости лет приехать к Анечке и поселилась у нее, Глаша как-то после театра забежала к ним домой, и Аня ее представила бабке именно как Аглаю Колокольцеву. Слово за слово, выяснилось про Магадан, так Нюрка меня и идентифицировала, если можно так выразиться.

– А дальше?

– А дальше они мне позвонили, мы поговорили, условились встретиться, но тут начался этот чертов карантин, и увидеться у нас получилось лишь две недели назад, когда мы обе решили сбежать от наших внучек, истово защищающих нашу безопасность.

– Вы встретились на Цветном?

– Да, мне это было близко от дома, да и Нюрке недалеко.

– Вы сразу друг друга узнали?

Аглая Тихоновна вдруг усмехнулась покровительственно, снисходительно.

– Молодой человек, уж вы простите, что я буду вас так называть, но мне вы явно годитесь в сыновья. Конечно, люди с возрастом меняются, но мы обе изменились не так сильно, чтобы не могли друг друга узнать. Нюрка, конечно, поправилась, но, разумеется, мы узнали друг друга.

– И о чем вы разговаривали?

– Да вы знаете, самое интересное, что говорить нам оказалось практически не о чем. Пятьдесят один год – большой срок, и мы провели его вдалеке друг от друга. У каждой из нас была своя жизнь, причем большая ее часть. Мы влюблялись, выходили замуж, хоронили мужей, растили детей и внуков отдельно друг от друга, и рассказывать

про это было неинтересно, и слушать тоже. Такой был очень формальный разговор. Кто был Нюркин муж, как она растила сына в одиночку, потому что муж спился и умер после того, как его за пьянку на берег списали. Она все про Аню говорила, она ее Тонечкой называла, очень гордилась, что та артистка, красивая, в Москве живет. Переживала, что своего жилья нет.

– А прошлое вы вспоминали? Общее прошлое, я имею в виду?

Катя слушала напряженно, потому что в своем рассказе Аглая Тихоновна неминуемо приближалась к тому непонятному и страшному месту в разговоре, где всплыло какое-то золото.

– Я спросила, как прошли похороны Иринки? – снова помолчав, сказала Аглая Тихоновна. – У нее, оказывается, мама умерла, когда про Иринкину смерть узнала. В одночасье, от разрыва сердца. Их в одной могиле и похоронили, вот как. А я и не знала.

Легкая тень пробежала по ее лицу и исчезла. Аглая Тихоновна смотрела своему собеседнику прямо в глаза, и Катя в очередной раз поразились стойкости ее духа и несгибаемости характера.

– Понятно, – невозмутимо продолжил разговор Бекетов. – О ком еще из вашего прошлого вы говорили?

Аглая Тихоновна бросила быстрый взгляд на Катю, та виновато кивнула, признавая, что раскрыла доверенный ей секрет. Впрочем, стыдно ей не было, ради безопасности дорогих ей людей она еще бы и не то сделала.

– Я понимаю, вы хотите, чтобы я рассказала вам о золоте, – медленно заговорила пожилая женщина. – Но я уже говорила Катеньке, что не очень поняла то, что пыталась рассказать мне Тоня. Я ничего об этом не знала, ничего. Мой отец, Тихон Ильич, не считал нужным посвящать женщин семьи в свои дела. Я убеждена, что мама и бабушка тоже ничего не знали. Мама, потому что она была немного не от мира сего. Она вообще плохо понимала, что ее окружает. У нее был свой внутренний мир, куда не было хода отцу. И мне не было. Она как Спящая царевна жила, словно в хрустальном гробу. Впрочем, сейчас не о маме. О золоте.

– То есть золото все-таки было? – уточнил Бекетов.

– Повторюсь, что мне об этом неизвестно, но после нашей единственной встречи с Нюркой я много думала о том, что она мне сказала. Понимаете, в том-то и дело, что оно могло быть, это золото.

Мой отец много лет был начальником прииска, на котором работали зэки. Мыли золото. Именно там он познакомился с моим дедом. В общем, я вполне допускаю, что во время работы на прииске он сумел создать какой-то золотой запас. И именно из-за этого золота, а вовсе не из-за материнских драгоценностей, нашу квартиру и ограбили в ту злополучную ночь.

– Вашу квартиру ограбили?

– Да, пока мы все были в школе, на выпускном. Это был день моего рождения, мы все пошли на праздник, даже бабушка, хотя она практически никогда не выходила из дома. Потом милиция выяснила, что преступник пробрался в квартиру, когда дома никого не было. Он не был случайным человеком, потому что замок на двери был открыт дубликатом ключей, и где был спрятан сейф в папином кабинете, он тоже знал. Все считали, что он забрал шкатулку с драгоценностями. Папа маму очень любил и баловал, дарил ей красивые украшения. Но все-таки целого состояния они не стоили, не царские бриллианты, те драгоценности, что были в семье до революции, бабушка сразу же продала, им с сестрой Верой нужно было на что-то жить. В общем, я никогда не понимала, зачем ради маминых украшений вообще стоило городить весь этот огород. Но Нюрка сказала, что у отца было золото, и тогда получается, что преступник лез именно за ним. Золото и продать можно было гораздо проще и выгоднее, чем браслеты, серьги и кольца.

– Откуда ваша подруга могла знать о золоте?

– В детстве ниоткуда. Говорю же вам, что в доме о нем никогда не упоминалось. Но она рассказала мне, что уже здесь, в Москве, встретила одного человека, который ей об этом рассказал.

– Какого человека? – следователь Бекетов был само терпение, словно ему и не приходилось выдавливать из Аглаи Тихоновны информацию в час по чайной ложке.

– У нас был одноклассник, – тихо сказала та. Лицо ее побелело от напряжения и словно заострилось. Сейчас Аглая Тихоновна выглядела значительно старше своих шестидесяти восьми лет. – Сколько слез я из-за него пролила, трудно даже представить. Иринка в него была влюблена, а надо мной он издевался. Прохода не давал. Толкал, щипал, дергал за волосы. Однажды мой портфель забросил на крышу сарая, который стоял недалеко от школы. Как-то спрятал сменную обувь,

забросил в сугроб, и я провалилась по пояс, пока доставала свой мешок. Его только Иринка могла утихомирить, и она постоянно это делала, заступалась за меня. Но я все равно все годы в школе боялась его до одури.

– И как его звали?

– Димка, Дима Зимин.

– И именно его Антонина встретила в Москве?

– Она говорила, что да. И рассказала, что тогда, в шестьдесят девятом, когда мы с Иринкой уехали в Москву, к ней в тот же вечер заявился Зимин, пьяный. Он орал, что мы не могли уехать, твердил про золото, которое у него увели прямо из-под носа, страшно матерился и очень ее напугал, хотя Нюрка была не из робких. Тогда она его выпроводила восвояси, но он все твердил, что будет за ней следить, и что если мы ей напишем из своей Москвы, то она обязана дать ему наш адрес. Но вместо письма от нас в Магадан вернулся гроб с телом Иринки, потом Нюрка уехала во Владивосток, и все эти годы про Зимина не думала и его не вспоминала. И тут натолкнулась на него в Москве.

– И что он ей сказал?

– Что все эти годы не переставал искать меня. Он был уверен, что, раз Иринка умерла, то золото должно быть у меня. И что он обязательно меня найдет.

– Аглая Тихоновна, но это же какая-то глупость! – воскликнула Катя. – Если этот Зимин искал вас пятьдесят лет, то он давным-давно вас нашел бы. Вы, выйдя замуж, даже фамилию не поменяли. Найти в Москве Аглаю Тихоновну Колокольцеву легко можно было еще в семидесятых, когда в столице работали справочные бюро. Да и сейчас стоит только ввести ваше имя в поисковике, как можно узнать, что вы все эти годы работали ведущим хирургом центра хирургии. Вы же не скрывались ни от кого.

– Нет, мне не от кого было скрываться. Вернее, я так думала.

– Вот, видите, ничего не сходится, – продолжала горячиться Катя. – Если бы этот Зимин знал тех людей, которые влезли в вашу квартиру, а потом убили ваших родных, то он не мог не понимать, что они, уходя, забрали золото с собой. Как оно могло снова оказаться у вас?

Лицо Аглаи Тихоновны исказила мучительная гримаса. На мгновение Катя испугалась, что пожилая женщина сейчас испытывает сильную боль, дикую, практически непереносимую.

– Ты зришь прямо в корень, девочка, – сказала она, тяжело дыша.

Катя бросилась к графину с водой, наполнила стакан, протянула его собеседнице, та сделала жест рукой, не надо, мол.

– Я думала над этим несколько ночей после нашей встречи с Нюркой и нашла только одно объяснение происходящему, каким бы страшным оно ни было, и как бы мне не хотелось в него верить. Я думаю, что это Иринка предложила Зимину ограбить нашу квартиру. Она постоянно бывала у нас дома, могла услышать что-то про золото, мой папа, конечно, был человеком осторожным, но не удивлюсь, если Иринка что-то узнала. У нее с Димкой был роман, он стал ее первым мужчиной, зимой, в последнем классе. Она сама мне рассказала по страшному секрету.

– Вы хотите сказать, что два школьника стоворились совершить тройное убийство? – недоверчиво спросил Бекетов. – Скажите, преступление вообще было раскрыто?

Аглая Тихоновна покачала головой.

– Нет, поймите, огнем было уничтожено все. А преступников так и не нашли, потому что на двух, как вы выразились, школьников, просто никто не подумал. Это же был Магадан, город, в котором ударниками строительства с тридцатых и до конца шестидесятых годов были именно заключенные: воры, убийцы, грабители. Вся столица Колымы была огромной зоной, поделенной на два лагеря – заключенных и вольнонаемных, точнее, зэков и вертухаев. Тогда весь город жил в постоянном страхе, потому что освобожденные или бежавшие из лагеря уголовники могли ограбить или обворовать любого. И к концу шестидесятых ситуация если и изменилась, то несильно.

– То есть следователи были уверены, что вашу квартиру ограбили бывшие зэки?

– Да, вполне возможно, что с папиного прииска. Искали тех, кто мог это сделать, а на одноклассников моих даже не смотрели. Но Иринка могла знать про золото, сделать слепки с моих ключей, рассказать Димке Зимину, где находится сейф и как его открыть ключом, который папа хранил в кабинете, в выдвижном ящике

шахматного столика, том самом, куда можно было ссыпать фигуры. Мы были на выпускном, и Димке должно было хватить времени на то, чтобы ограбить квартиру и уйти, не привлекая внимания. Родители, вернувшись домой, застали его в квартире. Их убили ножом. Зарезали. Думаю, что первым он убил папу, потому что тот был сильным и мог дать отпор, просто не успел, потому что не ожидал нападения. А расправиться потом с двумя слабыми, обезумевшими от страха женщинами для Зимины было вообще плевым делом. А потом, чтобы скрыть следы преступления, он облил квартиру хранившимся в кладовке керосином, у бабушки были большие запасы, потому что зимой иногда отключали электричество, а пару раз и отопление. И поджег. А мы в это время были в бухте, и я даже ни о чем не догадывалась.

– Аглая Тихоновна, но вы ведь понимаете, что это не более чем версия, – сказал Бекетов задумчиво. – Вы что же, пятьдесят лет жили с мыслью, что ваша ближайшая подруга подстроила убийство вашей семьи?

– Нет, конечно, – с досадой сказала пожилая женщина, словно сердясь на их непонятливость. – Я никогда про это не думала, пока не встретила с Нюркой и не услышала историю про золото. Говорю же, что несколько ночей не спала, все крутила в голове эту историю, прикидывала расклады. И все сводилось к тому, что Зимин совершил убийство, а Иринка была наводчицей. Она была очень целеустремленной. Мечтала вырваться из той жизни, уехать из Магадана, где все знали, что ее отец во время побега убил конвоира, снял с него скальп, представляете? Она настаивала на том, чтобы мы уехали в Москву. Я не хотела, в тот вечер я хотела поговорить с отцом, чтобы он позволил мне остаться дома. И Иринка знала об этом, потому что я ей сказала. На школьном вечере. Она рассердилась ужасно. Потому что мое решение ломало все ее планы.

– А в планах было украсть золото и уехать в Москву?

– В первоначальных, да. Я помню, как они тем вечером стояли и разговаривали в сторонке. Они тихо говорили, но я расслышала слово «рыжик». Тогда я удивилась, что в конце июня они говорят о грибах, не сезон ведь. И только сейчас поняла, что они говорили совсем о другом. Видите ли, для каждой местности характерны свои словечки и обозначения. Так вот, в Магадане, рыжиками называли изделия из

золота. Думаю, что потом Иринка поменяла планы и приказала Зимину убить мою семью. Тогда я бы точно уехала с ней, потому что мне не с кем было оставаться. Так я и сделала. После похорон у меня не осталось никого, кроме Иринки, и я уехала с ней. А она с золотом.

– Ну, конечно, – воскликнула Катя, напряженно следящая за рассказом. Как актриса и режиссер она, к своему ужасу, представляла, как бы можно было построить эту мизансцену, чтобы она смотрелась выигрышнее. Просто ужас какой-то, профессиональная деформация. – Именно поэтому после вашего отъезда Зимин и приходил к Нюрке, то есть к Антонине Сергеевне. После убийства он отдал золото Иринке, а та сбежала с ним, оставив своего поделщика с носом.

– Это единственное объяснение, почему он думает, что золото у меня, – с усилием сказала Аглая Тихоновна. – После Иринкиной смерти в Чите у меня остались все ее вещи. Поэтому он подумал, что я нашла золото и забрала его себе.

– Простите, но не могу не спросить, а вы этого не делали? – спросил Бекетов, простодушно глядя на пожилую женщину. Правда, Катя режиссерским своим нюхом чуяла, что простодушие это напускное.

– Нет, не делала. Когда мы добрались до Читы, Иринке уже было так плохо, что я фактически тащила ее на себе. Нести и ее, и вещи, я не могла, поэтому оставила тюки и чемоданы на перроне, а сама потащила Иринку к дежурной по вокзалу, чтобы вызвали «Скорую помощь». Я не сразу спохватилась, что часть вещей тогда украли. Пропал Иринкин рюкзак. Самое страшное, что в нем были наши паспорта. Я сама их ей отдала, чтобы не потерять. Деньги были у меня в лифчике, извините за такую интимную подробность, школьные аттестаты в моем чемодане, а паспорта у нее в рюкзаке. Он был очень тяжелый, это я помню. Именно поэтому я оставила его под скамейкой на перроне. Наверное, там было золото, которое она тащила с собой. Так что если Зимин меня найдет, то вернуть я ему ничего не смогу.

– Аглая Тихоновна, как вы думаете, почему он убил Антонину?

– Я не знаю, – сказала их собеседница и, наконец, заплакала. – Думаю, что это я виновата. Когда у меня в голове сложилась вся картина, я позвонила Нюрке и пригласила ее на день рождения. Если бы не желание попросить ее подробно вспомнить тот вечер и все, что было позже, то я бы не стала с ней больше встречаться. Чужой

человек, не о чем говорить. Но меня мучила тайна, которую хотелось раскрыть во что бы то ни стало. Я позвонила Нюрке и пригласила ее в гости.

– И за что тут убивать? Наоборот, если Зимин за ней следил, то ваша школьная подруга могла бы привести его к вам.

– Вы не понимаете, – надменно сказала Аглая Тихоновна, и столько превосходства было в ее голосе, что Катя даже поежилась от неловкости за Бекетова. – По телефону я сказала Нюрке, что подозреваю Зимина в убийстве моей семьи. Так что я не удивлюсь, если она его как-то нашла.

– Для того, чтобы шантажировать, что ли?

– Может, и так. Она была помешана на необходимости купить Анечке квартиру. В первую нашу встречу только об этом и говорила. А может, и решила рассказать, что ее пригласили в гости ко мне домой. Говоря грубо, решила меня «сдать» в обмен на деньги.

– Вы считаете Анину бабушку настолько безнравственной? – недоверчиво спросила Катя.

– Она тоже родилась в начале пятидесятых в Магадане, – ответила Аглая Тихоновна. – И ее отец был уголовником, умершим на прииске. Я считаю ее не безнравственной, а прагматичной. В моем детстве этому быстро учились. Мне просто повезло, что я росла в другой семье. Семье с дворянскими корнями в прошлом и обеспеченным настоящим. Но так в жизни повезло далеко не всем.

Глава пятая

1969–1976 годы, Москва

Стоящая перед списком зачисленных в Первый московский медицинский институт Аглая Колокольцева понимала, что ей повезло. Очень повезло. Так, как в этой жизни везет далеко не всем. Подкинувшая этим летом крутой вираж судьба была явно благосклонна к провинциальной девушке, приехавшей из Магадана на перекладных и очутившейся в чужом, незнакомом для нее городе. Да еще каком – столице Советского Союза.

Неполный месяц назад она сошла с поезда Чита – Москва, с некоторой неуверенностью, но без всякой робости добралась по адресу, записанному на бумажке твердой рукой Аглаи Дмитриевны, и позвонила в звонок на деревянной, довольно богатой двери в подъезде дома в Брюсовом переулке.

Дом был относительно новый, построенный лет десять назад, не более, и квартиры здесь были большие, просторные, именно такие, в каких полагалось жить московской творческой интеллигенции. Именно здесь жила сестра Аглаи Дмитриевны Вера.

Из рассказов на кухне магаданского дома Колокольцевых Аглая знала о том, что муж Веры Борис Лондон долгие годы был ведущим скрипачом Госоркестра и даже успел в 1956 году выехать на вторые для российских оркестров гастроли за границу. В шестидесятом году он скончался, и вскоре после этого их сыну – Дмитрию Лондону, тоже известному и талантливому музыканту, дали квартиру в доме на Брюсовом, и Вера Дмитриевна переехала к сыну.

Дмитрий Борисович был ровесником Глашиной мамы. Было ему сейчас под сорок, и его броская мужская красота произвела на Аглаю довольно сильное впечатление. Никогда до этого не видела она таких красивых и холеных мужчин. Жену его, Елизавету Владимировну, концертмейстера и музыковеда, красавицей было назвать трудно, но что-то в ее внешности притягивало взгляд, который затем невозможно было оторвать от ее бледного, чуть вытянутого лица с большими серыми глазами.

Лицо это постоянно двигалось, а оттого менялось. Казалось, что в Елизавете живет не один, а несколько человек, и первое время Аглая все время ловила себя на том, что неотрывно следит глазами за женой своего дяди, что, пожалуй, граничило с неприличием.

Бедную родственницу, а именно так Глаша себя и ощущала, семья приняла не то чтобы радушно, скорее безразлично. Само собой подразумевалось, что потерявшая родителей девочка будет жить в Брюсовом, вместе с ними, но никаких особых эмоций по этому поводу никто не выражал.

Вера Дмитриевна, запретившая называть ее бабушкой и велевшая величать по имени-отчеству, похлопала носом, вспоминая, как уговаривала старшую сестру не уезжать в страшный Магадан, поужасалась лютой смерти сестры и племянницы, объяснила Глаше правила, которых следовало придерживаться в этом доме, и больше не обращала на девчонку никакого внимания.

Она вообще казалась немного не в себе, словно была здесь и не здесь одновременно, и этим очень напоминала Глаше мать – Ольгу Колокольцеву. Дмитрий Борисович, которого тоже нужно было звать по имени-отчеству, все время пропадал на репетициях, концертах, гастролях и светских тусовках. Елизавета повсюду сопровождала мужа, поскольку работала вместе с ним. Хозяйством в доме занималась домработница Надька, приехавшая из какой-то подмосковной деревни и жившая вместе с Лондонами. В соседней с ней комнатке поселили Аглаю, и если она хотела есть, то искала именно Надьку.

Несколько раз она предлагала свою помощь по хозяйству, но эти предложения были отвергнуты. Надька вполне справлялась с бытом семьи, и появление еще одного ее члена повлиять на ее неторопливую основательность никак не могло. Убирать, стирать, готовить и мыть посуду было не надо, и это, признаться, Глашу вполне устраивало.

Большой интерес Аглая, пожалуй, вызвала только у одного члена семьи – сына Дмитрия и Елизаветы – Бориса, который приходился ей троюродным братом. Был он тремя годами младше, в этом году окончил седьмой класс, учился в музыкальной школе при консерватории, на вкус Глаши был форменным «ботаником», не видевшим ничего, кроме музыки и книг.

Читал он запоем и все подряд – от библиотеки приключений до классической литературы, от фантастики до биографий из серии «Жизнь замечательных людей». Особой его любовью пользовались приключенческие романы, в которых суровые люди решали серьезные проблемы, справляясь со стихией и непредвиденными жизненными обстоятельствами. «Два капитана», «Дети капитана Гранта», «Белый клык» и «Смок и малыш» в прямом смысле слова были зачитаны до дыр. И такая страсть к приключениям у тихого домашнего мальчика вызывала у Аглаи легкую улыбку.

Он мог часами расспрашивать у новой родственницы про Магадан, прииски, золотодобычу, жизнь арестованных и вольнонаемных. Глашу немало удивляло, что в их семье эти темы не были запретными, закрытыми. О репрессиях, затронувших, в том числе, и их семью, точнее, Глашину, разумеется, говорили открыто и спокойно.

О том же самом – колымском быте – Глашу часто расспрашивали и друзья Лондонов, собирающиеся за праздничным столом. Она никогда не отказывала, говорила обо всем, что знала и помнила по рассказам отца, бабушки. И с Борькой тоже общалась охотно, не пытаясь его отшить, хотя четырнадцатилетний подросток умел быть ужасно надоедливым.

Борька ей нравился. Он был добрый и славный мальчуган в очках с толстыми стеклами, повсюду таскающий за собой свою скрипку и часами играющий в своей комнате гаммы. Ничего не понимающей в музыке Глаше казалось, что он не очень талантлив, потому что звуки, извлекаемые им из скрипки, вовсе не были усладой для ее измученных ушей.

– Дед был фантастически талантлив, отец тоже на своем месте, а тут природа отдохнула, – иногда горестно шептала Вера Дмитриевна, глядя внука по вихрастой голове.

Он не обижался, хотя был тщеславен. Глаша знала, что он мечтает о мировой славе и готов для этого мучить скрипку день и ночь. И за это она своего троюродного брата ценила, потому что вообще больше всего на свете уважала в людях упорство. Еще ей нравилось, что Борьку называли в честь деда, и в семье был второй Борис Лондон. Ее грело, что семейная традиция хранилась и в этой ветви семьи. Аглая и Борис были словно продолжением своих бабки и деда, уже ушедших

из жизни, но благодаря то и дело звучащему имени остающихся на устах живущих.

Вера Дмитриевна баловала Глашу разговорами нечасто, но иногда приглашала ее в свою комнату, чтобы послушать рассказы о старшей сестре, ее ровной спине, всегда ясном взгляде, аккуратной – волосок к волоску – прическе. Глаша говорила и говорила. О нарядах, которые рисовала мама для магаданского музыкального театра, о бабушкиных детских воспоминаниях, о памяти, которую она хранила о своем муже Александре Лаврове.

– Всю жизнь ей сломал, – прошептала как-то Вера Дмитриевна. – Сначала спас, и ее, и меня спас, а потом жизнь сломал. Оставил одну с ребенком, жену врага народа, погрузил в пучину отчаяния и боли. Она же ни на минуту не переставала верить, что он жив, и когда нашелся, все бросила, меня, Москву, друзей. Все бросила и уехала на эту проклятую Колыму, и девочку с собой потащила, Оленьку, цветочек ясный. Отдала замуж за энкавэдэшника, уж ты прости, Глашенька, что я так про отца твоего говорю.

– Папа был хороший человек, – сказала Глаша упрямо. – Бабушка говорила, что он деду жизнь спас. Тот, конечно, через несколько лет все равно умер, но мог и не дожить до бабушкиного приезда.

– Лучше бы и не дожил, – в сердцах сказала Вера Дмитриевна, – тогда бы все совсем по-другому сложилось и у Аглаи, и у Оли. Хотя ты бы тогда и на свет не появилась, так что, кто знает, может, все и к лучшему. Я уверена, что Аглая тебя ужасно любила.

– Любила, да, – призналась Глаша. – Скажите, Вера Дмитриевна, а у вас нет каких-нибудь наших фотографий? Бабушка вам не присылала?

Пожилая женщина тяжело вздохнула.

– Она мне и не писала почти. Тогда уехать на Колыму – это все равно что отправиться в дорогу в один конец. Мой муж в Госоркестре играл, заграничные гастроли, такие родственники ему могли крест на карьере поставить. Нет, ты не подумай, девочка, я бы от сестры ни за что не отказалась, и Борик мой был не такой, царствие ему небесное, но Аглая сама все понимала и очень себя блюла, чтобы, не дай бог, нам жизнь не испортить. Писала раз в год большое письмо с подробным рассказом о вашей жизни, я отправляла такое же в ответ. И все. Никаких фотографий.

– Жалко, – тихо сказала Глаша, – все наши фотографии в пожаре погибли, у меня ничего не осталось, совсем. Вот я и спросила, думала, вдруг...

– Бедная девочка, – Вера Дмитриевна порывисто вскочила, подбежала к Глаше и впервые с момента ее появления в квартире на Брюсовом позволила себе проявить эмоцию, прижала к себе и поцеловала в макушку, – как же тебе, наверное, больно все это вспоминать.

– Иногда воспоминания – это единственное, за что остается держаться в жизни, – сказала Аглая и улыбнулась. Сквозь стекло светило нещедрое сентябрьское солнце, отражалось в ее глазах, отчего они выглядели темными, загадочными.

В институт она поступила без труда и училась тоже легко, как будто пританцовывая. Ей нравилось изучать медицину, и будущая профессия нравилась тоже, и уже на первом курсе Аглая решила для себя, что обязательно будет хирургом.

– Неженская профессия, – сказал ей Борька, с которым она как-то поделилась своими планами.

– А какая женская? – огрызнулась Глаша. – Концертмейстером, как твоя мама?

– Или модельером, как твоя, – спокойно ответил он. – Бабушка любит повторять, что для того, чтобы быть настоящей женщиной, нужно смотреть на красивое. А что красивого увидишь, стоя у операционного стола?

Борька незадолго до этого перенес аппендицит, поэтому свои познания в медицине считал всеобъемлющими, а главное, основанными на личном опыте.

– Балда, – сказала Глаша и щелкнула троюродного брата по кончику носа, ласково и необидно. – В свободное от работы время мне никто не мешает смотреть на красивое. Буду, к примеру, на твои концерты ходить после сложных операций. Разве ж это не красиво – утром спасти человеку жизнь, а вечером надеть нарядное платье, прийти в зал консерватории и слушать классическую музыку в компании дам в вечерних нарядах и мужчин в костюмах. А, Борька?

– Может, ты и права, – задумчиво согласился брат. – Бабушка, вон, вообще очень рада, что в семье будет свой дипломированный врач.

Говорит, что мы все сплошь творческие люди, от нас пользы никакой, если заболеешь. А ты будешь нас всех лечить. Будешь ведь, Глаш?

– Буду-буду, куда ж я денусь, – засмеялась Глаша.

Несмотря на то, что в семье Лондонов к ней относились хорошо и куском не попрекали, совсем садиться на шею родственникам Глаша считала для себя неприличным, а потому со второго курса устроилась на работу. Денег на продукты с нее не брали, конечно, зато теперь она могла спокойно покупать себе платья и туфли, в том числе и у спекулянтов. К концу второго года московской жизни выглядела она как картинка, испытывая легкое удовлетворение оттого, что вслед ей то и дело поворачиваются мужские головы.

Пожалуй, не было бы преувеличением сказать, что за ней бегала половина института, мужская половина, разумеется, но романов Глаша не заводила, потому что будущую свою жизнь видела ясно и четко, словно была она нарисована на бумаге. В этой жизни не было места ни случайным влюбленностям, ни глупым страстям, только холодный расчет, который должен был привести к жизненному комфорту и прочим благам – их Глаша Колокольцева считала необходимым условием счастливой жизни.

Ей нужна была такая же квартира в старом центре Москвы, импортная мебель, дорогая одежда, возможность ездить за границу, а все это было возможно только при наличии правильного мужа. И Аглая выбирала, не торопясь и холодно оценивая все варианты.

Нужный, как водится, подвернулся случайно, и обязана им Глаша была тоже своему троюродному брату, Борьке Лондону, к тому моменту выросшему из пухлого неповоротливого школьника в студента училища имени Гнесиных. Глаша уже окончила институт и проходила интернатуру в одном из крупных хирургических центров, потому что подавала большие надежды. Ей было двадцать три года, Борьке девятнадцать, и как-то он случайно затащил ее в свою компанию, собравшуюся на квартире одного из его одногруппников.

Потом Глаша с усмешкой вспоминала, что тащиться к молокососам ей ужасно не хотелось. Она была с ночного дежурства, уставшая и невыспавшаяся, но Борька нудел над ухом, как надоедливая муха. По прошествии лет Аглая даже не помнила, почему ему было так надо, чтобы она с ним пошла, но, в конце концов, она

сдалась, потому что обещали, что на вечеринку придет сам Высоцкий, и встречу с ним Глаша пропустить никак не могла.

В квартире, в которой они оказались, было много антикварной мебели, хрусталя, высокие потолки и сигаретный дым, висящий в воздухе так плотно, что, пожалуй, мог выдержать пресловутый топор. Никакого Высоцкого, разумеется, не было, только магнитофонная бобина с его голосом и песнями, и рассерженная Глаша хотела уйти, но силы внезапно кончились, и она, взяв бокал с шампанским, уселась в укромном месте, забившись в угол дивана, и прикрыла глаза, уносясь под «Привередливых коней» куда-то далеко-далеко, в неожиданно тяжелые думы.

«Хоть немного еще постою на краю», – неслось по комнате, и Глаша вспоминала холодный и чужой вокзал в Чите, на котором она осталась одна. Совсем одна. Что ж, надо признать, что в итоге вышло все гораздо лучше, чем она себе представляла.

– Можно присесть? – она подняла голову и увидела мужчину, который казался гораздо старше всех присутствующих на вечеринке юнцов. На вид ему было лет тридцать, может, даже больше. У него были кудрявые, зачесанные назад густые волосы с ранней сединой, крупный покатый лоб, красивые глаза, синие-синие. Никогда до этого Аглая Колокольцева не видела таких синих глаз.

Она молча подвинулась, освобождая место рядом с собой. Посмотрела вопросительно в ожидании, что мужчина представится. Несмотря на всю его привлекательность, становиться легкой добычей она не собиралась.

– Владимир Каплевский, – ответил он на ее невысказанный вопрос. – Старший брат вон того высокого олуха, который пригласил друзей на эту вечеринку в квартиру наших родителей. Они на даче и разрешили ему устроить здесь этот содом и гоморру, но при условии, что я пригляжу за молодняком.

– Так вы выполняете роль дуэньи? Или надзирателя? – усмехнулась Глаша.

– Нет, просто готовлюсь вмешаться, если вдруг их потянет на глупости. Хотя, надо признать, пока что на глупости тянет только меня.

– На какие именно? – чуть надменно спросила Глаша. Сердце у нее сладко замирало в ожидании ответа.

– Например, похитить вас с этого дивана и покатать на парходике по Москве-реке. Если вы согласитесь, то я обещаю взять с собой шампанское и еще поиграть вам на скрипке.

– А вы уверены, что хорошо это делаете? – усмехнулась Глаша. – Дело в том, что мой брат, с которым я сюда пришла, скрипач, и его отец, мой дядя, – тоже, так что вам не повезло, я довольно неплохо в этом разбираюсь.

– Кто ваш брат? – ее собеседник обвел глазами комнату и веселящуюся вокруг молодежь. – Если Борька Лондон, то он не скрипач, а ремесленник. А его отец, конечно, крепкий профессионал, но не более, а я войду в историю, и если вы действительно разбираетесь в музыке, то у вас есть шанс проверить, что я говорю правду.

– Кажется, вы сказали, что вас зовут Владимир Каплевский, а не Давид Ойстрах, – сощурилась Глаша. – Или я плохо расслышала?

– Меня зовут Владимир Каплевский, и я – один из любимейших учеников Давида Федоровича, – сообщил ее собеседник безмятежно. – Ну что, будете проверять? Если да, то я пошел добывать непочатую бутылку шампанского.

Спустя два месяца Аглая Колокольцева вышла замуж. Лондоны, немного встревоженные поспешностью ее брака, тем не менее, выбором своей молодой родственницы гордились. Владимир Каплевский действительно подавал большие надежды, много гастролировал за рубежом, и было видно, что свою молодую жену он любит до беспамятства. Выйдя замуж и переехав к мужу в его большую квартиру на Цветном бульваре, она настояла на том, чтобы остаться Аглаей Колокольцевой, наотрез отказавшись менять фамилию.

– Это – память о прошлом, – сказала она мужу, и тот не стал настаивать, отметив только, что их дети будут носить его фамилию. И точка.

Против этого Аглая возражать не стала. Родившуюся в 1976 году дочку она, по семейной традиции, назвала в честь бабушки, своей мамы. Наблюдая за Оленькой Каплевской, смешно ковыляющей по бульвару на крепеньких толстеньких ножках, Аглая иногда поднимала глаза, чтобы посмотреть на пробивающуюся через кружевную зелень синеву неба, невольно вспоминала оставшийся далеко-далеко в

прошлом Магадан, все свое детство, сейчас скрытое пеленой лет, не менее кружевной, чем сплетение листвы над головой, и улыбалась, радуясь тому, что когда-то так верно все рассчитала.

* * *

Наши дни, Москва

Глядя на следователя Бекетова, Катя искренне радовалась, что так верно все рассчитала. К рассказанной Аглаей Тихоновной истории он отнесся с полной серьезностью и начал с того, что направил запросы в Магадан, чтобы собрать имеющуюся информацию о гибели Колокольцевых в июне 1969 года и материалах заведенного по этому факту уголовного дела, а заодно о Дмитрие Зимине, однокласснике Аглаи Колокольцевой, Ирины Птицыной и Антонины Селезневой. Он обещал, что, получив информацию, сразу позвонит и все расскажет, но Катя не могла оставаться спокойной, пока ее кумиру что-то угрожало, поэтому дергала следователя звонками каждый день.

Он должен был раздражаться, но только посмеивался, и за это Катерина Холодова была ему очень благодарна. Глаша-младшая по-прежнему жила у Ани, потому что похороны ее бабушки все переносились. Сначала полиция не отдавала тело из-за расследования, потом из-за карантина и служебных забот отец никак не мог прилететь в Москву, чтобы организовать все, что положено. Но караулить себя в своей квартире Аглая Тихоновна больше Кате не разрешала.

– Будет тебе, – сказала она на третий день, когда Катя позвонила после репетиции предупредить, что скоро придет, – побаловались и хватит. Я не грудное дитя, так что вполне обойдусь без няньки.

– Аглая Ти...

– Будет, я сказала, – пожилая женщина властно повысила голос, и Катя тут же стушевалась, больше всего боясь показаться навязчивой. – Признаться, смерть Антонины выбила меня из колеи, но я уже полностью пришла в себя и в компаньонке не нуждаюсь. Катя, живи своей жизнью, пожалуйста. А меня ни охранять, ни развлекать не нужно. А если и нужно, то вон ко мне сегодня Вадим вечером придет.

Чай погоняем, в дурака сыграем, молодость вспомним. Все, Катюша, закрыли тему.

Так и получилось, что впервые с начала этой недели у Кати выдался совершенно свободный вечер. Назавтра у нее было запланировано занятие в Открытом театре, пусть онлайн, но все-таки, а сегодня она была совершенно ничем не занята и с некоторым предвкушением ждала вечера, который можно провести одной в квартире: принять ванну с ароматной пеной, открыть бутылочку розового вина, нарезать ароматного сыра, разложить на тарелке свежую клубнику и виноград, рассыпать горсточку орехов и расплавить в микроволновке ложку привезенного в прошлом году подружкой с Алтая ароматного меда. Если при этом еще включить любимый сериал, так просто удовольствие, а не вечер.

Она почти осуществила задуманное, по крайней мере, вино было уже открыто, сыр порезан, в ванну набиралась вода, взбивая упругую шапку вкусно пахнущей пены, когда ей позвонил Бекетов.

– Да, Владимир Николаевич, – сказала Катя с замиранием сердца. Его звонок явно значил, что он наконец-то что-то узнал, – я вас слушаю.

– Катерина, если вы еще не охладели к этой истории, то нам надо встретиться.

– Конечно, не охладела! – воскликнула Катя. – Мне очень интересно все, что вы узнали. Где и когда?

– На улице дождь, так что мне не хотелось бы заставлять вас выходить из дома. Я готов приехать к вам, если вы не возражаете.

На мгновение Катя замешкалась, покосившись в сторону открытой двери в ванную комнату, где весело била вода. Он ее промедление, разумеется, заметил.

– Если вам неудобно, то можно отложить назавтра, я постараюсь заехать к вам в театр. Рестораны и кафе все закрыты, а по улице в такую погоду много не находишь, – сказал Бекетов чуть суше, чем обычно.

– Нет-нет! – воскликнула Катя. – Конечно, не надо ждать до завтра, тем более что репетиции у меня нет, и в театр я завтра не собираюсь. И, конечно, совершенно глупо бродить под дождем, тут вы правы. Поэтому приезжайте, я сейчас сброшу вам эсэмэской адрес.

– Я знаю, где вы живете.

– Да? Откуда?

– Не надо забывать, где я работаю, – он позволил себе чуть усмехнуться. – Я буду у вас минут через двадцать, Катерина.

– Да, хорошо, спасибо, – чуть растерянно сказала Катя и, отключившись, заметалась по квартире, уничтожая следы подготовки к своему расслабленному вечеру: вылила воду из ванны, смыв хлопья пены, сменила халат на джинсы и футболку, убрала в хвост распущенные волосы, критично осмотрела себя в зеркале, но краситься не стала, решив, что и так сойдет. В конце концов, у них не свидание.

Бутылка открытого вина, сыр и прочие вкусности заняли свое место на кухонном столе. Немного подумав, Катя еще быстро наделала бутербродов, полагая, что Бекетов, скорее всего, едет к ней с работы, а значит, голоден. Вообще-то в такой ситуации гостя следовало бы покормить, но «человеческой» еды в доме не было, потому что Катя старалась вечерами не есть, да и готовить ей было не для кого, а потому лень. Сыр и вино были очень подходящей едой для одинокой женщины, а для работающего мужчины к ним можно было добавить колбасу, ветчину, тосты и банку зеленых оливок. Не мишленовский ресторан, конечно, но лучше, чем ничего.

Гость действительно позвонил в дверь через двадцать минут, и Катя в очередной раз подивилась его пунктуальности. Почти за год занятий Бекетов не опоздал ни разу, что Катерине нравилось. Непунктуальности в людях она не терпела, считая ее проявлением неуважения к чужому времени.

В руках он держал коробку с пирожными, маленькими, на один укус, из очень модной и довольно дорогой кофейни, открытой перед самым Новым годом и все это лихое карантинное время работающей только навынос. Если бы Катя сама решила побаловать себя пирожными, то купила бы их именно там.

– Извините, что сваливаюсь вам как снег на голову, – сказал гость, снимая кроссовки в прихожей и вставляя ноги в предложенные тапочки. Этот момент Катя всегда ненавидела, но разрешить ходить в уличной обуви по дому все-таки не могла. Не тот у них климат. – В качестве смягчающего обстоятельства, помимо интересующей вас информации, принес еще пирожные к чаю. Чаем напоите, Катерина?

– Вы с работы, поэтому еще накормлю бутербродами, – сказала Катя, принимая коробку и показывая рукой, где кухня. – Извините, ничего более серьезного из еды нет. Зато открыто розовое вино. Будете?

– За рулем, – с показным огорчением гость развел руками. – Но вы пейте, если хотите. Меня не задевает, когда другие пьют в момент моей вынужденной трезвости.

– А она вынужденная, ваша трезвость? – уточнила Катя.

Она предпочитала во всем доходить до самой сути, а в случае с Бекетовым никак не могла взять в толк, зачем он ходит на занятия Открытого театра. На творческого человека он был непохож, на решающего психологические проблемы тоже. Может, правда, таким образом, борется с зависимостью от спиртного?

– Что? А, нет, я не алкоголик. Даже в прошлом. Выпить могу, но по поводу и исключительно когда не за рулем. А за рулем я практически постоянно, поэтому разрешаю себе выпить нечасто. Работа такая, что лучше не терять контроля.

Катя скептически ухмыльнулась. Конечно, до этого у нее никогда не было знакомых следователей, но даже в фильмах показывают, что трезвость для них обычно не норма жизни.

– Я предпочитаю не терять контроля, – он сделал ударение на слове «я», в очередной раз показывая, что может легко читать ее мысли. Кате стало неловко. – И, Катерина, уж вы, как никто другой, должны знать, насколько бывают обманчивы штампы.

Несмотря на неудобную ситуацию, ни малейшей неловкости Катя не испытывала. В обществе этого человека ей вообще было спокойно и надежно, что ли.

– Садитесь где вам нравится, – сказала она, – я сейчас налью вам чаю, а сама действительно выпью бокал вина, раз уж у меня выдался свободный вечер.

– Признаться, я не думал, что застаю вас дома. Насколько я знаю, вы караулите вашу пожилую знакомую...

– Как раз сегодня она сказала, что ей надоело мое внимание, – засмеялась Катя. – Признаться, я ее понимаю. Аглая Тихоновна всегда была женщиной самостоятельной. Вы же знаете, известный хирург, практически легендарный. У нее даже какая-то операция есть, которую она запатентовала. Она из тех людей, которые не привыкли ныть и

жаловаться. В первый момент, понятно, она испугалась и раскисла немного. Все-таки возраст, да и ситуация не часто встречающаяся. Но в руки она себя взяла быстро, так что, пожалуй, я больше не переживаю. Если только не считать опасения, что преступник может ее вычислить и нагрянуть в квартиру, но, думаю, Аглая Тихоновна догадается в случае опасности сразу позвонить. Мне или вам. Вы же оставили ей свой телефон.

– Да, оставил. Хотя, признаться, я не верю, что старушке что-то угрожает, – сказал Бекетов. – Вся эта история с золотом выглядит очень сомнительно. Вы совершенно правильно заметили в ней дыры. За пятьдесят лет найти человека, который даже не менял фамилию в связи с замужеством, было бы можно, если бы на то было желание. Но что мне действительно интересно, так это понять, что такого ценного могла знать жертва, чтобы ее профессионально зарезали практически в центре Москвы.

– Профессионально?

– Попасть шилом со спины так, чтобы поразить сердце, непросто, Катерина. Думаю, что вы и сами это прекрасно понимаете. Это сделал профессионал, и разумеется, не из-за золота, якобы украденного пятьдесят лет назад. Что-то потерпевшая знала такое, что представляло угрозу для убийцы. Понять бы только, что.

– Владимир Николаевич, а вы что-нибудь узнали? О тех событиях, о которых рассказывала Аглая Тихоновна.

– Узнал, хотя и немного. Дело, разумеется, давно в архиве. Очевидцев не осталось. Ребята по моей просьбе, конечно, порылись в документах, но ничего особенно важного там нет. В квартиру Колокольцевых проник неизвестный, когда их не было дома. Что именно он украл, неясно, потому что, по показаниям дочери погибших, исчезла только шкатулка с драгоценностями Ольги Колокольцевой. Но об остальном она, разумеется, могла и не знать. Преступник дождался, пока хозяева вернутся домой, и убил их, нанеся ножевые ранения. Первым, судя по всему, погиб Тихон Колокольцев, его преступник ударил ножом практически сразу, чтобы тот не успел оказать сопротивление. Женщины – мать и дочь, похоже, не сопротивлялись. Старуха, Аглая Лаврова, успела добежать до кухни, но убийца настиг ее там. А Ольга Колокольцева, похоже, впадала в

состояние шока и даже не сопротивлялась. Ее нашли в коридоре, у тела мужа.

– И затем был пожар...

– Да, преступник явно знал, что в кладовке есть бутылка с керосином. Он поджег квартиру, чтобы замести свои следы. Никаких отпечатков пальцев в квартире не нашли. Может, все сгорело. А может, он был в перчатках.

– Дело действительно так и не раскрыли?

– Нет, типичный «глухарь», несмотря на то, что речь шла о семье второго секретаря обкома. Никто из соседей ничего не видел, пропавшие драгоценности нигде так и не всплыли. Спустя месяц после убийства задержали рецидивиста, на которого, похоже, пытались все повесить, чтобы галку поставить и перед обкомом отчитаться, но он повесился в камере предварительного заключения. Ну, или его повесили. Так что круг замкнулся, и виновные так и не были наказаны.

– А про Дмитрия Зимина что удалось узнать?

– А вот тут интересного уже больше, – Бекетов соорудил второй бутерброд и с аппетитом начал его есть, вгрызаясь в колбасу крепкими белыми зубами, похоже, не знавшими стоматолога. Катя поневоле даже позавидовала. – Этот самый Зимин состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. По делу об ограблении и убийстве Колокольцевых он, разумеется, не проходил. Его не опрашивали даже. Права Аглая Тихоновна, на школьника никто и не подумал, но уже после того, как он окончил школу, парень пустился во все тяжкие. Сколотил банду, участвовал в разбоях и грабежах, был трижды судим. Сейфы взламывал мастерски, говорят, слава о нем далеко за пределы Колымы разошлась. Кличка у него была Дима Магадан. Первый раз получил срок в 1970 году. Дали ему тогда четыре года. В тюрьме он ловко проник в ряды авторитетных уголовников. Затем в 1978-м он снова попался, на этот раз уже огреб серьезно – 12 лет колонии строгого режима. Хоть и недолго, но сидел во Владимирском центре, там его «короновали».

– Короновали?

– Да, Дмитрий Зимин, одноклассник вашей Аглаи Тихоновны, стал вором в законе. Причем достаточно авторитетным. На свободу он вышел в начале девяностых, когда и переехал в Москву.

– В Москву?!

– Да, здесь он собрал банду, которая «крышевала» бизнесменов. В столице он тоже пользовался огромным уважением, понятное дело, в преступной среде. И слава о нем ходила ой какая лихая. Кстати, в то время у него даже был роман с какой-то москвичкой, у которой он и жил. Жениться, понятное дело, не мог, вора в законе семью иметь не полагается, но возлюбленной своей дарил роскошные меха, бриллианты, машины. Все, что полагалось, по понятиям.

– Но тогда получается, что я была права! – воскликнула Катя. – В лихие девяностые человек, который имел связи в преступном мире, легко мог найти Аглаю Тихоновну. Если хотел, конечно.

– Ну да. Если хотел. Это важное дополнение. Думаю, что в то время Дима Магадан уже ворочал такими деньгами, что никакое украденное за двадцать лет до этого золото не могло с ними сравниться. И получается, что искать ее, чтобы вернуть это золото, ему было совершенно не нужно.

– А если он ее искал не для того, чтобы вернуть золото, а чтобы отомстить?

– А за что ему было мстить Аглае Колокольцевой? Если Зимин действительно ограбил квартиру и убил родителей Колокольцевой по наводке ее подруги Птицыной, а она его «кинула» и сбежала в Москву вместе с награбленным, то мстить он должен был Ирине. Но Иру Птицыну похоронили тем же летом шестьдесят девятого года, и не зная об этом Зимин не мог. Он тогда был еще на свободе. Так что не нужна ему была твоя Аглая Тихоновна ни за каким бесом. Тем более что особой любви между ними никогда не было, а весь его преступный путь начался с убийства ее семьи.

– Хорошо, но с начала девяностых прошло еще тридцать лет, – задумчиво сказала Катя. – Конечно, Зимин не искал Аглаю Тихоновну, когда приехал в Москву, потому что она действительно была ему не нужна. Но за эти годы могло произойти что угодно. Я читала, что многие бандиты, которые в девяностых чувствовали себя как рыба в воде, не смогли приспособиться к новым экономическим реалиям. Может быть, Зимин потерял все, что имел. Может быть, его снова посадили, и он только недавно вышел на свободу. Большой старый человек без денег. При таком раскладе он мог вспомнить, что именно в Москве живет женщина, у которой предположительно хранится

золото, и захотеть ее найти. И вот в этот-то момент ему и подвернулась на улице Антонина Сергеевна, Анина бабушка.

Ей показалось, или Бекетов в этот момент откровенно любовался ею? Катя понимала, что сейчас выглядит довольно привлекательно. От занимавшей ее беседы щеки у нее покраснелись, глаза горели. Ее всегда красила увлеченность каким-то делом, она преображала ее обычно бледное лицо, вдыхая в него жизнь. И сейчас мужское любование отчего-то льстило актрисе Екатерине Холодовой, хотя не было в нем ничего непривычного, а в проявляющем его человеке ничего особенного.

– Владимир Николаевич, – нетерпеливо воскликнула она и только что ножкой не топнула, – эту версию нужно обязательно проверить! Все сходится, вы же видите.

– Я уже проверил, – ответил он и улыбнулся Кате открытой ясной улыбкой, которая очень ему шла, делая лицо более молодым и не таким суровым. – Возможно, у вас не было возможности убедиться в том, что я – неплохой профессионал, но, честное слово, Катерина, я в своем деле считаюсь одним из лучших. Мне тоже пришло в голову, что старый вор в законе, вышедший, так сказать, в тираж, то есть на пенсию, случайно столкнулся с одной своей бывшей одноклассницей и вспомнил о существовании другой, у которой много лет, по его разумению, могло храниться когда-то украденное им золото. Но все дело в том, что Дмитрий Зимин по кличке Дима Магадан никак не мог убить Антонину Демидову. И встретить ее на улице летом 2020 года он тоже никак не мог. Равно как и угрожать сейчас вашей драгоценной Аглае Колокольцевой.

– Но почему?

– Потому что в 1996 году он погиб. Утонул во время купания в Испании, где у него был дом.

– Что-о-о? Как?

– Да так, – Бекетов пожал своими мощными плечами, Катя как замороженная следила за ним глазами. – В середине девяностых многие криминальные авторитеты приобретали недвижимость именно в Испании. Дима Магадан не стал исключением. Он приобрел себе особняк в Марбелье и уехал туда жить. А спустя полгода соседи заявили о его исчезновении. Последний раз его видели входящим в воду на пляже рядом с его домом. А через несколько месяцев море

выкинуло на берег неподалеку объединенное акулами тело мужчины. Труп был опознан по часам и нательному кресту как Дмитрий Зимин.

– Но он мог инсценировать свою смерть.

– Зачем? Для того, чтобы через четверть века убить старушку на Цветном бульваре? Я проверил, Катерина. За эти годы имя Зимина больше никогда нигде не всплывало. Он действительно больше не имел отношения ни к каким группировкам, ни к одному преступлению. И любовница его, кстати, спокойно вышла замуж.

– И вы верите, что он просто утонул? – закричала Катя.

– Нет, не верю. Я практически убежден, что он, как это часто встречается в криминальном мире, перешел кому-то дорогу, и его просто убрали. Конечно, он не просто утонул, а его убили. Но то, что его нет в живых уже два с половиной десятка лет, не вызывает никакого сомнения. И вопрос, который меня очень интересует, собственно, только один.

– Какой же?

– Кто придумал историю об их встрече с Антониной Демидовой на Цветном бульваре. Сама Антонина или твоя Аглая Тихоновна?

– А зачем Аглае Тихоновне это придумывать? – с удивлением спросила Катя. – Кроме того, она никак не могла знать ни про пропавшее из квартиры родителей золото, ни про то, что тогда, в шестьдесят девятом, пьяный Зимин после их с Ириной отъезда приходил к Антонине искать их адрес. Этого никто не мог знать, кроме Антонины.

– Да, это так, – согласился Бекетов. – Узнав о смерти своей бывшей подруги, которую она не видела пятьдесят лет, твоя Аглая Тихоновна никак не должна была вспомнить их беспутного одноклассника. И связать это убийство со смертью своих родных тоже не должна была.

– Вот видишь, – воскликнула Катя, даже не заметив, что вдруг перешла с суровым Бекетовым на «ты».

– Тогда остается только одно. Спустя пятьдесят лет после расставания со своей старой подругой Антонина Демидова приехала в Москву, к своей внучке. Тут она случайно узнала, что Аглая Колокольцева жива-здоровая и живет совсем рядом. Антонина увиделась с Аглаей и поведала ей выдуманную историю о встрече с человеком, которого Колокольцева не любила и боялась. Она сделала

все, чтобы запугать Аглаю Тихоновну рассказами о том, что этот самый человек ищет ее и когда-то украденное золото, а затем смогла повернуть ситуацию так, чтобы ее пригласили на день рождения к Колокольцевой, то есть в ее квартиру.

– Да, но зачем?

– Возможно, она много лет думала о рассказанной когда-то Зиминим истории о золоте. Из рассказа выходило, что золото здесь, в Москве, у Аглаи. Возможно, она решила его получить. К примеру, для того, чтобы купить внучке квартиру. Помнишь, твоя Аглая рассказывала, что она переживала, что ее Тонечка вынуждена жить в съемном жилье?

– Никак не могу привыкнуть к тому, что Аня – Тонечка, – мрачно сказала Катя. – И ко всей дикости происходящего тоже привыкнуть не могу. Если Зимина давно нет в живых, если Антонина решила обокрасть Колокольцевых, а для этого втиралась в доверие и запугивала Аглаю Тихоновну несуществующей угрозой, то кто тогда убил Антонину?

– Тот, кто решил ее остановить, – тихо сказал Бекетов. – Вот что, Катя, расскажи-ка мне все, что знаешь о близком окружении Колокольцевых. Получается, что кто-то из тех людей, которые вхожи в семью, мог забеспокоиться из-за появления Антонины. Кто-то за ней явно следил.

* * *

1994–1996 годы, Москва

Кто-то за ней явно следил. Оля Каплевская, студентка второго курса геологического факультета МГУ была в этом совершенно уверена. Кто и почему вдруг установил наблюдение за восемнадцатилетней девчонкой, она не знала, но факт оставался фактом: этого мужчину, всегда одного и того же, она видела каждый день уже вторую неделю. Когда она сбегала со ступенек университетского корпуса, он околачивался под деревом неподалеку, когда выходила из библиотеки – сидел на лавочке у входа, а пару раз

Оля видела его и у собственного дома, в котором они с мамой теперь жили вдвоем.

По отцу, умершему от рака после года борьбы, Оля скучала ужасно, но, как это ни цинично звучало, была рада, что он, наконец, умер. Точнее, рада тому, что смерть оборвала нечеловеческие страдания, на которые был обречен самый главный человек в ее жизни. С мамой у нее отношения были ровные, но не особо теплые. Мама была женщиной суровой, как и положено блистательному хирургу, постоянно пропадала в больнице, приходила вымотанная и физически, и эмоционально, сил на эмоции у нее уже не оставалось, да и нежной она не была.

С отцом все было по-другому. Конечно, Владимир Каплевский, скрипач с мировым именем, много гастролировал, проводя за границей по несколько месяцев подряд, зато, когда он возвращался, в жизни Оли наступал праздник, в котором было много объятий, смеха, подарков, безудержной отцовской фантазии и буйства эмоций. Оля Каплевская выросла в безусловной любви, которой ей сейчас отчаянно не хватало.

Отец уходил в тот нелегкий год, когда Оля оканчивала школу и определялась с выбором будущей профессии. Мама, разумеется, хотела, чтобы она была врачом, папа – музыкантом, но Оля не чувствовала в себе тяги ни к отцовскому, ни к материнскому поприщу. С самого детства ее интересовали камни, а еще путешествия. Маленькая Оля не могла усидеть на месте дольше пятнадцати минут, ее все время тянуло на открытия и исследования, а счастливее всего она чувствовала себя тогда, когда садилась в самолет или поезд, чтобы отправиться к новым, неизведанным местам. Из этой ее страсти и родилась будущая специальность – Ольга твердо решила, что станет геологом.

Когда она открылась родителям, папа уже болел, отчаянно борясь с коварным недугом, исподволь подтачивающим его силы и решимость выжить, а маме, пожалуй, было все равно. Папины похороны пришлось на разгар выпускных экзаменов в школе, и, пожалуй, мало кто удивился бы, если бы Оля их завалила или не поступила в институт. Но Оля была убеждена, что любое дело, за которое берешься, нужно делать максимально хорошо, поэтому школу она окончила с золотой медалью, как мама когда-то, и в университет поступила легко, словно играючи.

Пока она готовилась к экзаменам, ей становилось немного легче. Она говорила себе, что папа просто уехал на очередные гастроли и скоро вернется, и оттого было не так больно приходить в пустую квартиру, все еще хранившую как отцовские вещи, так и одному ему присущий запах. Отца не стало в мае, а в сентябре в Олиной жизни появился Вася Антонов, снявший с ее плеч большую часть невыносимой скорби. С Васей все стало совсем иначе.

Мама появления в Олиной жизни Васи, кажется, даже не заметила. Она все так же пропадала на работе, дежурила ночами, разрабатывала сложные операции. Оля знала, что медикам задерживают зарплаты. Всем в их стране задерживали зарплаты, при условии, конечно, что работа была в принципе, но на жизни их семьи это никак не сказывалось. Деньги были, и еда в холодильнике была, и новые сапоги, если Оля говорила маме, что старые порвались, и джинсы, и модные польские кофточки.

Сама мама одевалась в «Березке», и Оле тоже иногда перепали оттуда какие-то вещи, хотя модницей она, в отличие от мамы, не была, предпочитая джинсы любой другой одежде. Для будущего геолога это было правильно. Вопросов о благосостоянии семьи Оля не задавала, знала, что отец оставил достаточно, чтобы они ни в чем не нуждались. Работая за границей, он получал гонорары в валюте, и мама, обладая врожденным чутьем, ни в какие банки ее не относилась и ни в какие сомнительные сделки, типа скандального МММ, не вкладывалась.

Вокруг жили иначе. Семья того же Васи едва сводила концы с концами в провинциальной глубинке. Завод, на котором работали его родители, закрылся. Мать устроилась нянечкой в детский сад, откуда носила домой продукты: молоко, масло, мясо. Отец, инженер по профессии, брался за починку всего, что ломалось у соседей, тем и жили, умудряясь еще учить сына в Москве. Денег Васе, конечно, никто не присылал, и он с первого курса подрабатывал, где мог, как правило, грузчиком или дворником. А вот продукты с собственного огорода и все то же украденное у детей мясо и масло раз в две недели мать привозила электричкой, и Вася ходил ее встречать, а потом тащил в общежитие полные сумки, на содержимом которых нужно было продержаться до следующей партии еды.

Конечно, Оля, как могла, подкармливала Васю, приглашая его после учебы домой, но он был очень гордый и стеснялся есть чужую

еду, хотя по убранству их квартиры было ясно, что Каплевские не бедствуют и уж точно не голодают.

– Твоя мама не хочет поставить вторую дверь или хотя бы врезать дополнительные замки? – как-то спросил у Оли Вася. К тому моменту они дружили уже около года. И даже Оля при всей ее наивности понимала, что они вовсе не только дружат.

Они удивительно подходили друг другу: высокие, красивые, оба белокурые и синеглазые. Со стороны они смотрелись как брат с сестрой, но Вася питал к Оле совсем не платонические чувства, а у нее при каждом взгляде на него немного кружилась голова.

– Зачем? – не поняла она вопроса про дверь и замки, потому что думала о том, когда же все-таки он осмелится ее поцеловать.

– Затем, что у вас квартира как музей. В ней полно антиквариата, и все это стоит бешеных денег, а вы живете одни, две женщины, и частенько не бываете дома. Ты что, не знаешь, что в стране беспокойно, и в Москве тоже?

Оле действительно мысль о том, что их могут ограбить, не приходила в голову. И маме, видимо, не приходила тоже. По крайней мере, когда Оля передала ей разговор со своим другом, то мама наморщила лоб и посмотрела на дочь с удивлением, словно видела ее впервые.

– Ты думаешь, что нас могут ограбить?

– А почему нет? – резонно уточнила Оля. – Времена беспокойные.

– Но у нас дом в самом центре с консьержкой в подъезде. Тут и чужих-то не бывает, – заметила мама. – Но ты права, я действительно никогда об этом не думала.

– Мамочка, ты же сама мне рассказывала, как в Магадане ограбили вашу квартиру и убили твоих родных, – голос Оли немного дрожал, потому что она вдруг представила, как это было ужасно. – Почему же ты так безмятежно относишься к тому, что история может повториться?

– Ты права, я слишком легкомысленно относилась к вопросу нашей с тобой безопасности, – ровным голосом сообщила мама. – Я благодарна твоему другу за то, что он обратил на это наше внимание, но теперь ты мне поведай о том, а что это за такой глазастый друг.

В результате в доме действительно появилась металлическая дверь с крепкими замками, а Васю пришлось знакомить с мамой, и

ничего хорошего из этой встречи не вышло. Вася краснел, смущался и от этого дерзил, а мама смотрела ясными, ничего не выражающими глазами, а после Васиного ухода сказала, как припечатала:

– Доченька, я понимаю, что можно любить собак, причем всех, без разбора. Но приводить в дом дворнягу – не самое лучшее решение, особенно когда вокруг достаточно питомников с чистопородными кобелями.

– Что ты имеешь в виду? – вспыхнула Оля.

– То, что этот милый и, разумеется, очень красивый мальчик – тебе совсем не пара.

– Потому что он бедный?

– Богатство – дело наживное. А вот беспородное происхождение никуда не спрячешь. Твоя прабабушка была дворянка, между прочим. А прадед – известный советский дипломат.

– Мой прадед был эком, которого охранял мой дед – начальник колонии, – парировала Оля.

– Не смей оскорблять моего отца. Он был порядочным и добрым и, кстати, практически вторым человеком, руководившим целой областью. И уж против чего ты не сможешь возразить, так это против кристальной репутации твоего отца – музыканта, которого знали во всем мире. Да и я, знаешь ли, себя не на помойке нашла.

– Вася тоже не с помойки! – закричала Оля. Упрямством она, пожалуй, была маме под стать. – Да, он из провинции и из бедной семьи, но он учится лучше всех на курсе и обязательно добьется успеха. И да, я его люблю.

– Люби на здоровье, – мама улыбнулась надменно, свысока. – Просто никак не ожидала, что у тебя, дочери своего отца и моей дочери, могут быть такие плебейские вкусы. Не для того я вырвалась из Магадана и победила Москву, одна, без родителей, без связей, только своим горбом и усердием, чтобы ты добровольно, не по этапу, возвращалась в свой «Магадан». Я не возражала, когда ты выбрала странную, неженскую профессию, предусматривающую круглогодичное ношение штанов и ночевку в палатках. Меня это удивляло, потому что твоя бабушка и прабабушка никогда в жизни не носили брюк, да и я стараюсь следовать их примеру, но я не возражала. В конце концов, хорошо, когда у женщины есть свои интересы в

профессиональной сфере. Но неужели ты не видишь, что с этим мальчиком у тебя не будет будущего?

– Мое будущее – мое дело! – запальчиво закричала Оля. – Или что, ты выгонишь меня на улицу? Откажешь от дома?

Мама рассмеялась весело, задорно, как колокольчик прозвенел.

– Разумеется, нет, – отсмеявшись, сказала она. – Это твой дом, и ты моя дочь, даже если ты и станешь самым большим моим разочарованием в жизни. В конце концов, он действительно красив как бог, хоть и простоват. Этого у него не отнять. Я понимаю, ты влюбилась. И я также понимаю, что тебе нет необходимости, как мне когда-то, принимать взвешенное решение и влюбляться только в достойного. У тебя есть в жизни стартовая позиция, у меня ее не было. Так что люби на здоровье своего Васю. Дальше будет видно, как жизнь повернется. Может, он меня еще удивит, и окажется, что его есть за что уважать.

Так Оля получила «благословение» встречаться с Васей, не таясь от мамы, и примерно в это же время заметила слезку, которая ее если не напугала, то озадачила. О наблюдающем за ней мужчине она, разумеется, сказала Васе, и тот все рвался подойти к обидчику и накостылять ему хорошенько, чтобы даже не думал приближаться к Оле. Еле она его отговорила.

Подумывала Оля и о том, чтобы рассказать про неприятного незнакомца маме, но сначала все откладывала неприятный разговор, опасаясь аномальной маминой реакции (в случае с мамой никогда и ни в чем нельзя было быть уверенной), а потом мужчина и вовсе куда-то исчез, оставив ее в покое.

Оле было приятно думать, что он наблюдал за ней, чтобы проследить до квартиры, выбрать время, когда там никого не будет, и ограбить, но его остановила тяжелая металлическая дверь и надежные замки, а также Вася, после обнаружения незнакомца не оставляющий Олю в одиночестве ни на минуту. Как бы то ни было, непонятная слезка закончилась так же внезапно, как и началась. И если еще около месяца Оля постоянно вертела головой, пытаясь обнаружить странного наблюдателя, то потом расслабилась, а со временем и вовсе забыла о нем.

В ее юной жизни было слишком много хорошего: университет, любимое интересное дело, Вася, друзья, мама, книги, память об отце и

его скрипка, бережно хранившаяся в бывшем отцовском кабинете, первая любовь, которая, вопреки маминым надеждам, не проходила, а наоборот, расцветала, становилась все крепче. И помнить о чем-то плохом, тем более мимолетном, не нанесшим вреда и, пожалуй, даже не превратившимся в сформулированную угрозу, совершенно не хотелось.

К разговору с мамой о Васе она, впрочем, однажды все-таки вернулась. Было это год спустя, на третьем курсе, когда Оля неожиданно поняла, что беременна. Вася, узнав о ребенке, обрадовался так, что Оле показалось, будто он сошел с ума. Он прыгал по комнате в каком-то диком танце, издавал гортанные крики, а потом схватил Олю на руки и закружил по комнате.

– Ты станешь моей женой, – все повторял он, – ты выйдешь за меня замуж, родишь мне ребенка, мы будем жить здесь, в этой квартире. Я знаю, что твоя мать терпеть меня не может, но не выгонит же она тебя на улицу.

В том, что мама никогда от нее не откажется, Оля была уверена, но к разговору, который грозил стать тяжелым, все-таки готовилась несколько часов и отчаянно трусилась. Как ни странно, к ее новости мама отнеслась спокойно, лишь улыбнулась, грустно заметив, что стареет, раз ей пришла пора становиться бабушкой.

– Что ж, свадьба так свадьба, – сказала она и потрепала Олю по голове. – Разумеется, вы будете жить здесь, у меня, по крайней мере, пока не окончите университет. Тебе будет нужна помощь с ребенком, да и жить вам без меня будет совершенно не на что. Ты должна обещать мне только одно.

– Что именно? – осторожно спросила Оля, не зная, радоваться ей материнской покладистости или огорчаться.

– Если у вас родится девочка, то вы назовете ее в мою честь. Аглая Дмитриевна и Аглая Тихоновна в нашей семье уже были, что ж, готовимся встречать Аглаю Васильевну.

– Ну, конечно, это я обещаю, – легко согласилась Оля, уверенная, что у нее родится мальчик. – Вот только фамилию Васину возьму. Говорят, для мужчин это важно. Мам, то есть ты совсем не переживаешь, что я выхожу замуж за Васю?

Мама немного помолчала перед тем, как ответить.

– Видишь ли, дочь, – сказала она, наконец. – Я по-прежнему убеждена, что твой будущий муж выбрал не тебя, а всю нашу семью, в целом. Он женится на нашей квартире, моих деньгах и связях, твоим образе жизни. Не перебивай, потому что ты сама спросила, и теперь выслушаешь мой ответ. Возможно, он при этом любит тебя. Ты чудесная девочка, умная, добрая, красивая, и, совершая эту сделку, он ничего не теряет. Но, видишь ли, это неважно. Даже если вы разведетесь, даже если ты не будешь счастлива с ним и останешься одна, я не вижу в этом никакой катастрофы. У нас есть возможности вырастить твоего ребенка хоть с Васей, хоть без Васи. И даже неудачный опыт ценен. Ты ни за что меня не простишь, если я разрушу твой брак, потому что ты любишь его, этого прыткого отца твоего ребенка. Любишь и хочешь ему верить. И ты даже представить себе не можешь, как я тебя понимаю. В конце концов, так уж сложилась моя жизнь, что я всегда любила только одного мужчину. Одного, и никто так и не смог его заменить. Я была бы счастлива жить с ним до конца моих дней. И если ты сейчас хочешь того же, что ж, бери то, чего ты хочешь.

Оттого, что мама так искренне и откровенно говорила об умершем папе, Оля расплакалась, горько, безудержно. Бросилась маме на шею, обхватила ее лицо руками, прижалась мокрой щекой к маминой щеке, гладкой, несмотря на скорый сорокапятилетний юбилей.

– Мамочка, спасибо за поддержку, – всхлипывая, сказала она. – И за память о папе спасибо. Мне тоже до сих пор ужасно его не хватает.

Аглая Тихоновна Колокольцева с мягкой улыбкой смотрела на дочь. Глаза ее горели от внутреннего огня, бушующего в крови. Оля в очередной раз подумала о том, какая же у нее красивая мама.

– Все будет хорошо, – сказала Аглая Тихоновна и поцеловала дочь в щеку. – Мы заслужили, чтобы у нас все было хорошо. Мы выстрадали свое счастье, Оля. В нашей жизни наступает новый этап? Что ж, давай откроем всему новому двери.

Глава шестая

Наши дни, Москва

Что-то новое стучалось в ее жизнь, и Катя была готова открыть ему двери. Еще совсем недавно она не любила и боялась перемен, предпочитая новизне привычную стабильность, но этот год крушил стереотипы, ломал привычки, сметал барьеры, на практике доказывая, что нет ничего стабильного, устоявшегося, надежного и неизменного.

Жизнь онлайн напоминала чем-то Зазеркалье, и Катя почти каждый день находила повод почувствовать себя немного Алисой в Стране чудес. Вот только чудеса эти были отнюдь не добрыми. Одни знакомые болели, другие сворачивали общение, которое окончательно перетекало в социальные сети и мессенджеры, сводясь к коротким стандартным вопросам, позволяющим уточнить, что ты еще жив, не более.

Занятия Открытого театра проходили тоже онлайн, и вместо живого диалога, который совсем недавно дарил колоссальный заряд энергии всем участникам, теперь приходилось довольствоваться монологами с компьютерного экрана. Подвисяющий интернет лишь усиливал некую искусственность происходящего, отчего периодически становилось жутковато. Слово не живые люди говорили с экрана, а зомби.

К морю было не уехать, по узким улочкам старой Европы не побродить, на сцену не выйти. Съемки фильмов и сериалов встали, и Катя неожиданно была рада почти ежедневным встречам с Владимиром Бекетовым, которые вносили в ее жизнь немного разнообразия, да еще с привкусом детектива.

Сейчас следователь был занят тем, что отработывал все связи Аглаи Тихоновны, то есть выявлял тех людей, которые знали о ее магаданской юности и друзьях, а также каким-то странным, непостижимым образом могли пересечься когда-либо с Антониной Демидовой. Получалось, что подозревать можно всех и никого одновременно.

Мирра Ивановна, давняя коллега Аглаи Тихоновны по хирургическому центру, много лет проработавшая операционной сестрой и часами стоявшая рядом с ней за хирургическим столом. О юношеской трагедии Колокольцевой она, разумеется, знала. В дом была вхожа, о том, что объявилась старая школьная подруга, была наслышана по телефону, и с нетерпением и любопытством ждала дня рождения, чтобы на эту самую подругу посмотреть. Любопытно же наблюдать, как заново учатся общаться когда-то близкие люди, вся жизнь которых прошла по отдельности.

С Антониной Демидовой она никогда не встречалась, в Магадане и Владивостоке не бывала и, казалось бы, каверзу с мифическим золотом придумать не могла. У Бекетова вообще сложилось мнение, что с фантазией у пожилой женщины скудно. Время она проводила за просмотром сериалов и вязанием, помогала нянчить внуков, жила просто и небогато, но на жизнь не сетовала. К Аглае Тихоновне относилась с огромным пиететом и уважением.

Соседка Нина Петровна жила этажом ниже и с Колокольцевыми была знакома больше тридцати лет, с того самого дня, как Аглая переехала к своему мужу Владимиру. На ее глазах выросла Оля Каплевская, на ее памяти она вышла замуж и родила маленькую Глашу. Именно Нина Петровна помогала организовать похороны Каплевского, была рядом в те страшные дни, когда Аглая Тихоновна получила известие о трагической гибели дочери и зятя. Она же помогала растить оставшуюся сиротой Глашу, поскольку принявшая опеку бабушка продолжала много работать и дежурить по ночам.

Нина Петровна была женщина простая, оказавшаяся в элитном доме работников культуры лишь потому, что трудилась в отделе кадров одного из московских театров и умудрилась выйти замуж за одного из клерков средней руки в Министерстве культуры. Будучи на восемь лет старше Аглаи Тихоновны, овдовела она раньше, жизнь вела простую и скромную, избытком воображения, как и Мирра Ивановна, не страдала. Представить ее убийцей, попадающей шилом в сердце, было решительно невозможно.

Старинный друг Аглаи Тихоновны Вадим Алексеевич Ветров на роль убийцы тоже годился слабо. В прошлом довольно крупный бизнесмен, одним из первых начавший строительство в Москве крупных торговых центров, сейчас он находился на заслуженном

отдыхе, ведя тихую, обеспеченную и размеренную жизнь состоятельного российского пенсионера, в которой были регулярные медицинские обследования в лучших столичных клиниках, поездки в санатории и на морские курорты, посещение спортивных залов, здоровое питание в лучших ресторанах и походы в московскую консерваторию.

Дружил Ветров с Аглаей Тихоновной много лет, по крайней мере, Глаша уверяла, что в ее жизни он был с самого рождения, немало помогая семье, в том числе и материально. Какие именно отношения связывали Ветрова с Аглаей Тихоновной, оставалось загадкой, поскольку сейчас они оба были уже в том преклонном возрасте, который ограждал их от излишнего любопытства. Даже если когда-то их отношения и выходили за границы платонических, вместе пара никогда не съезжалась, предпочитая жить в отдельных квартирах.

Бекетову, а вслед за ним и Кате, было немного странно узнать, что Вадим Ветров никогда не был официально женат, но эта аномальная для России особенность не причисляла его автоматически к преступникам. В конце концов, мужчина действительно мог всю жизнь любить Аглаю Тихоновну и хранить ей верность, но при этом уважать ее верность другому мужчине. Такие примеры история знала.

Следователь напросился к Ветрову на беседу, от которой бывший бизнесмен уклоняться не стал, вел себя спокойно, на вопросы отвечал охотно и производил впечатление человека, которому нечего скрывать. Из его рассказов выходило, что с Аглаей Колокольцевой он познакомился в 1998 году после того, как стал ее пациентом. Аглая Тихоновна делала ему какую-то пустяковую операцию, в ходе общения они подружились, вскоре у Колокольцевой случилась трагедия, связанная с гибелью дочери, и Вадим Ветров в трудную минуту подставил женщине свое надежное мужское плечо. Годы прошли, боль утихла, а дружба осталась.

– Аглая – удивительная женщина, редкая, – задумчиво говорил Бекетову Ветров, попивая дорогое пиво из высокого запотевшего бокала.

Следователь невольно обратил внимание на его руки – крепкие, с длинными сильными пальцами, словно изъеденными то ли кислотой, то ли огнем. Собеседник перехватил его взгляд, усмехнулся коротко.

– Грехи юности. В детстве с друзьями карбидом баловались, помните поди, как его в лужи кидали, чтобы дым шел и шипение. Всегда мальчишкам это нравилось. Вот только не все знают, что при этой химической реакции выделяется газ ацетилен, который вообще-то пожароопасен. В общем, закурил я при этом неудачно. Не то чтобы сильно пострадал, но память осталась на всю жизнь. Были бы у меня дети, была бы им наука.

– А что с детьми? Не сложилось?

Во взгляде собеседника мелькнуло что-то непонятное.

– Да в молодости все казалось, что рано на себя хомут надевать. Я, знаете ли, видным парнем был, женщины так и вешались. Но я особо не торопился, предпочитал быть свободным. Долго в Тюмени работал, туда многие на заработки подавались. И я тоже. Потом влюбился в замужнюю женщину, она семью рушить не хотела, так что лет восемь я впустую потратил, не мог себя заставить от нее оторваться.

– Вы про Аглаю Тихоновну сейчас говорите?

Тот же непонятный взгляд.

– Нет, что вы, это гораздо раньше было. Потом я в Москву вернулся, уже перестройка была, бизнес крупный начинался, я как-то вовремя в струю попал. Тут уже не до личной жизни было. Во-первых, крутились с утра до вечера, домой только и приходили, чтобы упасть в кровать и уснуть. Во-вторых, времена-то помните, какие были. Убить могли в любой момент. Как-то не готов я был вдову оставлять и сирот. Ну, а потом уже Аглаю встретил. И присох, знаете ли. Я же говорю, она женщина удивительная. К таким душой прикипаешь один раз и на всю жизнь. Она как дорогое вино, которое, раз испив, ни на какое другое не променяешь.

– И что же у вас с ней не сложилось? Аглая Тихоновна уже свободна была, когда вы познакомились.

– Простите, как вас зовут, я запомнил.

– Владимир Николаевич.

– А вы женаты, Владимир Николаевич?

– В разводе, – коротко сообщил Бекетов.

– То есть повторно в узы брака вступать не намерены? Понимаю. Видите ли, когда мы познакомились, я был уже взрослым, немолодым даже человеком с устоявшимися привычками. А Аглая на тот момент

еще отходила от смерти мужа и очень чтит его память. Потом случилась эта ужасная трагедия с Олей, я до сих пор удивляюсь, с каким мужеством эта хрупкая женщина тогда держалась. Такое горе, единственная дочь, внучка на руках осталась, кроха совсем. Конечно, я был рядом и старался помочь, чем мог. Но ни о какой личной жизни Аглая тогда и не думала, а мне казалось неуместным проявлять свои чувства. Так и остались мы друзьями формально, а по сути – родными людьми. Практически родственниками.

Рассказ Бекетова Катя слушала, напряженно наморщив лоб. Она даже глаза закрыла, пропуская сквозь себя реплики, словно принадлежали они кому-то из литературных героев, оживающих на сцене. Текст был гладкий, ровный, какой-то округлый, так бывает, что и зацепиться не за что. И все-таки Кате хотелось воскликнуть «не верю», вот как не вовремя проснулся в ней Станиславский.

Она честно призналась Бекетову, что считает Вадима Алексеевича самым подходящим подозреваемым, потому что две пожилые женщины – Мирра и Нина – не годились на эту роль абсолютно, а последним оставался только Мишка, Михаил Лондон, дальний родственник Колокольцевых, семья которого Кате была симпатична. Мишка не мог быть злодеем, это Катя знала совершенно точно.

Однако Бекетов пробил Ветрова по базе и ничего подозрительного в его биографии не нашел. Все, что рассказывал пожилой бизнесмен, было правдой, и отзывы о нем и его бизнесе были исключительно положительные.

В выходной Катя забежала к Аглае Тихоновне, потому что ездила на рынок, где купила свежайших овощей и фруктов. Своей немолодой подруге она тоже накупила баклажанов, кинзы, розовых, трескающихся от сока азербайджанских помидоров, потому что знала, что Алая Тихоновна очень их любит и мастерски запекает в духовке. Она вообще любила все, что было связано с солнцем и жаром, видимо, потому что выросла в холодном и бедном на витамины Магадане.

В гостях у Колокольцевых она столкнулась с Вадимом Алексеевичем, деловито прибывающем какую-то новую полочку на кухне. Несмотря на то, что в прошлом он ворочал солидным бизнесом, руки у Ветрова были, как говорится, к месту, и никакой работы по дому он не чурался.

– Привет, Катенька, – ласково поздоровался он, чуть шепелявя, потому что держал во рту какие-то шурупы. – Как живете, красавица? Скоро ли порадуете нас премьерой?

– Да вот, в июне собирались премьеру устраивать, – горестно сказала Катя. – Да перенесли на осень. Пока на сентябрь, а там кто ж его знает.

– Кого играешь?

– Я не играю, я режиссером в этот раз, – сказала Катя. – Репетиции идут ни шатко ни валко. Так обидно, столько сил вложено и труда, и все коту под хвост из-за вируса этого противного. И на море хочется ужасно. Невозможно же все лето в Москве провести и не уехать никуда. За границу не пускают, а на наш юг не хочется совсем, народу толпы, а сервиса никакого.

– Да уж, наш юг – это тебе не испанская Ривьера, – скрипуче засмеялся Вадим Алексеевич. – Ни тебе полей для гольфа, ни королевских дворцов, ни вечеринок на яхтах, ни цен таких, как на Золотой миле.

– Золотой миле? – Катя смутно знала такое название, но не помнила, к чему оно относится.

– Ну да, Золотая миля – это участок побережья между Марбельей и портом Банус, километров шесть вроде, не больше. И вот на этих шести километрах и расположены особняки всяких мировых знаменитостей, включая Антонио Бандераса, и летний дворец короля Саудовской Аравии. Не доводилось бывать?

– Ну, не все у нас крупные бизнесмены, – засмеялась Катя, – если у вас там дом, то пригласите посмотреть. Правда, интересно увидеть Антонио Бандераса.

– Нет, дома у меня там нет, – Вадим Алексеевич снова рассмеялся. – Мне родные березы, знаешь ли, всегда дороже заморских пальм были. И борщ я люблю больше, чем гаспаччо. Такой вот плебейский вкус, сообразно происхождению моему, рабоче-крестьянскому. Но бывать бывал. Грешен, люблю косточки свои на пляже погреть и, как и вы, заграничные курорты предпочитаю.

– А тебе бы побережье Коста-дель-Соль пошло, – задумчиво сказала Аглая Тихоновна. – В моем представлении, девочка моя, ты вполне заслуживаешь подобной роскоши. Я читала, что в 2010 году там провела летние каникулы Мишель Обама, а чем ты хуже?

– А вы тоже бывали в Испании, Аглая Тихоновна?

– Я? Один раз, давно. Но в целом, чтобы что-то знать, необязательно видеть это своими глазами, можно и прочесть. К примеру, знаю, что от старого города к побережью ведут живописная аллея Пасео де Аламеда и Авенида-дель-Мар, где расположены десять оригинальных скульптур Сальвадора Дали. А еще там проводят кучу музыкальных фестивалей и праздников, которые тебе, девочка, как человеку творческому, наверняка пришлись бы по душе. Если я ничего не путаю, то в июне это городской праздник в честь покровителя Марбельи – святого Варнавы. В июле – фестиваль регги-музыки, а в августе оперный фестиваль. Нет, решительно, надо бы там побывать.

– Явно не в этом году, – вздохнула Катя. Старики ей нравились, они были такие трогательные и добрые. – Ладно, Аглая Тихоновна, я побежала, у меня по плану сегодня уборка, а вечером, если погода не подведет, мы с Владимиром Николаевичем собираемся в летнее кафе. Надеюсь, нам будет что обсудить в связи с нашим делом.

– Он тебе нравится? – проницательно спросила ее старшая подруга.

– Кто? – Катя предпочла притвориться, что не поняла вопроса.

– Этот следователь. В жизни не поверю, что ты так рьяно интересуешься убийством посторонней старухи только из чистого любопытства.

Сказанное резануло ухо, потому что на Катиной памяти Аглая Тихоновна никогда не была жестокой.

– Она не просто старуха, она бабушка Ани и ваша школьная подруга, – с металлом в голосе сообщила Катя. – Кроме того, признаться, меня больше волнует не ее безвременная кончина, хотя не каждый день я сталкиваюсь с тем, что кого-то убивают шилом, а опасность, которая может грозить вам. А что касается Бекетова, то, пожалуй, да, он мне нравится.

– Мне ничего не угрожает, – смягчив тон, сказала собеседница. – Деточка, поверь, ты вбила это себе в голову, и я тебя не обвиняю, потому что сама, под влиянием минутной слабости, дала тебе повод так считать. Но прошло время, я успокоилась, пришла в себя после этого ужасного известия и теперь четко осознаю, что мне ничего не угрожает. Поэтому, если ты тратишь время на встречи с этим человеком, чтобы меня защитить, то, поверь мне, это лишнее. Но если

он тебе действительно нравится... Хотя в любом случае, конечно, это твое дело.

Такая щепетильность была уже гораздо больше в духе той Аглаи Тихоновны, которую знала Катя. Что ж, в стрессовых ситуациях любой человек меняется, а пожилая женщина явно лукавит, когда говорит, что полностью оправилась от случившегося. После всех трагедий, что были в ее жизни, каждое новое несчастье не может восприниматься иначе как ударом под дых.

Распрощавшись, Катя вышла на улицу и неожиданно для себя решила пройтись по Цветному бульвару. День сегодня стоял сухой и теплый, по-настоящему летний, каких в наших широтах выпадает немного. Сворачивая на бульвар, Катя обернулась и подняла голову, чтобы сама не зная зачем бросить прощальный взгляд на окна Аглаи Тихоновны.

Окна были неподвижны, потому что хозяйка квартиры и ее гость вовсе не горели желанием смотреть Кате вслед. Она даже засмеялась тихонько от самой мысли о такой нелепой возможности. Зато этажом ниже в окне колыхалась штора, и Катя успела заметить Нину Петровну, видимо, смотревшую в окно, но сейчас отошедшую вглубь помещения, кажется, кухни. Катя снова улыбнулась: что еще делать пожилым людям в этом странном году, кроме как смотреть на замедлившуюся, но все-таки жизнь через окно.

До вечера она успела переделать кучу домашних дел, после чего, придирчиво выбрав одежду, собралась на встречу в кафе, которую даже сама для себя не осмеливалась называть свиданием.

– Ты идешь за информацией о расследовании, – строго сказала Катя своему отражению в зеркале.

Отражение ей нравилось: белое в мелкий нежный цветочек воздушное платье с широкой юбкой красиво облегло стройную фигуру, эспадрильи на танкетке удлинляли и без того прекрасные ноги, к тому же в этом сезоне такая обувь была пискom моды. Для Катерины, не выбиравшейся из дома почти три месяца и проходившей все это карантинное время в джинсах и толстовке, возможность наряжаться сейчас была, пожалуй, главным подарком лета.

Летняя веранда с плетеными диванами, белыми мягкими подушками, изящными вазочками с живыми цветами тоже приятно щекотала рецепторы, отвечающие за эстетическое восприятие

действительности. Катя пришла чуть раньше назначенного времени, а потому с улыбкой на лице встретила Бекетова, который был явно расстроен и смущен, что ей пришлось его ждать. В руках у следователя был букет пионов – бело-розовых, таких, какие Катя больше всего любила, и она почему-то обрадовалась тому, что Бекетов выбрал именно их, а не пошлые дурацкие розы.

Цветы были поставлены в вазу, заказ легкого, необременяющего ужина сделан.

– Ну что, – Катя приступила к самому интересному, ради чего, как не преминула напомнить она сама себе, и согласилась на эту встречу, – есть ли какие-то новости?

– Есть, – ее собеседник с готовностью включился в игру. Смешную, в общем-то для двух взрослых свободных людей игру. – Мы проверили алиби всех фигурантов дела, чтобы понять, кто из них мог убить Демидову.

– И?

– Аглая Колокольцева-старшая не выходила из дома, готовила еду в ожидании гостей. Ее внучка ей помогала, правда, ненадолго уходила, чтобы забрать заказанный для бабушки подарок. Она ездила к букинисту, чтобы купить для Аглаи Тихоновны редкую книгу по медицине, которую та давно хотела. Мы проверили, в то время, когда была убита потерпевшая, девушка находилась у букиниста и по времени никак не могла оказаться на Цветном бульваре. Так что у вашей юной подруги есть алиби, Катерина. Мирра Ивановна ночевала у детей, которые переехали на дачу. Они вызвали ей такси, чтобы отправить на день рождения Колокольцевой, выехала она за два с половиной часа до назначенного времени, а убийство произошло в первой половине дня, так что совершить его бывшая медсестра точно не могла. Нина Петровна, соседка, была у себя дома, но периодически ходила к имениннице, принося по ее просьбе то масло, то муку, которые у той кончились. Так что обе пожилые женщины составляют алиби друг другу.

– А Вадим Алексеевич? – живо спросила Катя, представив благообразного седого господина, с которым разговаривала сегодня днем.

– Он в 10 утра приехал в офис к одному из своих бывших бизнес-партнеров. Помогал с одним сложным контрактом за немалое

вознаграждение, разумеется. Приехал к девяти утра, а уехал около пяти, сразу отправившись на день рождения. В офисе его видели не менее десятка человек, так что он тоже совершенно не виновен в убийстве.

– То есть получается, что никто из знакомых Аглаи Тихоновны в убийстве все-таки не замешан? – с облегчением спросила Катя. – Может быть, надо все-таки проверить окружение Демидовых?

– Ну, разумеется, мы этим занимаемся, – с укором сказал Бекетов. – Конечно, допрашивать вице-адмирала занятие непростое, но мы все-таки справились. А что касается ближнего круга Колокольцевых, то алиби нет у двух человек. У племянника старушки Михаила Лондона, который уехал из дома рано утром, сказав жене, что должен заехать на работу, откуда отправится напрямик в гости, но при этом в офисе не появлялся. Говорит, что у него разболелась голова и он заехал в парк, чтобы посидеть на свежем воздухе. Однако парки, как вы знаете, закрыты, и подтвердить, был он там в нарушение правил или нет, не представляется возможным. И еще алиби нет у Антонины Демидовой-младшей.

– Ани?

– Ани или, как называла ее бабушка, Тони. Девушка утверждает, что весь день была дома. Мол, когда бабушка уходила на прогулку, она еще спала, потому что накануне допоздна смотрела какой-то фильм и спать легла только около двух часов ночи. Говорит, что проснулась только в полдень, увидела, что бабушки нет, но какое-то время не волновалась, решив, что та пошла в магазин или подышать свежим воздухом, и тревогу забила уже ближе к трем часам дня. Однако проверить, правда ли это, невозможно. Дома же никого не было, а значит, подтвердить, что она не направилась за своей бабкой, никто не может.

– Но зачем Ане убивать свою бабушку? – воскликнула Катя.

– Если знать мотив, то можно считать, что преступление раскрыто. Так что возможные мотивы, хоть Демидовой-младшей, хоть Лондона, мы сейчас и ищем. И обязательно найдем. А пока давайте хотя бы ненадолго забудем о преступлениях, убийцах и расследовании и выпьем вина. Белое сухое вино удивительно подходит к летнему вечеру, особенно такому чудесному, как сегодня. Вы не находите?

Пожалуй, слово «чудесный» характеризовало сегодняшний вечер как нельзя лучше. С этим Катя была согласна. В воздухе разливался медовый аромат липы, от которого сладко кружилась голова и чуть щекотало в груди от предвкушения чего-то неведомого, но очень приятного. И не было ничего лучше, чем запивать это предвкушение холодным белым вином.

* * *

1998 год, Москва

Летний вечер был чудесным. За городом разливающийся в воздухе медовый аромат липы, от которого сладко кружилась голова и чуть щекотало в груди от предвкушения чего-то неведомого, но очень приятного, был гораздо сильнее, чем в столице.

Ольга вдруг порадовалась, что у нее оказалось важное дело, позволяющее уехать прочь из душной и пыльной Москвы. За то время, что они с Васей готовились к госэкзаменам, они ни разу не были на даче, которую на лето сняла мама. Сидели, не поднимая головы, за учебниками, дописывали дипломные работы.

Ольга была благодарна маме за то, что та подгадала свой ежегодный отпуск так, чтобы увезти на дачу двухлетнюю Глашу. В результате дочка была на воздухе, пила на завтрак парное молоко, а главное – не путалась под ногами накануне важных экзаменов.

Сейчас, впрочем, экзамены были уже позади, завтра вручение дипломов, выпускной, на который мама заказала Ольге прекрасное платье в Доме моды Валентина Юдашкина, а еще через два дня им с Васей предстоит отправиться в первую в их жизни геологическую экспедицию, да еще не куда-нибудь, а в Магадан.

Конечно, мама была категорически против. Ольга ее понимала. Воспоминания детства, оборвавшегося именно в Магадане после трагической смерти родителей, были такими болезненными и грустными, что возвращаться туда, даже мысленно, маме не хотелось. А вот Ольге, наоборот, было ужасно интересно своими глазами увидеть знаменитую Колыму, Нагайскую бухту, над которой, как говорила мама, очень красиво закатывалось летнее солнце,

сохранившиеся приметы страшного времени, когда весь город представлял из себя лагерь, в котором все жители делились на зэков и вертухаев.

Олин дед, которого она никогда не видела, когда-то был вертухаем, а прадед – зэком, и подобные зигзаги истории заставляли часто-часто биться сердце даже на расстоянии. А что будет, если увидеть все это своими глазами?

– Я обязательно разыщу могилу твоих родителей, – оживленно говорила Оля маме, когда стало известно, что их с Васей действительно наняли в экспедицию.

Двух вчерашних студентов взяли на настоящую работу с более чем приличной зарплатой. Конечно, Вася не зря был самым лучшим студентом на курсе, от него в экспедиции будет огромный толк, а Оля так, подмастерье, и зарплату ей положили гораздо ниже, но это не страшно. Для Васи вопрос зарплаты болезненный, ему не нравится, что они фактически сидят на шее у мамы последние три года, с тех пор, как поженились.

Вот и машина, на которой они ехали, маленький ладный «жигуленок», тоже была куплена мамой. Сама она водить не умела, зато настояла, чтобы Вася получил права, и это оказалось очень удобно, потому что времени в передвижении по Москве экономило немало, а уж при поездках на дачу было и вовсе незаменимо.

– Вы же не хотите таскать ребенка в электричках, – сказала мама.

И даже Вася был вынужден согласиться, что действительно не хотят, пусть и мучился от своей несостоятельности и маминой щедрости, которую он почему-то воспринимал как укор. Ольгу это сместило, потому что мама хотела им только добра. Скупой Аглая Тихоновна не была, недостатка в деньгах благодаря умершему мужу не испытывала и от зятя-студента никакого дохода не ждала.

Экспедиция на Колыму была очень выгодной с финансовой точки зрения. Ольга записалась в нее, скорее, для того, чтобы не расставаться с мужем. За три года брака она так и не привыкла с ним расставаться больше, чем на пару часов. Это было нетрудно, потому что они учились вместе, а теперь еще будут вместе работать.

– Ты-то зачем в такую даль тащишься? – удивлялась мама. – Пусть муж твой едет, а ты на даче поживешь. У меня отпуск кончится,

Глашеньку придется либо в город увозить, либо с няней на даче оставлять. А так и ты отдохнешь, и ребенок с мамой побудет.

– Мам, ну, так я тоже геолог, и учиться поступала, потому что мне всегда хотелось этим заниматься. Это же опыт какой, да и интересно мне. И с Васей я расставаться не хочу.

В общем, на все мамины уговоры Оля отвечала решительным отказом, и мама отступила, махнула рукой, согласившись пожить с Глашей на даче, пока не кончится отпуск, а потом оставить с ребенком няню.

Сейчас Оля с Васей ехали именно на дачу, потому что маму, несмотря на отпуск, вызвали на срочную операцию. Она позвонила и строгим голосом велела дочери ехать в Малаховку, чтобы переночевать с Глашкой, потому что именно сегодня няня была занята и выручить Аглаю Тихоновну не могла.

– Мам, так мы ведь тоже не можем, – растерянно сказала Оля. – Я же тебе говорила, что у нас в шесть часов собрание по экспедиции. Нам нельзя его пропустить.

– Оля, вообще-то я не в театр собралась, – строгим голосом сказала мама, – у меня срочная операция, от которой зависит человеческая жизнь. Машину за мной уже отправили, так что поторопись. А что касается вашего собрания, так тут тоже все просто. Пусть Вася привезет тебя в Малаховку и отправляется на свое собрание. Он всю информацию за вас двоих получит, а завтра утром за тобой приедет, чтобы ты успела в парикмахерскую перед выпускным сходить. Не вижу проблем.

Проблем действительно не было. Пожалуй, переночевать с дочкой перед двухмесячной экспедицией было очень даже неплохо. Оля уже сейчас понимала, что будет скучать по Глашкиному упругому налитому тельцу, до сих пор пахнущему молоком. По веселым глазенкам, топоту маленьких ножек по теплым доскам пола, звонкому голоску, которым девочка, проснувшись, звала маму или бабушку.

Она ехала в Малаховку и радовалась запаху цветущих лип, установившемуся теплему лету, закончившимся экзаменам, завтрашнему выпускному, скорому отъезду в экспедицию, сидящему рядом мужу, такому родному и любимому, что даже немножко щипало в носу.

Когда они приехали в Малаховку, мамина служебная машина уже стояла под парами, и мама, собранная, строго одетая, уже прохаживалась у калитки, не спуская глаз с копошащейся в траве Глаши.

– Ну, слава богу, приехали. Здравствуй, доченька, добрый день, Вася.

– Добрый, Аглая Тихоновна.

– Оля, гречневая каша на плите. Вечером дашь Глаше с молоком. Оно на заднем крыльце стоит под марлечкой. И сама поешь, пожалуйста. На завтрак осталась манная каша. Но тебе не хватит, ты яичницу себе пожарь.

– А ты и ночевать не приедешь?

– Если операция затянется, то я в городской квартире переночую. Но Ирина Михайловна приедет завтра к девяти утра, так что к этому времени Вася может за тобой подъехать, чтобы ты все успела. А там, глядишь, и я вернусь. Все, целую, я побежала.

Присланная за мамой черная «Волга» скрылась в клубах пыли, Ольга зашла на участок и подхватила на руки дочку, которая радостно засмеялась, прижалась к ней всем телом, поцеловала в щеку. Вася подошел и обнял их обеих так, как умел только он, одним движением словно огораживая от всего внешнего мира.

– Поедешь? – ласково спросила Оля, которой ужасно-ужасно не хотелось расставаться с мужем даже до завтра.

– Полчаса могу побыть с вами обеими, – ответил он, бросив взгляд на часы и затворяя ворота. – Давай чаю попьем. И да, Лелишна, я все забываю тебя спросить. Помнишь, пару лет назад еще до нашей свадьбы ты показывала мне мужика, который, как тебе казалось, за тобой следил?

Иногда он звал ее Лелишной, и Ольге это очень нравилось. Ни про какого мужика она не помнила, о чем тут же и сказала.

– Ну, как же. Он тебя во время летней сессии на первом курсе у входа все время подстерегал. Ты мне его показала, я хотел с ним разобраться, а он куда-то исчез.

– А, да, точно, был такой чудик. Хотя теперь я уже и не знаю, может, я все тогда придумала, и никто за мной не следил.

– Но мужик-то был. Я же его тоже видел.

– Да может, он просто кого-то ждал, а я напридумывала себе, – засмеялась Ольга. – И вообще, ты сейчас-то почему про него вспомнил?

– Потому что мне кажется, что я его видел, – задумчиво сказал Вася.

– Кого?

– Того мужика.

– Где?

– Во дворе нашего дома.

– Когда?

– Да несколько раз уже, в частности сегодня, когда мы садились в машину.

– Ну надо же, а я никого не заметила, – Оля говорила беззаботно, потому что ни малейшей тревоги не чувствовала. – А ты уверен, что не ошибся?

– Нет, не уверен, четыре года прошло.

– Значит, и не надо про это думать, тем более что через два дня мы уедем из Москвы на два месяца. Любой злоумышленник, даже если предположить, что он есть, устанет нас ждать. На, пей чай, а то тебе пора ехать.

Когда чай был выпит, Ольга сняла с колен мужа уютно устроившуюся Глашу и вышла на крыльцо его проводить. От калитки спешила Ирина Михайловна, Глашина няня, отпущенная сегодня на выходной до завтрашнего утра.

– Ой, Олечка Владимировна, как я рада вас видеть. А то как госэкзамены ваши начались, так и не бываете у нас почти. И вы, Василий, здравствуйте. Доченьку приехали проведать?

Это «у нас» насмешило Ольгу, потому что их няня действительно была настоящей домоправительницей и считала как московскую квартиру Колокольцевых-Антоновых, так и их дачу своей вотчиной.

– Нет, Вася сейчас уезжает, потому что у него рабочее собрание перед экспедицией. Он меня привез переночевать с Глашей, потому что маму срочно вызвали на операцию, а у вас выходной.

– Так не сложился выходной, – всплеснула руками няня. – Уж Аглая Тихоновна мне говорила, чтобы я отдохнула хорошенько и с семьей время провела. «Не торопись, говорит, Ирина, потому что у тебя своя семья есть, а не только наша. Переночуй с детьми и

внуками». А я с утра приехала, на рынок заскочила, вкусенького накупила, дома еды наготовила, чтобы ужин устроить семейный да внучков своих побаловать, а тут моим друзья позвонили и пригласили за город с ночевкой. Они подорвались и поехали. Понятно, дело молодое, с друзьями интереснее, чем с матерью. И детей забрали, чтобы те по травке побегали да в речке накупались. Я спорить не стала, а сама подумала, что мне одной в городе сидеть? Поеду, думаю, Аглае Тихоновне на подмогу. А она, оказывается, в больницу уехала. Что ж, тогда тебе с Глашенькой помогу.

– Ирина Михайловна, – сообразила вдруг Ольга, – а раз вы все равно вернулись, может, останетесь с Глашей на ночь, а меня отпустите вместе с Васей в город? У нас собрание по работе, негоже с самого первого дня дисциплину нарушать, пусть даже и по очень уважительному поводу. Да и Васе не придется с утра пораньше за мной в Малаховку ехать, у нас же выпускной завтра, пусть хоть выспится.

– Да поезжайте, конечно, – всплеснула руками няня. – Что ж, я не понимаю разве? Это ж какая удача, что я могу быть вам полезной.

– Лелишна, если ты реально собираешься со мной, то нам уже пора, – перебил Вася. – Ты же не любишь, когда я гоняю, а до начала собрания осталось чуть больше часа.

– Да, я только сумочку возьму и Глашку поцелую! – воскликнула Ольга, срываясь с места. – Спасибо вам, Ирина Михайловна, очень выручили.

Через три минуты она уже впрыгнула в машину, порывисто поцеловала усаживающегося за руль мужа.

– Вась, как же здорово, что няня вернулась. Я так хотела на это собрание. Да и расставаться не придется. Терпеть не могу оставаться одна, без тебя.

– Я тоже не люблю с тобой расставаться, – улыбнулся ей муж. – А раз мы не хотим, значит, и не будем. Лелишна, мы с тобой не будем расставаться никогда. Пока смерть не разлучит нас, как говорят на венчании.

– А ты откуда знаешь, как там говорят, если мы не венчались? – засмеялась Оля. – Хотя, ты знаешь, я об этом думала.

– О том, чтобы обвенчаться?

– Да. Думаю, что по возвращении об этом можно подумать. Или, что еще круче, обвенчаемся на Колыме. Оттуда мама родом. Мне кажется, что это символично. А еще, я уверена, что нас с тобой даже смерть не разлучит. Мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Болтая, они выехали с территории поселка, свернули на шоссе и помчались в сторону Москвы. Летнее солнце мягко светило в глаза, заставляя чуть щуриться, серый асфальт стелился мягкой лентой под колеса их «жигуленка», и впереди их ждали одни только радости: получение долгожданного диплома, выпускной с красивым платьем, первая настоящая экспедиция, встреча с Колымой и маминым прошлым, возвращение домой к соскучившейся по родителям дочке, и да, еще венчание. Хорошо, что сейчас можно.

Впереди был поворот, не в жизни, на дороге. Обычный, не самый крутой поворот, который Вася мог пройти даже с завязанными глазами. Вот и сейчас он плавно повернул руль влево, но машина почему-то не послушалась, продолжала ехать вперед, к довольно крутому кювету, зацепила передними колесами обочину и тут же потеряла сцепление с дорогой.

Конечно, про сцепление, кювет и обочину Ольга даже не думала, потому что водителем не была. Она просто почувствовала, как затрясло машину, которая пошла чуть юзом, увидела замелькавшую прямо перед лицом, отделенную лишь лобовым стеклом траву, а потом деревья, от которых пытался увернуться Вася.

– Что случилось? – закричала она.

– Рулевое отказало, и тормоза почему-то тоже! – проорал в ответ Вася.

Вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев, он пытался удержать катящуюся с обрыва машину, но не мог.

«Мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас...» «Мы умрем в один день...» Обрывки недавнего дурацкого разговора крутились у Ольги в голове.

– Я люблю тебя, – хотела сказать она, но не успела.

Свалившаяся в кювет машина с размаху врезалась в дерево и наконец-то остановилась. «Глаша, – подумала Ольга, – ей всего два. Мама...» Дальше была темнота и больше совсем ничего, пустота, в

которую Ольга падала, и падала, и падала. Наверное, у темноты было дно, но, достигнув его, она уже ничего не чувствовала.

* * *

Наши дни, Москва

Катя открыла глаза и уставилась в темноту. Больше не было совсем ничего, пустота, в которую, казалось, падаешь, потому что она засасывает. Наверное, у темноты было дно, но проверять это Кате не хотелось. Она порывисто села в кровати, чтобы понять, что случилось. Ах да, просто гремит гроза и отключили электричество.

Она соскочила на пол, подбежала к окну и раздвинула плотные шторы, которые полностью исключали проникновение света с улицы. В качестве ночного источника света в ее спальне служили электрические часы со светящимися в темноте циферками, но сейчас они не работали, оттого и комната была погружена во мрак.

С раздвинутыми шторами в комнате стало светлее, потому что, пусть в Москве и не бывало белых ночей, но летняя ночная мгла была не черной, а серой, словно солнце не уснуло, а лишь чуть смежило веки, ненадолго провалившись в короткий и чуткий сон. Да, так хорошо, больше не страшно.

Катя вернулась в постель и попыталась понять, что именно вызвало у нее внезапный приступ паники. Кажется, ей не снилось ничего страшного. Привычка докапываться до самой сути, из-за которой Екатерина Холодова слыла страшной занудой, помогла и сейчас. Пожалуй, сердце не на месте из-за слов Бекетова, что у Михаила Лондона нет алиби.

К внучатому племяннику Аглаи Тихоновны Катя относилась хорошо. Он был славным человеком, и его жена Маша ей нравилась тоже, потому что была спокойной немногословной женщиной, как это принято говорить, милой и домашней. Близко с ними Катя, разумеется, не дружила, но периодические встречи у Аглаи Тихоновны позволяли сделать вывод, что это приятные, культурные, образованные люди. Желать им зла у Кати не было ни малейшей причины.

Она ни на минуту не верила в то, что Михаил Лондон, Мишка, мог кого-то убить, да еще так решительно и жестоко. Но он обманул жену, сказав, что поехал на работу, и соврал следователю, заявив, что несколько часов гулял в закрытом на карантин парке. Так где же он был?

Лучший способ узнать – это спросить. Кажется, так однажды сказал ей Бекетов, а значит, нужно встретиться с Мишкой и задать ему прямой вопрос. Катя – не следователь, ей он, может быть, и ответит. Приняв решение, она успокоилась настолько, что юркнула под одеяло и тут же уснула. Ни свет занимающегося утра, ни продолжавшая гроыхать гроза ей не мешали, и к звонку будильника Катя отлично выпалась.

Часов около десяти утра она решила, что беспокоить людей воскресным утром вполне уже прилично. Телефонного номера Лондонов у нее не оказалось, но это упущение мгновенно исправила Глашка.

Если юная подруга и удивилась неожиданному интересу Кати к ее дальнему родственнику, то виду не подала. А может, еще не очухалась спросонья. Записав номер, Катя помедлила мгновение, пытаясь выстроить в голове правильное начало разговора, но потом махнула рукой, решив, что кривая как-нибудь да вывезет.

– Миш, привет, это Катя Холодова, – сказала она, когда после нескольких гудков собеседник взял трубку.

Он помолчал немного, видимо, оценивая необычность ситуации. Никогда до этого Катерина ему не звонила.

– Привет, – наконец сказал он. – Что-то случилось? С тетей?

– Нет-нет, – поспешила успокоить его Катя. – Миш, мне надо с тобой встретиться.

– Встретиться? – он снова помолчал, явно что-то прикидывая. Причину ее звонка? Свои возможности? – Ну, давай, приезжай к нам, Маша будет рада тебя повидать. Она сейчас в магазин выскочила, я ей позвоню, чтобы купила что-нибудь на обед, понаряднее.

«Нарядному» обеду Катя улыбнулась.

– Миш, а мы можем встретиться наедине? – спросила она. – Без Маши. Мне нужно с тобой поговорить о том, что случилось, и я бы не хотела тревожить Машу, заранее не зная, из-за чего она может

расстроиться. Ты можешь выскочить из дома ненадолго? Я не задержу тебя слишком сильно.

– Да могу, конечно, но, честно, этого не требуется. Машка сейчас вернется из магазина и поедет родителям продукты отвозить. Они у нее до сих пор на карантине, на даче. Так что я сейчас ей позвоню, скажу все-таки купить что-нибудь на ужин, потом она уедет, а ты приезжай пораньше, до ее возвращения успеем поговорить, раз тебе надо, а потом останешься в гостях. Мы будем тебе рады.

Катя прислушалась к себе. Если разговор пойдет как-то не так, будут ли у нее силы после него остаться у радушных хозяев и поддерживать светскую беседу? Удобно ли вообще напрашиваться в гости, если хозяева ее не приглашали?

– Ладно, – решила она. – Такой план меня устраивает, только десерты я привезу сама. Терпеть не могу нахлебничать. Во сколько мне приехать?

– Приезжай к часу, – подумав, ответил Михаил. – У нас с тобой будет часа два на разговоры и приготовление обеда. Хватит?

– Уверена, что да. И на то и на другое.

– Ну и прекрасно. Я тебя жду, потому что ты, признаться, меня заинтриговала.

К Лондонам Катя приехала, привезя с собой коробку пирожных из любимой кофейни и бутылку красного вина. Открывший ей дверь Михаил был в клетчатом кухонном фартуке и, видимо, уже приступил к приготовлению обещанного обеда. На кухне что-то шкворчало, и пахло просто изумительно.

– Маша уже на даче, – сообщил он, принимая из Катиных рук коробку и пакет. – Тапочки доставай сама и приходи на кухню. Я мариную стейки, чтобы зажарить их на гриле. У нас на балконе установлен чудный гриль, по нынешним временам отличная инвестиция во вкусную и здоровую пищу. Если порежешь салат, буду признателен.

– Да, давай, конечно, я помогу, – согласилась Катя. – Только руки помою.

Она охотно приступила к выполнению данного ей поручения, следя краем глаза, как Мишка споро двигается по кухне, открывает и закрывает холодильник, взбалтывает в мисочке какой-то соус, насыпает яблочную стружку из специального пакета. Он все делал

красиво и уверенно, по крайней мере, Кате нравилось смотреть на то, как он двигается. В его движениях не было ни волнения, ни суетливости.

– Так, и о чем ты хотела со мной поговорить, Катюша? – с мягкой улыбкой спросил Лондон.

– Миш, где ты был в то время, когда убили Антонину Демидову? – бухнула Катя, и его лицо сразу застыло, словно заморозилось.

– А что? – хрипло спросил ее собеседник и откашлялся, потому что голос у него поехал куда-то вверх, дал петуха. – Почему тебя это интересует?

– Миша, я с большим теплом отношусь к Аглае Тихоновне и с симпатией к тебе и Маше. Поэтому я не хочу, чтобы ты в одночасье стал главным подозреваемым в деле об убийстве.

У Михаила, что называется, глаза на лоб полезли.

– Я? Подозреваемым? В деле об убийстве? Катя, ради всего святого, за что мне было убивать эту старуху, я ее ни разу в жизни не видел и даже не догадывался о ее существовании.

– Откуда я знаю? – воскликнула Катя. – Может быть, эта, как ты выразился, старуха, приехав в Москву, вознамерилась разрушить жизнь Аглаи Тихоновны. А для этого начала собирать информацию о ее родственниках. Времени на это благодаря коронавирусу у нее было предостаточно. А потом узнала что-то про тебя, начала шантажировать. Могло такое быть? Скажи.

– Катя, а ты детективы, случаем, не пишешь? – осведомился Лондон нервно. – Что за дичь ты несешь? Чем, скажи на милость, меня может шантажировать какая-то бабка? Я что, на британскую разведку работаю?

– Миш, я не хочу с тобой препираться и ни в чем тебя не подозреваю. Но пойми, отсутствие у тебя алиби выглядит очень подозрительно. В ответ на простой вопрос, где ты был, ты соврал. Причем на первой лжи тебя очень легко поймали, а вторая ложь выглядит такой неубедительной, что тебя невольно начинают подозревать в том, чего ты не делал. Просто скажи, где ты был в то утро.

– Я не могу, – выдавил из себя Михаил.

– Но почему?

– Потому что это может дойти до Машки, и тогда все развалится, а я не могу этого допустить.

Катя смотрела на него, такого неловкого и смущенного, и в голове у нее забрезжила догадка.

– Мишка, ты что, Маше изменяешь? – спросила она. Он дернулся как от удара током. – Твое поведение имеет только одно объяснение. Ты соврал жене, что пошел на работу, а сам провел полдня у любовницы. И теперь ты не можешь признаться в этом полиции, потому что боишься, что твоя жена обо всем узнает. Так?

– Так, – обреченно кивнул ее собеседник. – Катя, я понимаю, что выгляжу в твоих глазах трусом и подлецом и буду выглядеть еще хуже, если попрошу тебя не говорить Машке, но я все же попрошу. Я ее люблю и разводиться не хочу, а она меня ни за что не простит. Ты же знаешь, это самый страшный из ее кошмаров. Она старше меня на четыре года, и ее всегда это напрягало. Она даже замуж за меня отказывалась выходить, потому что была уверена, что я буду ей изменять.

– И была права. Жену ты любишь, разводиться не хочешь, но баба у тебя есть, – мрачно констатировала Катя. – Нет, ты не думай, мне это очень даже понятно, потому что именно по этой самой причине я оказалась в разводе. Мой муж тоже меня любил и разводиться не хотел. Но ему нужна была свежесть эмоций на стороне, а я была полной мещанкой, которая не оценила искренности его чувств ко мне.

– Мужики так устроены...

– Вот только не надо подводить под кобеляж философскую базу, – сухо сказала Катя. – И вообще, я не собираюсь читать тебе мораль на тему, что такое хорошо и что такое плохо. Ты большой мальчик, сам знаешь. И Маше я, конечно же, ничего не скажу, потому что меня это совершенно не касается. Я вообще могу уйти до того, как она вернется.

– Нет уж, ты дождись! – всполошился Лондон. – Она же знает, что ты придешь на обед, как я ей объясню, почему ты ушла?

Катя задумчиво смотрела на него и, видимо, в ее взгляде читалось такое презрение, что Михаил отвернулся к плите, деловито зашуровал там, доставая из кастрюли с маринадом куски мяса.

– Главное, что ты не мог убить Антонину Демидову, потому что не был на Цветном бульваре в то утро, – задумчиво сказала его спине

Катя. – У тебя есть алиби, и, клянусь богом, это просто замечательно. Просто камень с плеч, если честно. Даже если вскроется, что ты – бабник, Аглая Тихоновна это переживет. Главное, что ты не убийца. Этого бы она, пожалуй, не вынесла.

– Прикольно смотреть на то, как ты ей предана, – Михаил перестал прятать глаза, понимая, что неприятная для него часть разговора позади. – Нет, я, конечно, тетку люблю и понимаю, что человек она масштабный, махина, глыба, но такого искреннего поклонения, как у тебя, не встречал. Чем, интересно, она тебя так зацепила?

Катя помолчала, обдумывая ответ. Ей самой было интересно попробовать сформулировать вслух свое отношение к этой пожилой женщине.

– Ты знаешь, – наконец, сказала она, – наверное, в первую очередь меня привлекает порода. Вот все эти дворянские корни, которые есть у тебя и у Аглаи Тихоновны с Глашкой, не так уж просто вытравить, изгнать из крови. То благородство, с которым она говорит, ходит, поворачивает голову, оно у нее врожденное, а не приобретенное. Этому не научиться. Изяществу, превосходству, вкусу... Это можно только впитать с молоком матери. И мне просто нравится смотреть на проявления всей этой белой кости и голубой крови. Не знаю, понятно ли объясняю.

– Вполне понятно, – засмеялся Михаил. – Ты знаешь, я в детстве примерно то же самое испытывал по отношению к моей прабабушке. Конечно, она умерла, я еще маленький был, далеко не все помню, но вот осанка ее царская, особый, только ей присущий поворот головы и взгляд реально перед глазами встают. Папа рассказывал, что она никогда не повышала голос, но говорила так, что никому даже в голову не приходило ее послушаться.

– Ты про Веру Дмитриевну говоришь, младшую сестру Аглаи Дмитриевны?

– Ну да. Ее муж, мой прадед, был первым в нашем роду известным музыкантом, вслед за ним дед, потом папа. Правда, талант от поколения к поколению слабел, так что я решил не показывать всем, как на мне отдохнула природа, и пошел не в Консерваторию, а в Институт нефти и газа. Как видишь, не прогадал.

Катя тоже засмеялась.

– Слушай, – воскликнула вдруг она, потому что ей в голову пришла неожиданная мысль, – а у вас дома какие-нибудь старые альбомы с фотографиями есть? Мне было бы так интересно посмотреть на ваших с Аглаей Тихоновной предков. У Колокольцевых из-за пожара ничего не сохранилось, но ведь у Лондонов пожара не было.

– Не было, к счастью, – улыбнулся Михаил. – Иди в гостиную, я тебе достану с антресолей альбомы, смотри на здоровье, а там, глядишь, и Маша вернется, за стол сядем.

Пройдя в уютную и очень стильную гостиную, Катя уютно устроилась на диване и погрузилась в выданный ей старинный альбом, тяжелый, с вензелями на обложке и толстыми страницами, проложенными шуршащей папиросной бумагой. Подобных альбомов сейчас не делали и таких лиц – тоже, и, любуясь этими старопрежними лицами, Катя даже гладила альбомные листы ладонью, словно здоровалась.

На первом развороте были приклеены два овала с портретными изображениями мужчины и женщины. «Борис Лондон, 1928 год», было подписано первое фото. Под вторым стояло имя Веры Лондон и та же дата. Видимо, это были фотографии, сделанные вскоре после свадьбы прабабушки и прадедушки Михаила.

На следующем развороте можно было увидеть детские фотографии Веры. На одной она была заснята вместе с бабушкой и дедом, на другой, видимо, с родителями. Это были еще дореволюционные фотографии, с присущими той эпохе костюмами, позами и строгим, очень серьезным выражением лиц. На всех фотографиях рядом с пухлой и крепкощечкой Верой, сидящей на коленях у взрослых, стояла девочка чуть постарше, с такими же тонкими чертами лица и выразительным взглядом глубоких глаз. Аглая Дмитриевна Аристова.

Перелистывая страницы, Катя могла наблюдать, как менялась эпоха. Вот фотография Аглаи в форме пансионерки Смольного института. О том, что смольнянки носили именно такие платья, Катя когда-то читала. Ровная спина, прямой взгляд. Сразу видно, что смелая девушка, с характером. Затем фотография двух уже достаточно взрослых сестер, сделанная в 1924 году. И рядом почти такая же фотография, на которой рядом с сестрами стоит красивый, высокий,

модно одетый мужчина. Ясно, это муж Аглаи, дипломат Александр Лавров.

Еще один тяжелый лист был переложено справа налево, и теперь Катя с интересом рассматривала чуть мутные фотографии Аглаи и ее мужа, сделанные в Вене и Париже. Да уж, модная была у Аглаи Тихоновны бабушка, ничего не скажешь. И черты лица у нее были тоньше, чем у внучки, породистее. Аглая Тихоновна при всем ее внешнем аристократизме была гораздо проще бабушки. Хотя оно и понятно, дворянская кровь разбавилась после того, как Ольга Лаврова вышла замуж за Тихона Колокольцева. Неизвестно, кто были его родители, но уж точно не дворяне.

Дальше шли детские фотографии сына Веры Дмитрия Лондона. На некоторых он был запечатлен со своей двоюродной сестрой Оленькой Лавровой. Несколько кадров были сделаны в эвакуации, куда Лондоны уезжали вместе с симфоническим оркестром. Аглая тогда оставалась в Москве, а Александр Лавров уже был на Колыме.

Последнее упоминание Аглаи и Ольги, которое хранил фотоальбом Лондонов, касалось 1947 года. Фотография, на которой стояли напряженная Вера, грустная Аглая и сердитая Ольга, сделана была на перроне вокзала, рядом с поездом, который вскоре унесет мать и дочь на Колыму. Для них это будет дорога в один конец.

Весь остальной альбом был посвящен только Лондонам. Подрастающему Дмитрию, затем его свадьбе, Борису-младшему и его свадьбе. На самой последней фотографии Борис держал на руках годовалого сына, Мишку.

– Ну что, ознакомилась с нашей семьей? – спросил Михаил, заглядывая в комнату и ставя перед Катей стакан свежесжатого сока. – Самое время заканчивать, Машка звонила, уже подъезжает, будет дома минут через десять, так что пошли на стол накрывать.

– Да, познакомились. И да, пошли, – Катя захлопнула альбом, положила его на стоящий перед диваном стеклянный столик, легко поднялась на ноги. – Ты знаешь, на самом деле это удивительное зрелище – старые фотоальбомы. Словно история разворачивается перед твоими глазами. Я ведь много раз слышала от Аглаи Тихоновны историю ее семьи. Она любит про это говорить, словно гештальт какой закрывает. Но слушать – это одно, а смотреть – совершенно другое. И знаешь, Миш, а ты на свою прабабку здорово похож.

– Ну так гены пальцем не выковыряешь, – засмеялся он. – Тетка у своей бабки даже манеру одеваться копирует. Я как-то спросил сдуру, мол, не надоели тебе, тетя Глаша, все эти длинные шуршащие юбки и камейя у горла. А она так зыркнула на меня, что я навсегда расхотел спрашивать. Катя, я понимаю, что это неудобно, но все-таки еще раз попрошу. Не проболтайся Маше, где я был в день убийства.

– Не бойся, не проболтаюсь, – заверила его Катерина. – Давай будем считать, что я напросилась к вам в гости, чтобы попросить поддержать Аглаю Тихоновну в это непростое для нее время. Кстати, я действительно вас обоих об этом прошу. Ей нелегко, и она напугана, как бы ни хорохорилась. Конечно, я стараюсь быть рядом, как могу. Но я все-таки чужой человек. А вы свои, родня.

– Конечно, могла бы и не говорить, – с легким укором сказал Михаил.

Остаток дня прошел за ни к чему не обязывающей и очень приятной беседой. Катя уже и подзабыла, какие Лондоны прекрасные собеседники: умные, эрудированные, а главное – легкие. Она совершенно расслабилась за вкусной едой и бокалом красного вина, а потому не думала ни о чем плохом. Даже совершенное недавно убийство отошло на второй план, и мысли о нем затерялись в голове как второстепенные, неважные.

Телефонный звонок вывел Катю из состояния блаженного спокойствия, и она даже не сразу поняла, где ее мобильный. Брошенный на столик в гостиной, когда она рассматривала фотографии, он так и остался лежать там и все звонил не переставая, пока Катя пыталась определить источник звука, а Михаил бегал за телефоном, чтобы принести его ей.

Звонила Аглая Тихоновна, и Катя тут же напряглась, потому что пожилая женщина крайне редко набирала ее номер. Обычно инициатором беседы была именно Катя и практически никогда наоборот.

– Добрый вечер, – поздоровалась Катя и посмотрела на часы, показывающие половину седьмого. Да, давненько она сидит в гостях у Лондонов, пожалуй, пора и честь знать. – Аглая Тихоновна, что-то случилось?

Женщина в рубке молчала и порывисто дышала, как будто была не в состоянии вымолвить ни звука. Катя встревожилась еще сильнее.

– Аглая Тихоновна, – чуть громче сказала она, – говорите, что случилось? Вам плохо? Вам нужна помощь?

Михаил и его жена внимательно смотрели на нее. Маша теребила кольцо на левой руке, ужасно дорогое кольцо с неправдоподобно крупным бриллиантом. Надо же, какие подарки Мишка делает. Хотя он же в «Газпроме» работает, чему удивляться.

– Мне не плохо, – наконец ответила пожилая женщина, и Катя не узнала ее обычно мелодичный голос. Железо сейчас царапало по сухому стеклу. – Но помощь мне нужна, потому что я не знаю, что делать. Я ездила к девочкам, к Глаше и Ане. Они попросили меня помочь собрать одежду для церемонии прощания. Нюрку наконец-то разрешили похоронить, и семья решила, что ее кремируют в Москве, а урну с прахом сын заберет и захоронит во Владивостоке. Я поехала к ним, чтобы помочь, потому что девочки никак не могли сообразить, что именно нужно отвезти в морг.

Кате хотелось визжать, потому что в словесном потоке она никак не могла вычленить самое главное – что случилось и какая нужна помощь. Та Аглая Тихоновна, которую она знала, никогда не формулировала свои мысли так вязко и неконкретно, она умела вычленять суть. И торопить нельзя, Катя это понимала.

Колокольцева опять замолчала.

– Аглая Тихоновна, вы поехали домой к Ане, чтобы помочь собрать одежду для похорон вашей подруги, – подсказала Катя.

– Да, – словно опомнилась та. – Меня не было дома часа два. Я не знаю, вряд ли больше. Глаша приехала за мной на машине, на дорогах не было пробок, мы доехали за полчаса. Обратное чуть дольше, потому что машин на улицах стало больше...

Катя впилась ногтями себе в руку, чтобы вытерпеть, не сорваться.

– ...В квартире я тоже была недолго. Разобрала одежду, отложила, что надо, немного поговорила с Тоней, то есть с Аней, разумеется, с Аней, мы ее знаем как Аню...

– Надо «Скорую» вызвать, – одними губами сказала Катя Михаилу, – мы не успеем доехать, а ей нужна помощь, она в глубоком шоке. Миш, вызови, пока я пытаюсь понять, что случилось. – Тот кивнул, что сделает.

– Потом мы пили чай, – продолжал монотонно скрипеть голос в телефоне, – а потом Глаша отвезла меня домой. Мы еще заехали в

кофейню, чтобы купить домой пирожные, знаешь, такие маленькие, какие ты иногда приносишь? Я их люблю, а дома совсем нет ничего сладкого.

Катя покосилась на коробку с принесенными ею пирожными, которая ждала своего часа на подоконнике. К чаю они еще не приступали. При взгляде на пирожные в горле у нее поднялась тошнота. И что с ними не так?

– Мы приехали домой, и Глашенька не стала подниматься. Ей еще нужно было съездить куда-то по делам, я не поняла, куда. Что-то связанное с работой, а она не хотела оставлять Аню надолго одну. Я не настаивала, потому что старики не должны навязываться молодым, не следует быть помехой. Поэтому Глаша развернулась и уехала, а я поднялась по лестнице и зашла в квартиру. В нашу квартиру, Катя.

Она снова замолчала, и Катя вдруг поняла, что у нее совсем-совсем кончилось терпение.

– Что вы там увидели? В квартире, Аглая Тихоновна, – спросила она почти грубо. – Вы вошли в свою квартиру и увидели там что?

– Я увидела Нину, – ответила ее собеседница и вдруг заплакала. Тоненько-тоненько, как ребенок.

– Нину?

– Мою соседку Нину Петровну, ты же ее знаешь, Катенька, – плача, продолжала Колокольцева. – Она почему-то оказалась в моей квартире, хотя мы не договаривались, что она придет.

Катя внезапно почувствовала, как все волоски на руках у нее стали дыбом. Каким-то седьмым чувством она угадала, что услышит дальше, и ужас этого знания останавливал бегущую по венам кровь.

– Катя, ее убили, – сказала, наконец, Аглая Тихоновна. – Нину Петровну убили в моей квартире, ударили по голове бронзовым канделябром, который стоит в прихожей. Я его совсем недавно купила. На полу лужа крови, а в ней лежит Нина, ты представляешь? И я не знаю, что мне делать. Наверное, надо куда-то звонить. Но я почему-то смогла только позвонить тебе.

В кухню вернулся Михаил, показал глазами, что выполнил Катино поручение, она легонько кивнула в ответ.

– Аглая Тихоновна, к вам сейчас приедет «Скорая помощь», пусть они проверят, вдруг Нина Петровна еще жива и ей нужна помощь.

– Она не жива. Я, слава богу, врач с сорокапятилетним стажем, могу отличить мертвого человека от живого. – В голосе пожилой дамы засквозили привычные язвительные нотки, и Катя с облегчением поняла, что она приходит в себя.

– Тогда пусть они сделают вам укол успокоительного, – приказала Катя, чувствуя себя старой, мудрой и опытной. – Скажите им, что полиция уже едет. Что вы вызвали полицию.

– Но я не вызывала.

– Я сейчас позвоню следователю Бекетову, и он все решит. Аглая Тихоновна, пусть врачи вам помогут и, пожалуйста, продержитесь до нашего приезда. Мы скоро приедем. И Бекетов, и я.

– Хорошо, девочка, – слабым голосом сказала Аглая Тихоновна. – Только вы поторопитесь, если можно. А то я просто чувствую, как кто-то специально возвращает меня в самые страшные мои воспоминания детства. Оно оборвалось в один день, и мысли о нем до сих пор преследуют меня по ночам. Хаотичные, обрывочные. И вот теперь сны становятся явью.

Глава седьмая

2008 год, Москва

У Глаши Колокольцевой воспоминания о детстве были отрывочными и какими-то хаотичными, что ли. Она читала, что дети помнят себя, начиная лет с пяти, не раньше, но точно знала, что это не так. Себя Глаша помнила лет с двух. По крайней мере, в ее памяти всплывали лохматые еловые лапы на дачном участке в Малаховке, который бабушка снимала, чтобы на лето увозить маленькую Глашу из города.

Конечно, что то был дачный участок и Малаховка, она узнала гораздо позже, но сути это не меняло. Лапы ели, растущей у самой калитки, были тяжелые, мохнатые, покрытые темно-зеленой хвоей и пахучей смолой, которая противно липла к пальцам, когда Глаша, сидя на корточках под деревом, подбирала упавшие хвоинки руками. Еще ей нравилось собирать шишки, у нее даже было специальное ведерко, желтое в зеленый горошек. Ведерко подарил папа, это Глаша тоже помнила хорошо.

Папа был очень высокий, со светлыми волосами и добрыми глазами, голубыми-голубыми. Приезжая на дачу, он подкидывал Глашу в воздух, и она счастливо верещала, потому что ей это нравилось. И папа нравился тоже. Иногда в памяти всплывал стол, накрытый свисающей до самого пола вязаной скатертью. На столе стояли чашки в синюю клетку, бабушка называла их «кобальтовый сервиз», и когда Глаша уже училась в школе, все никак не могла взять в толк, почему сервиз назван в честь химического элемента, а потом бабушка объяснила, что название связано с цветом рисунка, который называется «кобальтовый синий».

Из клетчатых чашек мама и папа пили чай. Горячий пар поднимался в воздух, и маленькая Глаша, сидя у папы на коленях, как зачарованная смотрела на рассеивающийся в воздухе туман, за которым пряталось мамино лицо, милое, улыбчивое, очень молодое. Его размытые черты были единственным Глашиным воспоминанием о

маме, которая погибла, когда дочке было всего два года. И папа погиб тоже.

Они вместе были в машине, у которой отказали тормоза. И бабушка, оправившись от горя и похоронив дочь и зятя, естественно, оформила опеку над единственной внучкой, оставшейся сиротой. А еще поменяла ей фамилию, и Глаша Антонова в два с половиной года стала Глашей Колокольцевой, то есть почти полной бабушкиной тезкой. Только отчества у них были разными.

Еще в Глашиных воспоминаниях мелькали женское лицо и ласковые теплые руки, накрывающие ее теплым одеялом. Ирина Михайловна, няня. Смутные воспоминания тоже были теплые и ласковые. Кажется, когда Ирина Михайловна перестала к ним приходить, Глаша даже плакала и все спрашивала бабушку, когда же придет «баба Ия». Та не сердилась и объясняла по новой, что бабы Иры в Глашиной жизни больше не будет.

В глубине души Глаша решила, что ее няня тоже умерла, так же, как и родители. Ей было лет семь, когда она осмелилась задать бабушке прямой вопрос об этом, опасаясь, что та все-таки рассердится. Но нет, Аглая Колокольцева-старшая и в этот раз осталась невозмутима и верна себе, лишь спокойно сказала, что Ирина Михайловна жива-здоровая, а от ее услуг Колокольцевы отказались потому, что именно из-за нее погибла Глашина мать.

Тогда, в тишине ночи пришло еще одно смутное воспоминание, как там же, на даче в Малаховке, бабушка кидается на Ирину Михайловну, вжавшуюся в простенок между окнами и закрывающую лицо руками в немом плаче. А бабушка кричит, страшно, надрывно, с воем.

– Она из-за тебя погибла, из-за тебя! Она не должна была никуда ехать в тот вечер. Она специально приехала на дачу, чтобы посидеть с Глашей. Зачем ты вернулась, зачем? Кто тебя звал? Кто тебя просил? Она уехала только потому, что смогла оставить на тебя ребенка. У тебя же был выходной, какого черта тебя сюда понесло? Ты убила ее. Ты убила мою девочку. Из-за тебя Оля погибла, из-за тебя. Будь же ты проклята. Ты уволена, и не смей никогда попадаться мне на глаза.

– Но как же Глашенька? – лепетала няня.

– Не смей подходить к моей внучке, когда на твоих руках кровь ее матери. Это судьба выбрала тебя своей наместницей. Из-за тебя

ребенок остался сиротой. Она могла лишиться только отца, а потеряла еще и мать. Только из-за тебя, ненавижу тебя, ненавижу.

Цепочка трагических событий, случившихся десять лет назад, таким образом, была восстановлена, отдаление Ирины Михайловны объяснено. По погибшим родителям Глаша, конечно, тосковала, но не скучала, хотя подобная постановка вопроса кому-то могла показаться странной. Но как можно скучать по людям, оставшимся в памяти в виде бесплотных теней, прячущихся за паром из чайной чашки? А тосковать – пожалуйста, особенно, когда все вокруг смотрят жалостливо и не дают забыть, что ты – сирота.

К бабушкиной чести, особо от своего сиротства Глаша не страдала. У нее было все, что нужно девочке ее возраста, и даже больше. Благодаря бабушкиной работе и связям у них были деньги и имелись возможности. Бабушка сделала ремонт в квартире и купила новую машину взамен разбитой. Она сдала на права и лихо водила эту самую машину, и Глашу обещала научить.

– Я, наверное, никогда не сяду за руль, – сказала Глаша, когда бабушка впервые поделилась с ней своими планами, – страшно, вдруг что-то тоже сломается.

– Глупости, – ответила бабушка. Она вообще не стеснялась резких выражений и всегда открыто выражала все, что думает. – Нельзя из-за одного несчастного случая отказываться от благ цивилизации. И на машине надо ездить, и на самолетах летать, пусть это и опасно. И вообще, запомни, внучка, в один окоп снаряд дважды не попадает.

– Еще как попадает, – не согласилась Глаша. – Вот смотри, твоих родителей убили, и мои родители погибли в автокатастрофе, значит, в наш с тобой окоп снаряд попал два раза.

– Зато мы с тобой уцелели, и в первом, и во втором случае, – сказала бабушка. – Это нас имя наше хранит, я точно знаю. Заруби на своем прекрасном носу, что никогда и ничего не случится с Аглаей Колокольцевой, и живи спокойно. Поняла?

– Бабуль, – встревожилась вдруг Глаша, – а что, получается, что проклятие действует через поколение? Тогда получается, что мои дети тоже будут в опасности, а я этого не хочу.

– Нет никакого проклятия, – отрезала бабушка твердо. – И про детей тебе еще думать рано. Ишь чего, в двенадцать лет. Ты школу окончи сначала, в институт поступи, профессию получи,

востребованным специалистом стань. Видит бог, я смирилась с тем, что твоя мать выскочила замуж на втором курсе, а тебя родила на третьем, но для тебя я такой судьбы не хочу. Да и время сейчас не то.

Именно тогда Глаша впервые сказала бабушке, что твердо надумала стать артисткой. До этого свою, еще детскую мечту она трепетно держала при себе, боясь, что бабушка ее засмеет или заругает. Аглая Тихоновна была человеком практичным, и вихляние по сцене никак не могло сойти у нее за профессию, достойную и важную. Но Глаша опять ошиблась, нет, не знала она свою бабушку, совсем не знала.

– Артисткой? Ты чувствуешь в себе к этому призвание?

– Да, и я очень хочу начать заниматься в театральной студии. Ты разрешишь?

– Конечно, разрешу, – бабушка легонько ткнула Глашу пальцем в нос. – Во-первых, я всегда приветствую человеческие увлечения, поскольку все в этой жизни имеет смысл только тогда, когда делаешь это со страстью. А во-вторых, моя мама, Ольга Колокольцева, тоже очень любила театр. Она, конечно, актрисой так и не стала, при папиных должностях, да еще в Магадане, это было невозможно, зато костюмером была отменным и жизни без театра себе не представляла. Это тебе от нее передалось, поэтому я очень рада.

Через несколько дней Аглая Тихоновна действительно записала Глашу в детско-юношескую студию при Театре русской драмы. Выбирала она студию придирчиво, остановилась на той, что имела десятилетний опыт работы и проводила занятия для детей разного возраста. В студию ходили совсем малыши, которым еле-еле исполнилось шесть, Глашины одноклассники и ребята постарше, которые уже оканчивали школу и готовились к поступлению в театральный институт.

На занятия приходилось ездить три раза в неделю, после уроков и домашних заданий, но Глаша не роптала. Она с азартом постигала сценическую речь, хореографию и вокал, сцендвижение и уроки театрального мастерства. Постановки, вышедшие из стен студии, наравне с профессиональными спектаклями, включались в репертуар театра, и так как Аглая Колокольцева, как оказалось, действительно имела талант, то уже с третьего года занятий она регулярно выходила на театральные подмостки, получая маленькие, но настоящие роли.

Летом, когда в студии был перерыв в занятиях, бабушка возила Глашу на море, как правило, за границу. И там они обязательно ходили в театры, везде, где это было возможно.

Глаша с горящими глазами смотрела на сцену, забывая обо всем, а бабушка сидела рядом и любовалась одухотворенным лицом внучки. Иногда Глаша перехватывала ее взгляд и спрашивала сердито, почему та не смотрит на сцену.

– Ты – самое прекрасное зрелище, – отвечала бабушка и тихонько сжимала внучкину руку. – Ты будешь знаменитой, моя девочка. Я в этом уверена. А еще очень-очень счастливой. Я все для этого сделаю.

В течение учебного года они иногда садились в «Красную стрелу» и ехали в Питер, чтобы сходить там на какой-то новый нашумевший спектакль. Для этого бабушка освобождала дни от работы и ночи от дежурств. Частенько с ними ездил бабушкин друг Вадим Алексеевич. Точнее, он с ними ездил почти всегда, оплачивая и проезд, и билеты, и гостиницу. Каким бы замечательным врачом ни была бабушка, у Вадима Алексеевича денег было гораздо больше. Он был крупным бизнесменом, а жил один, без семьи, поэтому, не скупясь, тратил деньги на Глашу, покупая ей одежду в дорогих московских бутиках, даря украшения на дни рождения. Бабушка у него ничего не принимала, довольствуясь своими золотыми часиками и камеей под горлом, да еще стильными, но недорогими кольцами из серебра, украшавшими ее руки, когда ей не надо было идти на работу. А вот на Глаше «отрываться» разрешала.

Пожалуй, Вадима Алексеевича Глаша считала кем-то вроде дедушки, который умер задолго до ее рождения. Он, бабушка и театр составляли весь ее мир, в котором ей было хорошо и уютно, как всегда бывает там, где тебя искренне любят.

* * *

Наши дни, Москва

Уютный мир колокольцевской квартиры, в котором Катя всегда ощущала, что ее любят, казалось, был бесповоротно разрушен совершенным здесь преступлением. Нина Петровна, соседка и давняя

приятельница Аглаи Тихоновны, была убита ударом, нанесенным в висок тяжелым старинным канделябром, стоявшим на тумбочке в прихожей. Видимо, преступник действовал в спешке, потому что даже не стер с канделябра отпечатки пальцев. Дактилоскопическая экспертиза показала, что на металле сохранились отпечатки Аглаи Тихоновны, что было неудивительно, поскольку именно она была хозяйкой антикварной вещицы, домработницы, которая по четвергам убирала квартиру Колокольцевых, Михаила Лондона, рассказавшего, что брал канделябр в руки, когда приходил к своей тетушке на день рождения, и некоему неустановленному лицу, которого не было в полицейской базе данных.

– Слушай, Катерина, а ты ведь меня фактически спасла от обвинений в еще одном убийстве, – отдуваясь, сказал Кате Лондон, позвонивший ей назавтра после случившегося.

– В смысле? – не поняла Катя. – Ты что, все-таки признался следователю, что был у дамы сердца?

– Нет, пока не признался, потому что меня больше никто не спрашивал. И подожду пока признаваться, потому что благодаря тому, что ты – мое алиби во втором убийстве, ясно, что и первого я не совершал.

– Признаться, я не очень тебя понимаю.

– Если бы ты не приехала к нам домой выяснять, где я был в момент убийства первой старухи, то в то время, когда убивали вторую, я оказался бы дома совсем один. Машка же была у родителей, и никто не смог бы подтвердить, что это не я сгонял в квартиру своей тетушки, чтобы подержать в руках этот чертов канделябр. Но, хвала небесам, я с полудня был с тобой.

– Убийство было совершено гораздо позже, – возразила Катя. – Есть его четкие временные рамки, Аглаи Тихоновны не было дома всего-то часа полтора, в это время Маша если и не была уже дома, то подъезжала к нему. По-моему, ты преувеличиваешь мой вклад в твое «спасение».

– Нет ничего более относительного, чем время, – сообщил голос в трубке. – В конце концов, никто не засекает время, выходя из дома, если, конечно, не делает это нарочно. Так что Аглая Тихоновна могла уйти чуть раньше и не заметить этого. В любом случае, я безумно рад, что был не один.

– Да, пожалуй, я тебя понимаю, – задумчиво согласилась Катя.

Почему пожилая соседка оказалась в квартире Колокольцевых в их отсутствие, пояснить никто не мог. По словам Аглаи Тихоновны, у Нины Петровны был свой ключ от их квартиры, потому что она поливала там цветы, когда хозяева уезжали в отпуск или просто отсутствовали. Доступ в квартиру был открыт Нине Петровне еще двадцать лет назад, поэтому необычным в ее визите было только время. Как правило, она никогда не пользовалась своим ключом, когда Колокольцевы были в Москве, и если приходила, то звонила в дверь, как и все гости.

– Возможно, она и в этот раз пришла к вам, но не застала дома, а потому сходила за своим ключом, – предположил следователь Бекетов.

– Возможно, – пожала плечами Аглая Тихоновна. После сделанного ей укола она уже совсем успокоилась и выглядела, как обычно. – Только зачем Нине заходить в квартиру, если меня там нет? Я далека от мысли, что она хотела воспользоваться моим отсутствием и что-то украсть.

– Может быть, зря?

– Послушайте, но это ведь глупость. Мы дружим столько лет, что такая возможность подворачивалась десятки раз. Нина – честнейший человек, который органически не способен совершить подлость или низость. Поэтому она не могла прийти в нашу квартиру тайно и со злым умыслом.

– Тогда зачем она пришла?

– Я не знаю! – Аглая Тихоновна повысила голос, и Катя вдруг не вовремя представила ее за операционным столом, отдающей четкие и короткие приказы остальным медикам.

– Я понимаю, что вы не знаете, но, может, у вас есть какие-то предположения?

Пожилая женщина немного помолчала, словно обдумывая каждое слово.

– Нина могла услышать, что в квартире что-то происходит, – наконец, сказала она. – Или, скажем, увидеть в окно кого-то, кто заходил в подъезд. Если она поняла, что этот человек идет к нам, могла заволноваться и решить проверить, все ли в порядке.

– Да, Нина Петровна частенько проводила время у окон! – воскликнула Катя. – На днях, когда я выходила от Аглаи Тихоновны, я

заметила, что она смотрит в окно. Я из-за этого обернулась, потому что почувствовала взгляд, прожигающий мне спину. Она была очень любопытной. Все время выпрашивала у меня про звезд, с которыми я, по ее убеждению, могла быть знакома. Пожилая, болтливая женщина, которая скучает в одиночестве. Дети и внуки выросли и уже не так нуждаются в ней. Да еще и карантин этот злосчастный. Так что она вполне могла увидеть кого-то в окно.

– Тогда, получается, что этот человек был ей хорошо знаком, – сообщил Бекетов вежливо. – Она бы вряд ли обратила внимание на незнакомца, заходящего в подъезд. Мало ли кто ходит днем в центре Москвы. Однако тот, кого она увидела, вызвал в ней опасения. Кого она могла увидеть?

– Молодой человек, – снисходительно сказала Аглая Тихоновна, – мы с Ниной прожили бок о бок целую жизнь. Она забегала к нам практически каждый день и, конечно, видела за эти годы множество людей, которые были вхожи в наш дом.

– Но не все они должны были вызвать у нее страх за вашу жизнь, – заметил следователь. – К примеру, к вам практически каждый день приходит Катерина, но это же не заставляло Нину Петровну сломя голову мчаться к вам на выручку, да еще открывать дверь своим ключом. Поэтому повторю свой вопрос. Аглая Тихоновна, кого из вашего окружения Нина Петровна могла подозревать в злом умысле по отношению к вам?

На этот раз хозяйка квартиры замолчала надолго. Тишина висела в комнате, в которой всего несколько часов назад произошло убийство. Гнетущая, злая, она, казалось, царапала кожу, по крайней мере Катя физически ощущала, какая она шершавая и колючая.

– Я не знаю, – наконец сказала Аглая Тихоновна, подняв на следователя большие, совсем измученные глаза. – Я правда не знаю. Все мои знакомые – приличные, добрые, хорошие люди. Никого из них Нина не могла бояться или подозревать в чем-то недобром по отношению ко мне. Я и сама никого не подозреваю, правда. В последнее время я просто не понимаю, что происходит. Как будто привычная жизнь перевернулась с ног на голову. Нюрка, взявшаяся ниоткуда, посеявшая зерно сомнения в моей душе, а потом жестоко убитая в мой день рождения. Нина, зачем-то пробравшаяся в мою квартиру и убитая здесь. У меня нет этому объяснения. Если только...

Она замолчала, тяжело дыша и глядя в стену невидящими глазами.

– Если что?

– Если только история про золото не вымысел. Если его действительно кто-то ищет...

Катя вздрогнула. Смертный холод поднимался откуда-то из глубин ее тела, сковывая движения, останавливая бег крови по венам, поднимая дыбом крошечные волоски на руках и ногах. Причиной этого холода был первобытный страх, ужас, и вызван он был тревогой за Аглаю Тихоновну, которой явно угрожала опасность. Неизвестный убийца, кто бы он ни был, приближался к Колокольцевой все ближе. Кольцо сужалось, грозя неминуемым удушьем.

Бекетов тронул ее за локоть.

– Разберемся, Катерина.

Она с благодарностью посмотрела на него.

Закончив разговор, Катя вместе с Бекетовым вышли на улицу. Воздух пах летом и липовым цветом, и еще, пожалуй, безмятежностью, которая всегда витает в воздухе теплыми летними вечерами, когда кажется, что до осени еще далеко. Весна в этом году, а вместе с ней и предчувствие лета были безжалостно съедены карантинном и связанными с ним тревогами, но закончившийся июнь и начавшийся июль никто не мог отобрать, и Катя чувствовала себя счастливой, как всегда летом, и от этого немного виноватой, потому что окружающая обстановка мало способствовала радости.

Она легонько вздохнула.

– Не кори себя, – сказал ее спутник. – Ты не виновата.

– А с чего ты взял, что я себя корю?

– По лицу вижу. У тебя на нем все написано, – сказал он, наклонился и легко поцеловал ее в губы, словно до этого делал это тысячу раз.

Катя задохнулась, то ли от неожиданности, то ли от самого поцелуя, который был легким, как касание бабочки, а еще свежим и каким-то ласковым, что ли. Бекетов отстранился, смотрел настороженно, и она загадала, что если сейчас извинится, то ничего у них не будет. Не получится. Но, кажется, он и не думал извиняться и виноватым не выглядел ни капельки. Только спросил:

– Пойдем?

– Куда?

– Отвезу тебя домой.

– Я на такси могу.

– Я тебя отвезу. И не спорь, пожалуйста.

– Да я и не спорю, – пожалала плечами Катя, которая чувствовала себя так, словно разгружала вагон с углем. Или с сахаром. Как-то враз она вдруг почувствовала, что у нее совершенно кончились силы. Хорошо, что не надо спускаться в метро.

В молчании они дошли до машины, припаркованной со стороны Цветного бульвара. Бекетов открыл пассажирскую дверь, заботливо усадил Катю, обежал машину, втиснулся за руль. Его «Мицубиси Паджеро» очень подходил ему, и Катя прыснула от этого совпадения и тут же стерла с лица улыбку, вдруг обидится. Но он снова понял.

– Ну да, это машина-мальчик. Мы с ней подходим друг другу и оттого отлично ладим. Не новая, конечно, но верная.

До Катиного дома доехали быстро. Бекетов рассказывал что-то из своей практики, кажется. Дело, которое он расследовал минувшей зимой, еще до всяких карантин. Речь шла тоже об убийстве. Один из совладельцев московской строительной фирмы был убит из-за старинного документа – брачного свидетельства XVI века, которое стоило целое состояние. Как можно из-за состояния убить человека, Катя не понимала решительно, о чем и сообщила вслух.

– По разным причинам убивают, – сказал Бекетов. – Чаще всего из-за денег. Это правда. Нормальному человеку это непонятно, но это как ржа, разъедает душу и вытравливает из нее все человеческие чувства. И жалость, и сочувствие, и эмпатию. Вот был человек, считался хорошим профессионалом, жену любил, ребенка ждал, но ради того, что он считал хорошей жизнью, взял и убил. Первый раз, а потом и второй. И еще два раза бы убил, если бы не остановили. Потому что, раз встав на этот путь, уже не остановиться.

– Не может же убийство доставлять удовольствие...

– Не может. Кто говорит, что убивать приятно? Только маньяки. Этот человек маньяком не был и убивать ему не нравилось. Он просто делал то, что считал необходимым. Вот и все. Когда убивают не из-за денег, а по другим причинам – из-за ревности, мести, чтобы скрыть следы прошлых преступлений – тоже делают то, что считают необходимым. Любое убийство логично, просто логика эта не такая,

как у нормальных людей, больная логика, но она есть. И, кстати, благодаря этому мы и можем раскрывать преступления. Главное – понять их логику.

– Как ты можешь всем этим заниматься целыми днями? Помоему, с ума сойти можно, копаясь в человеческой мерзости.

– Ну, почему же, в нашей работе много хорошего.

– Восстановление справедливости и наказание зла?

– Не только. Я по роду своей деятельности постоянно сталкиваюсь с людьми, и среди них очень много хороших. Вот в ходе того самого дела о ктубе, то есть брачном свидетельстве, я познакомился с совершенно потрясающими ребятами – Борисом и Диной^[2]. Они мне не только помогли преступника вычислить, но также дали возможность быть свидетелем начинающегося прекрасного романа. Нежного и романтичного. И мы теперь с ними дружим. Так что в моей работе есть плюсы.

За разговором они незаметно для Кати приехали к ее подъезду. Бекетов нашел свободную парковку, умело въехал на маленький пятачок асфальта, заглушил мотор, посмотрел вопросительно. В молчании выбрался из машины, обошел ее, чтобы открыть Кате дверь. Она задрала голову и посмотрела на темные окна своей квартиры, где ее никто не ждал.

– Пойдем пить чай, – легко сказала Катя.

– Неудобно, ты не собиралась приглашать меня в гости.

– Пойдем, – Катя потянула его за руку. – Я приглашаю.

Рука у него была крепкая, в меру волосатая, с сухой и теплой ладонью. Держась за такую руку, комфортно, наверное, шагать по жизни. Впрочем, Катя тут же одернула себя, чтобы не уноситься в эмпиреи, никто ей вместе шагать по жизни не предлагал. В молчании они зашли в подъезд и поднялись на лифте на нужный этаж. Катя достала ключ, отперла дверь, шагнула через порог и только здесь отпустила руку, которую все это время держала. Мягко чпокнула, закрываясь, дверь за спиной. Катя скинула туфли, бросила на столик у зеркала сумочку и оперлась о стену спиной, глядя Бекетову прямо в глаза, словно признавая поражение в необъявленной войне.

Не было неловкости, не было стыда, не было мыслей о неуместности того, что она делает. Была только полутемная прихожая и крупный крепкий мужчина в ней, еще вчера казавшийся

незнакомцем, чужим и не очень нужным. Что поменялось? Катя не знала.

Он застыл на мгновение, не больше, шагнул к Кате, наклонился, накрыв ее губы своими. Губы тоже были сухие и теплые, а еще мягкие и пахли отчего-то сосновой хвоей. Этому обстоятельству Катя удивилась немного, но тут же забыла и о хвое, и о своем удивлении, потому что ей стало совсем не до этого.

Что-то большое и мощное, похожее на ураган «Дориан», обрушилось на нее, сбивая дыхание, поглощая сознание, отключая волю. Мелькнула еще одна короткая мысль о том, что, кажется, люди умудряются выживать в эпицентре урагана, но и она тут же была разнесена в клочья. Не было ничего вокруг, кроме свиста ветра в ушах и рева крови внутри.

Катя послушно отдавалась на волю захватившей ее стихии, не сопротивляясь уносящим ее потокам. Куда? Зачем? Сейчас ее это совершенно не заботило. Через какое-то время, очнувшись, она обнаружила себя лежащей на пушистом ковре в гостиной. Ковер был ее гордостью: ручной работы, белый, длинношерстный, вытканый из овечьей шерсти с добавлением шелка, он стоил целое состояние и был собственноручно притащен Катей на себе из поездки в Стамбул.

Она уехала туда сразу после развода, чтобы восстановить полностью утраченное спокойствие, и подолгу бродила по узким улочкам, вдалеке от туристских троп и толп людей, потому что ей физически нужны были тишина и пустота вокруг. В шуме и гаме ее кожу начинало колоть иголками, и хотелось убежать сломя голову, спрятаться в номере, забраться под кровать и сидеть там, заткнув уши.

На маленьких кривых улочках практически не было людей, лишь спешащие по домашним делам женщины сквозили тенями мимо неторопливо идущей Кати, да торговцы стояли на пороге магазинчиков, но не кричали призывно, как на главных торговых площадях, а лишь смотрели заинтересованно. Или в выражении ее лица их что-то отпугивало?

Как бы то ни было, в какой-то момент Катя очутилась внутри одного такого магазинчика, сама не заметив, как в тяжелых думах оказалась там. Ей ничего не было нужно, и она уже собиралась извиниться перед продавцом и выйти, как вдруг заметила ковер на полу. Ей показалось, что он сиял, по крайней мере, от ковра

совершенно точно исходило какое-то свечение, и на ощупь он был мягкий-мягкий, пальцы утопали в длинном ворсе, ласкающем кожу, и доставать руку не хотелось совсем, и Катя в одночасье поняла, что без этого ковра никуда не уйдет.

Стоил он каких-то неприличных денег, но она даже не торговалась, заплатила всю сумму сразу. Назавтра ковер доставили ей в гостиницу, уже упакованным для перевозки. К нему прилагалась куча каких-то сертификатов, как будто это был не ковер, а наследный принц, и в качестве подарка продавец еще послал ей банный халат, тоже очень мягкий, теплый, уютный и при этом совершенно невесомый. Видимо, впечатлился ее способностью делать покупки, не торгуясь, извинялся за задранный сверх меры цену, а может, понимал, что Катя нуждается в утешении.

Привезенный домой халат служил с тех пор именно источником утешения всякий раз, когда Катя в этом нуждалась. Он словно отгонял плохие мысли и позволял расслабиться. А расстеленный в гостиной ковер радовал глаз, и ступни, и тщеславие тоже, потому что на него «делали стойку» все гости, впервые попадавшие в Катину квартиру. И вот теперь Катя обнаружила себя лежащей в самом центре этого ковра, шелковистый ворс которого то ли щекотал, то ли ласкал спину.

Она скосила глаза и посмотрела на лежащего рядом мужчину. Глаза его были устремлены в потолок, как будто он что-то на нем изучал. Катя на всякий случай тоже задрала голову, но потолок был девственно-чист.

– О чем ты думаешь?

– О том, что этот ковер, должно быть, продавался в секс-шопе, – ответил он. – Я не знаю, где ты его взяла, но он просто создан для занятий любовью. Искушение, а не ковер.

– Да? – оскорбилась Катя. – А я думала, что это я – искушение.

– Ты – само собой. На тебя я запал еще до того, как оказался тут, но сейчас я понимаю, что ковер толкает меня на повторение подвигов. По крайней мере, лежа на нем, больше нельзя думать ни о чем другом.

– Не знаю, я никогда на нем не лежала.

– Что? Да ты с ума сошла. Иди ко мне, будем наверстывать твое чудовищное упущение.

На наверстывание ушло еще какое-то время, на протяжении которого Катя опять не очень осознавала, где именно находится,

потому что ураган «Дориан» снова обрушился на нее, и новый его порыв был ничуть не менее сильным, чем первый. Вырвавшись из вихря на свободу, Катя снова обнаружила себя в центре ковра, а Владимира Бекетова лежащим рядом. Он часто и тяжело дышал, словно с трудом спасся в столкновении со стихией. Грудь его ходила ходуном, и глаза теперь были закрыты.

– Принеси попить, а, – жалобно попросил он.

Послушная Катя поднялась и принесла с кухни стакан холодной воды с газом, которая всегда стояла у нее в холодильнике. В стакан был брошен кусочек лимона и вставлена трубочка, чтобы пить было удобнее. Бекетов с трудом сел, принял из ее рук стакан и припал к трубочке, жадно втягивая воду. Катя как зачарованная следила за его губами, которые совсем недавно, кажется, точно так же неистово сжимали ее грудь. Хм, этот человек все делает со страстью.

Осушив стакан, он отставил его в сторону и решительно повернулся к Кате.

– Ну и что мы будем делать?

– С чем? – испуганно переспросила она, снова подумав, что если он сейчас начнет просить прощения, то, пожалуй, она умрет прямо здесь, на ковре. От стыда и разочарования.

– С твоей драгоценной Аглаей Тихоновной, – ответил он чуть недоуменно. – Потому что со всем остальным делать ничего не надо, с этим как раз все ясно.

Нет, кажется, извиняться он не собирался.

– Наверное, мне надо уговорить ее разрешить к ней переехать, – сказала Катя, собирая мысли «в кучку», как называла это ее мама. – Я действительно считаю, что ей угрожает опасность. Преступник либо залез в дом, зная об отсутствии там хозяйки, а Нина Петровна его просто спугнула, и в таком случае он обязательно вернется. Либо он шел, чтобы убить Аглаю Тихоновну, и опять же Нина Петровна его спугнула, или, что тоже возможно, он просто перепутал двух пожилых женщин.

– Ты считаешь, что это возможно? Перепутать двух людей?

– А почему нет? Если злоумышленник как-то связан с Магаданом, то в последний раз он видел Аглаю Тихоновну пятьдесят лет назад. За это время люди меняются необратимо, а Нина Петровна примерно того

же роста и той же комплекции, да и одежду она носит в основном ту, что ей отдает или специально дарит Аглая. Ты об этом не думал?

– Нет, но обязательно подумаю, – сказал Бекетов, притянул ее к себе, обнял за плечи, бережно уложил обратно на ковер, лег рядом, закинул на Катину бедро свою ногу, словно одеялом укрыл, хотя в комнате вовсе не было холодно. – Но вот переезжать к Колокольцевым ты не будешь. Даже не думай.

– Но почему?

– У твоей Аглаи есть внучка, ей тоже хватит уже выпасать подружку и помогать той справляться с горем. К Ане-Тоне прилетел отец, завтра кремация, потом урну увезут во Владивосток, но несколько дней вице-адмирал Демидов пробудет здесь, ему и карты в руки, пусть утешает и успокаивает дочь, а Глаша возвращается домой, к бабушке. Это ее место, а не твое.

– А где мое место? – подначила Катя.

– Здесь, в этой комнате, на этом ковре. Рядом со мной. Не обещаю, что смогу оставаться с тобой каждый день, потому что дежурства никто не отменял, да и вообще при моей работе меня могут выдернуть из постели в любую минуту, но обещаю проводить тут все свободное время. Если ты позволишь, конечно.

– Заманчиво, – сказала Катя, примерилась и поцеловала его в губы. – А где ты был раньше, Владимир Бекетов? Этому коврику очень тебя не хватало.

– Ходил на твои дурацкие занятия, чтобы обратить на себя твое внимание, но безуспешно, – сообщил он. – Ты была вся такая серьезная и неприступная, что я всю голову сломал, чтобы понять, как все-таки к тебе подобраться. Оказывается, должно было просто произойти убийство.

– Фу, как цинично.

– Зато жизненно. Ты просто очень испугалась за свою Аглаю, и этот страх открыл шлюзы. Ты очень крепко держишь себя в руках, Катюша, так, что ни одного зазора не найти. Но тем интереснее было, правда.

– Как ты вообще про меня узнал? Я ни минуты не верила, что тебе интересны актерско-психологические курсы. Ты настолько отличался от других участников Открытого театра, что я невольно тебя боялась, потому что не понимала причины, по которой ты здесь.

– Увидел тебя на спектакле. Меня как-то друг затащил. Случайно получилось. Я, конечно, не являюсь завсегдатаем театральных постановок, но у друга пропадал билет, потому что жена уехала в командировку, он позвал меня с собой, а я почему-то согласился. Вечер был свободный, не хотелось проводить его в пустой квартире. Я решил, что не будет ничего плохого, если я в кои-то веки приобщусь к прекрасному. Мы пришли в театр, а на сцене была ты, и это было действительно прекрасно, и я к концу спектакля решил, что обязательно тебя добьюсь.

– И записался в Открытый театр?

– Ну, не стоять же мне было у служебного входа с букетами. Я нашел в интернете все, что там про тебя было. Наткнулся на информацию об Открытом театре, обнаружил, что идет новый набор, и записался недолго думая. Но ты совсем-совсем не обращала на меня внимания, – вдруг жалобно сказал он.

– Потому что глупая была, – сообщила Катя и начала выбираться из кокона его рук и ног. – Пусти, теперь я пить хочу.

– А есть?

– А есть не хочу, я сегодня в гостях была, меня там накормили, – ответила Катя и вдруг догадалась. – погоди, ты что, голодный?

– Если честно, то да. Твой звонок выдернул меня из управления, откуда я как раз собирался ехать домой. И целый день ничего не ел. С общепитом у нас в стране сейчас, как ты знаешь, напряженка.

– Сейчас я что-нибудь приготовлю, – Катя вскочила на ноги и потянула с дивана лежащий там любимый халат. – Будешь есть, а потом спать. А то у тебя уставший вид. Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь, если даже по выходным работаешь?

– Редко, – признался он, с удовольствием глядя на ее ладную фигурку. – Только знаешь что, давай сначала спать, потом есть.

– В смысле? – не поняла Катя. – Ты хочешь спать? Перейдешь в спальню?

– В спальне, наверное, тоже хорошо, – сказал Бекетов и потянул за халат, заставив его упасть на пол. – Но пока мне и на ковре неплохо. Спать я действительно хочу, с тобой. Здесь и сейчас. А уже потом буду есть. Иди ко мне.

Катя медленно опустилась на мягко принявший ее ворс, понимая, что «Дориан», кажется, пошел на третий заход. Впрочем, она вовсе не

возражала снова стать его пленницей. В сумке, оставшейся на столике в прихожей, кажется, звонил телефон, но сейчас это было совсем не важно.

* * *

Месяц назад, Москва

Кажется, звонил телефон, но сейчас это было совсем не важно. Сейчас вообще все не имело ни малейшего значения, кроме объявившейся в Москве старухи. Она явилась из преисподней, в этом можно было не сомневаться. Только гости из преисподней возникают из ниоткуда, из небытия, чтобы все разрушить, испортить.

Случайная встреча со старухой не входила в планы, нет, надо признать, совсем не входила. Так уж звезды сошлись, что она оказалась хранительницей страшной тайны, той самой, что способна полностью изменить жизнь. Разрушить все, снести, смести, взорвать.

Конечно, сначала еще теплилась надежда, что она будет молчать. В конце концов, лично она ничего не выгадывала, рассказав про золото и вообще обо всем. Хотя, о чем – обо всем? То, что она узнала, было неприятно, но не смертельно. Или все-таки смертельно?

До определенного момента еще можно было пытаться свести ущерб к минимуму. Но старая сволочь решила на шантаж. Она оказалась такой же предсказуемой, как и остальные люди. Никто из них не мог устоять, если была возможность урвать солидный куш. Она знала про золото, а потому запросила очень много. Отдавать столько было невозможно, невысказано. А старуха только смотрела в лицо и смеялась, повторяя, что все расскажет Аглае.

Аглая, Глаша, с ее чуть высокомерным чувством собственного достоинства, с удачно сложившейся карьерой, с идеальной, хирургически стерильной жизнью, в которой не было и не могло быть грязи, не поняла бы, не приняла, не простила. А значит, старухе надо было заткнуть рот. Не деньгами, это ей было бы чересчур, а в прямом смысле слова. Заткнуть ее поганый рот, чтобы она просто не могла никому рассказать то, о чем случайно узнала.

Старуха все пела соловьем, что должна купить внучке квартиру. Она и на шантаж осмелилась лишь для того, чтобы реализовать засевавшую у нее в голове идею фикс. Только два человека знали о том, что украденное из квартиры Колокольцевых золото вообще существует – решившийся ради него на убийство Димка Зимин и идейный вдохновитель этого убийства Ирка Птицына. Оба сейчас были мертвы.

Кто ж знал, что Зимин окажется таким несдержанным на язык, что проболтается о золоте Нюрке, а та запомнит его болтовню, чтобы вспомнить ее через пятьдесят лет. Нет, нельзя, чтобы Аглая узнала, никак нельзя. Нельзя, чтобы кто-нибудь узнал.

Злость на Зимина не проходила. Из-за глупой обиды поставить под угрозу все, на чем зиждилось его благосостояние? Их благосостояние, если быть точнее. Конечно, с того момента прошла целая жизнь, но вот висящее на стене ружье все-таки выстрелило. Оно всегда стреляет, кажется, так пишут в пьесах.

Ружье выстрелило, и теперь должно было выстрелить еще раз. От старухи нужно было избавляться. Конечно, Дима Магадан справился бы с этой задачей, но Димы Магадана больше не существовало, и поручить такое деликатное дело было некому. Что ж, придется браться за работу самостоятельно.

Над планом пришлось думать долго, несколько ночей. Старуха согласилась подождать, пока удастся собрать деньги. Понимала, что сумму, которой хватило бы на покупку квартиры в Москве, под подушкой не держат. В результате план получился элегантный и красивый. То, что все произойдет именно 25 июня, как и пятьдесят лет назад, было вишенкой на торте, придавало идее завершенность и утонченность. Да, так красиво, практически идеально. Круг, начавшись с убийства в Магадане, должен замкнуться убийством в Москве. И никто ничего не поймет, в том числе и Аглая. И никто никогда не найдет убийцу, потому что нет никакой связи между прошлым и настоящим. Точнее, связь есть, но все, кто о ней знают, уже переплывут через реку Стикс.

Место и мизансцена убийства были выстроены четко. Орудие, с помощью которого придется действовать, выбрано. Портновское шило, когда-то служившее верой и правдой для шитья изделий из кожи, модны они были в Москве начала девяностых. Много лет им никто не пользовался, пожалуй, за ненужностью давно оказался забыт сам

повод, по которому шило так и хранилось в какой-то дальней коробке, не представляя особой ценности. И вот ведь, надо же, пригодится.

В том, что получится нанести точный удар, сомневаться не приходилось. Как говорится в дурацкой присказке, руки-то помнят. Деревянная рукоятка шила приятно холодила ладонь. На острие придется надеть колпачок от ручки, чтобы не порвать карман плаща. Потерять оружие перед преступлением нельзя, да и дыру в кармане, увидь ее кто, объяснять замучаешься. Все было готово и оставалось только ждать 25 июня. А пока вести себя как обычно, стараясь, чтобы никто не заметил странностей в поведении и дикого напряжения, накатывающего не от страха перед убийством, а от опасения, что старуха не выдержит, проболтается, а значит, все прошедшие годы пойдут прахом, похороненные под тяжелой плитой правды.

Глава восьмая

Наши дни, Москва

Катя проснулась от тяжести, которая давила на нее, словно тяжелая плита. Дай-то бог, чтобы не могильная. Скинув с себя сонную одурь и оглядевшись, она поняла, что это ощущение каменной тяжести вызывала водруженная на нее мужская нога – лежащий рядом мужчина словно даже во сне утверждал свое право на нее, актрису Екатерину Холодову, еще минувшим вечером уверенную, что в ее одинокой жизни больше нет и не будет места для ненужных любовных романов.

Что ж, пожалуй, такая тяжесть ей нравилась. Катя закрыла глаза и попыталась снова заснуть, но сон не шел, словно его спугнула какая-то важная мысль, скребущаяся сейчас в голове как мышь в норке.

Ветер туман порвал,
солнце сквозь щеки туч.
Здравствуй, мой Магадан,
здравствуй, весенний луч.

Отчетливые стихотворные строчки всплыли ниоткуда, и Катя даже растерялась, потому что совершенно точно не могла знать никаких подобных стихов. Или могла? Ах да, кажется, есть такая песня у Михаила Круга, которого в молодости любил слушать Катин муж, теперь уже бывший. Так, все бы хорошо, но почему эта песня вспомнилась Кате именно сейчас?

Покосившись на спящего рядом мужчину, Катя выбралась из-под закинутой на нее ноги, тихонько, чтобы не разбудить Бекетова, вылезла из кровати, накинула халат и вышла из спальни. На кухне она щелкнула кнопкой чайника, достала пакетик с бергамотовым чаем, чтобы не возиться посреди ночи с заваркой, убедилась, что ночи действительно середина – половина третьего, терпеливо дождалась, пока вода закипит, налила в кружку кипятка и уселась за стол, глядя в окно, за которым гуляла без всякого сна летняя ночь.

Итак, попробуем разложить мысли по полочкам. Антонина Демидова сказала Аглае Тихоновне про золото, когда-то украденное у ее отца. С ее слов, знала она об этом от их общего одноклассника Дмитрия Зимина, в воровской среде Димы Магадана. Конечно, про золото он проболтался давно, полвека назад, однако пожилая женщина утверждала, что встретила Дмитрия случайно в Москве.

Однако, по данным следственных органов, Димы Магадана с 1998 года не было в живых. Значит, встретиться с ним Антонина Сергеевна точно не могла. Соврала? Зачем? Однако в условиях задачи говорится, что с детства мечтавшая о столице Антонина, Нюрка, уже приезжала сюда один раз. И было это в 1996 году, когда Магадан был еще вполне себе живой и здоровый, не уехал в свою Испанию, а держал бандитскую группировку.

Могла Антонина встретиться с ним тогда, двадцать пять лет назад? Вполне себе могла. Мог тогда Зимин сказать ей, что обосновался в столице и ищет Аглаю Колокольцеву, чтобы узнать судьбу пропавшего золота? Тоже вполне. Это, кстати, объясняет и тот факт, что он ее не нашел. Двадцать пять лет назад интернета еще практически не было, а уж бандит с зоны точно не умел им пользоваться. Не в паспортный же стол ему было обращаться. Скорее всего, подобные планы у него действительно были, но он просто не успел воплотить их в жизнь, а потом погиб.

Да, как отправная точка в рассуждениях вполне сойдется. Так, идем дальше. В этот раз Демидова приезжает в Москву и случайно узнает, что ее родная внучка вхожа в дом Аглаи Колокольцевой, бывшей Нюркиной одноклассницы. Естественно, что пожилые женщины встречаются, вспоминают общую юность, и Нюрка рассказывает Аглае о давней встрече с Зиминим. Аглая же Тихоновна решает, что встреча произошла только что, и пугается.

Потом Антонину убивают, и делают это явно потому, что она знает что-то ненужное преступнику. Но этим преступником не может быть Зимин, тем более, если бы он хотел, то мог избавиться от Демидовой еще тогда, в девяносто пятом. Значит, угрозу она представляет для кого-то другого. Для кого?

Чай в чашке остыл, Катя встала и долила кипятка, потому что глоточки горячей воды помогли ей думать. Есть кто-то еще, кого Антонина пыталась шантажировать тем, что расскажет Аглае

Тихоновне про золото. Она очень хотела получить деньги, чтобы купить внучке квартиру, а получить их могла только шантажом. Хотя, нет, не сходится. Про золото она своей бывшей подруге и так рассказала, не дождалась выплаты, значит, кроме истории про золото, было что-то еще. Что? Думай, Катя, думай.

Зимин был бандитом. Явно небедным человеком, который, как рассказывал Бекетов, дарил своей любовнице меха, бриллианты и машины. У него были деньги, которые после его смерти вполне могли достаться кому-то другому. Скажем, той самой любовнице.

Мог Зимин в момент случайной встречи с Антониной быть с дамой? Легко. Мог познакомить женщин друг с другом? Мог. Могла Антонина, приехав сейчас в Москву, встретить эту даму и решить оторвать хотя бы небольшую часть от зиминских денег? Тоже да. Уже понятно, что излишней моралью Демидова обременена не была, раз в принципе решилась на шантаж.

Остается только понять, чем именно могла Демидова шантажировать эту женщину? Что опасного для бывшей любовницы бандита знала? И как эта опасность может быть связана с Аглаей Тихоновной?

Разгадка брезжила в мозгу, но плотная завеса тумана не давала ее ухватить за кончик ниточки, чтобы размотать до конца. Хорошо, попробуем зайти с другой стороны. Надо подумать, кто из окружения Аглаи мог гипотетически быть дамой сердца Димы Магадана двадцать пять лет назад.

Миру Ивановну и Нину Петровну точно можно вычеркнуть. Они ровесницы Аглаи Тихоновны, и, хотя в девяносто пятом году им было чуть меньше пятидесяти, в любовницы вору в законе они годились вряд ли. Да и Бекетов говорил, что дама сердца была молодая и очень красивая. Глаша и Аня тогда еще были только в проекте, их можно в расчет вообще не брать. А это ведь должен быть кто-то достаточно близкий. Тот, кто не хотел бы, чтобы Аглая Тихоновна узнала, пусть и о давней, но все-таки связи с бандитом.

Думай, Катя, думай. Бекетов, кажется, еще говорил, что после гибели Зимина эта девушка вышла замуж. Итак, ей сейчас чуть больше сорока, она хороша собой, замужем, и у нее сохранились если не деньги, то по крайней мере, украшения, подаренные Димой

Магаданом, продав которые, она могла бы рассчитаться с шантажисткой.

По ночной улице проехала машина. Луч фар скользнул по окнам, ударил по глазам, заставив Катю зажмуриться. Вспышка света неожиданно напомнила о другой, такой же. Где-то на днях Катя уже была на мгновение ослеплена лучиком, отразившимся от чего-то. Ах да, от бриллианта в кольце Маши Лондон. Крупного бриллианта, карата три, если не больше. Катя ни за что бы не поверила, что камень такого размера может быть натуральным, но блеск был именно алмазный, не ошибешься. Она еще тогда подумала, что Мишка в своем «Газпроме», видимо, очень хорошо зарабатывает, если может себе позволить делать жене такие подарки. Или это не Мишка?

От сделанного открытия Катю затрясло. Маше она всегда симпатизировала. Та была тихой, открытой, немногословной и очень спокойной женщиной, полностью сфокусированной на своей семье. Пока Мишка строил карьеру, Маша тащила на себе дом и детей, работала женой, как она это называла: возила детей по кружкам и секциям, готовила обеды, занималась ремонтами. Катя даже не знала, какое у нее образование. Между тем, уровень жизни у Лондонов был довольно высоким. Катя считала само собой разумеющимся, что зарабатывал на это все Мишка, но сейчас вдруг усомнилась. В конце концов, он был менеджером очень средней руки. При неработающей жене, двоих детях и московских ценах не очень-то позволишь себе ежегодные поездки в Ниццу.

Сделанными выводами нужно было срочно поделиться с Бекетовым. Выплеснув остатки чая в раковину, Катя вымыла кружку, вернулась в спальню и, немного поколебавшись, включила стоящий у кровати торшер. Свет упал на лицо Бекетова, тот завозился, отворачиваясь, а потом рывком сел на кровати, только после этого открыл глаза и уставился на Катю.

– Что-то случилось?

– Нет. Да. Не знаю.

– Содержательно. – Он растер лицо ладонями, крепко-крепко и быстро-быстро. Пододвинулся, освобождая край кровати, похлопал приглашающе рукой, садись, мол, коротко сказал: – Рассказывай.

И Катя рассказала. Он слушал внимательно, не переспрашивая, смешно вытягивая губы дудочкой, видимо, так ему лучше думалось.

Катя радовалась уже тому, что он не перебил ее рассказ, чтобы рассмеяться в лицо. Она была вовсе не уверена, что не говорит глупости. Но связь между делами прошлых лет и сегодняшними событиями должна была быть, ее не могло не быть, и единственной ниточкой, соединяющей прошлое и будущее, в Катином понимании была именно Маша Лондон.

– Красиво излагаешь, – сказал Бекетов, когда она, наконец, закончила. – Не знаю, насколько ты попала в яблочко, но что-то в этом точно есть. Так что обещаю, что с самого утра займусь тем, что наведу справки. Ты вообще что про эту самую Машу знаешь?

– Да практически ничего, – пожалала плечами Катя. – Я и с Колокольцевыми всего два года назад познакомилась, конечно, Аглая Тихоновна на меня произвела неизгладимое впечатление, поэтому я к ней ходила в гости больше, чем к Глашке. Про свою семью она мне рассказывала, но больше про родителей, бабушку, мужа, про то, как Глашку растила после того, как та осталась сиротой. С Мишкой и Машей я, конечно, общалась, но в основном на семейных торжествах. Аглая Тихоновна имела привычку каждый год отмечать день рождения, а еще собирать семью и друзей 2 января на обязательную солянку. Плюс на Глашкин день рождения иногда гости приходят. Жизнью Лондонов специально я не интересовалась. Знаю, конечно, что у Мишки и отец, и дед, и прадед были известными скрипачами, а про Машу... Старше она Мишки на четыре года, это да. То есть ему в девяносто пятом, когда Дима Магадан в Москву приехал, только пятнадцать было, а ей уже девятнадцать. Так что возраст подходит. Помню еще, как она рассказывала, что ее родители после развала Союза совсем без работы и денег остались. Они вроде инженерами в каком-то научном институте работали, после перестройки все НИИ начали распадаться, и у них иногда по несколько дней, кроме хлеба, никакой еды в доме не было. Но они руки не опустили, а придумали кожаные куртки шить. Отец где-то кожу доставал, а мать кроила и шила кожанки. Их у них спекулянты забирали и довольно хорошо платили, так что на эти деньги они и жили.

Она вдруг замолчала, словно захлебнувшись. Бекетов «поймал» это сразу, тронул за руку, спросил:

– Что?

– Кожаные куртки, – сказала Катя, глядя на него горящими глазами. – Ты понимаешь, они шили кожаные куртки, и Маша им помогала, она сама рассказывала.

– Ну и что?

– Как что? Володя, ты подумай, каким инструментом пользуются, когда шьют из кожи?

– Не знаю, – пожал плечами он. – Иголками какими-нибудь особо толстыми. Ножницами крупными.

– А еще? Ну думай, Володя. Основной инструмент кожевников – это...

– Шило, – не сказал, а скорее выдохнул он.

– Ну да, ты же понимаешь, все сходится. И почему погибла Нина Петровна, понятно тоже. Она всегда смотрит в окно и, конечно, она наверняка узнала Машу, которую видела за эти годы десятки раз. Она увидела, что та входит в подъезд, знала, что Аглаи Тихоновны нет дома, но Маша почему-то не выходила из подъезда, не застав никого в квартире, и Нина Петровна решила пойти и посмотреть. И получила канделябром по голове.

– А зачем Марии Лондон было тайно приходить в квартиру Колокольцевых? Если в поисках золота, то почему она не искала его предыдущие двадцать лет?

Катя растерянно посмотрела на Бекетова.

– Я не знаю. Может быть, она просто забыла об истории с золотом, а сейчас Антонина напомнила ей об этом, и Маша решила, что стоит поискать тайник в квартире?

– Что-то не сходится.

– Да, я тоже вижу дыру на дыре, но это не значит, что моя версия неправильная и ее нужно с ходу отместить. Я предлагаю просто проверить, может ли Маша быть той самой любовницей Зимина или не может.

– Я и не отметаю. И не отказываюсь проверить, – примирительно сказал Бекетов и потянул Катю за руку так, что она упала ему на грудь. – Я обязательно это сделаю, но не сейчас. Сейчас глубокая ночь, и если мы оба не выспимся, то завтра будем ни на что не годны. Хотя, если у тебя бессонница, то я не против разделить ее с тобой. У меня есть на примете одно дельце, которым мы можем неплохо занять время, украденное у сна. Ты как?

Катя прислушалась к себе. Сна не было, она была слишком взбудоражена своими мыслями и выводами, к которым в итоге пришла. Конечно, ему завтра с утра на работу... Но он же сам предложил. Поудобнее устроившись поверх тяжелого мужского тела, Катя нашла его губы и дала ответ, который был понятен без слов.

* * *

1994–1998 годы, Москва

Что делать, было понятно без слов. Маша сбежала со ступенек университета и прищурилась, глядя на солнце. Консультация сегодня закончилась чуть раньше, чем она рассчитывала, поэтому до рабочей смены, на которую она должна была заступить, оставалось на полтора часа больше времени, и его нужно было провести с чувством, с толком, с расстановкой. Когда в следующий раз выпадет свободный промежуток, даже представить сложно.

Родители, попавшие в западню перестройки и последовавшего за ней распада страны, потеряли зарплату, а потом и работу. При этом в семье было двое детей. Маша, старшая, тогда оканчивала школу, нужно было определяться с институтом, брат же только-только перешел в четвертый класс, и двое едоков на двух взрослых шеях воспринимались серьезным ярмом.

Частичным подспорьем, разумеется, были картошка и морковь, которую выращивали на даче бабушка и дедушка и присылали детям и внукам. Но одной картошкой сыт не будешь. Решением, которое приняли родители, точнее, разумеется, мама, Маша не могла не гордиться. Уволившись из своего умирающего НИИ, мама открыла кооператив по пошиву кожаных курток.

Предложение поступило от Костика, Машиного двоюродного брата, который подвизался в какой-то прибалтийской компании. По крайней мере, деньги у него были и машина тоже – естественно, вишневая «девятка». У него иногда перехватывали в долг, когда денег на еду не оставалось совсем, и как-то мама не могла отдать взятое займы особенно долго, и тогда Костик предложил отработать, сшив несколько курток.

Кожу и лекала предоставил он же. Готовые куртки забрал и не только списал долг, но и оставил немного денег, на которые мама тут же закупила впрок разных круп, макарон и сахара, и еще осталось на целую курицу.

Воодушевленная таким успехом, мама через две недели сама спросила у Костика, не надо ли сшить что-то еще, и вскоре на дому был открыт кооператив, в котором папа служил курьером и снабженцем, мама шила, Маша ей помогала, а Костик отвечал за сбыт. Ну, и за «крышу», разумеется.

К концу Машиного первого курса, на который ей посчастливилось поступить, потому что «курточный бизнес» давал такую возможность, семья уже довольно прочно стояла на ногах. По крайней мере, еда в доме была всегда. Вот только приходилось утром ходить в университет, а во второй половине дня вставать к раскройному столу, чтобы помогать маме. Одна та не справлялась.

Учиться и работать было тяжело, но Маша не роптала, понимала, что иначе сидеть на шее у родителей будет совсем уж стыдно. Да и брат рос, как на дрожжах, на нем вечно горели кроссовки и брюки, и каждая новая куртка, сшитая вместо похода в кино с однокурсниками, позволяла купить что-нибудь нужное. Если бы Маша оказалась влюблена, то, наверное, расстраивалась бы, что лишена возможности ходить на свидания, но влюбленной она не была, а потому и говорить было не о чем. Вот только выдававшееся изредка свободное время, как, например, сегодня, она ценила.

Чем бы заняться? Отчаянно хотелось есть, поэтому Маша с интересом поглядела на расположенное через дорогу кафе – на самом деле недорогую забегаловку с жидким кофе и не очень чистыми столиками. Нет, не будет она тратить деньги попусту, поесть можно и дома.

Немного поколебавшись, ехать домой сейчас, чтобы спокойно поесть и начать работу раньше, чтобы поскорее ее закончить, или потерпеть голод, зато прогуляться по летней улице, асфальт которой впитал сладкий запах цветущих лип, пыли и автомобильных паров? Разумеется, она выбрала второе.

Не искушая себя видом стеклянных дверей кафе, Маша пошла в противоположную сторону, чтобы сделать большой круг и добраться

до метро, откуда она уже поедет домой. Под деревом, в тени, стоял мужчина, и Маша вдруг подумала, что видит его здесь не в первый раз.

Мужчина был не очень высокий, скорее, приземистый и коренастый, но не рыхлый, а крепкий. Открытая футболка не скрывала накачанных бугров мышц, на которых Маша, к своему ужасу, увидела наколку. Мужчине было около сорока, он казался примерно ровесником Машиного папы, но выглядел лучше, скорее всего из-за спортивной фигуры и одежды – джинсов, майки и кроссовок, а также кепки, которую папа не признавал.

Впрочем, мужчина привлекал внимание не одеждой, очень средней и стандартной, как для сезона года, так и для времени в целом. Машу заинтересовало выражение его лица, придававшее ему отдаленное сходство то ли с волком, то ли с орлом. От стоявшего под деревом мужчины исходила уверенность, приправленная легким чувством опасности, и почему-то это сочетание интриговало Машу так же, как и фантазии на тему, а что именно он делает здесь, возле университета.

Пришедшее в голову решение было спонтанным и странным, по крайней мере, раньше Машу никогда не тянуло на столь необъяснимые поступки. Передумав идти прогулочным шагом к метро и еще раз бросив взгляд на часики, показывающие, что время у нее действительно есть, она рассеянно огляделась по сторонам, как будто кого-то ждала, дошла до стоящей рядом с деревом лавочки и плюхнулась на нее так, чтобы не терять мужчину из виду.

Он, казалось, не обращал на нее ни малейшего внимания. Сорвав с дерева листик, мужчина задумчиво жевал его, не спуская глаз с лестницы, по которой парой минут раньше спустилась Маша. Он явно кого-то ждал, как и прежде, когда Маша видела его на том же самом месте.

Через пару минут мужчина встрепенулся и отбросил лист в сторону. Маша перевела взгляд на лестницу и обнаружила на ступеньках свою однокурсницу Олю Каплевскую. Подругами они не были. Каплевская принадлежала к группе «золотой молодежи», ее отец, недавно скончавшийся, был музыкантом мирового уровня, мать знаменитым на всю Москву хирургом, и дочка двух бывших инженеров, а ныне скорняков, никак не могла соответствовать столь высокому уровню.

Впрочем, снобизма Оля была чужда. В ней вообще не было ни капли заносчивости или капризности. Она вела себя как совершенно адекватный человек, и, пожалуй, при прочих обстоятельствах вполне могла бы выбрать Машу в подружки или компаньонки. Вот только друг и компаньон у Оли уже был – главный красавец их курса Вася Антонов весь год ходил за Олей хвостиком, и в группе никто даже не сомневался, что рано или поздно пара поженится. Честно сказать, кроме Васи Оля никого не замечала и ни в ком не нуждалась.

Вот и сейчас Вася, естественно, был рядом. Забрал у Ольги сумку с книгами, подал руку, и они весело начали сбегать по ступенькам, пока Ольга вдруг не замерла как вкопанная, словно споткнувшись о невидимую преграду. Взгляд ее, полный страха и недоумения, следил за – Маша чуть скосила глаза, – точно, за мужчиной под деревом. Скорее всего, Ольга тоже видела его не в первый раз, только, в отличие от Маши, у нее почему-то был повод его бояться.

В том, что Ольга напугана, Маша даже не сомневалась. Она остановилась, не сводя с мужчины глаз, что-то коротко сказала Васе, кивнула в сторону дерева и начала говорить снова, коротко и сбивчиво, будто что-то объясняя. Вася выслушал, решительно направился в сторону мужика, но того под деревом уже не было, и спустя мгновение Маша, не успев даже заинтересоваться, куда он так стремительно делся, вдруг обнаружила его сидящим рядом с собой.

В непосредственной близости исходящий от него магнетизм казался еще сильнее. От мужчины ненавязчиво пахло дорогим одеколоном. На запястье, крепком, широком, заросшем густыми волосами, Маша разглядела часы. «Ролекс». Тоже очень дорого. Между большим и указательным пальцами правой руки Маша заметила татуировку в виде паука, а на безымянном пальце вытатуированный же перстень с изображением чего-то похожего на кошачью мордочку.

Пожалуй, незнакомец действительно был бандитом, но почему-то Машу это совсем не пугало, может быть, потому что выражение его глаз не было злым. Или она не боится из-за брата Костика, тоже явно входящего в какую-то из группировок, коими в их время наводнена Москва?

– Как вас зовут? – спросил незнакомец, прервав Машины мысли и ее же бесцеремонное разглядывание.

– Мария, – ответила она, – Маша. А вас?

– Дмитрий.

– Давно вы в Москве, Дмитрий? – спросила Маша, нарочито глядя на наколки. Он то ли не понял, то ли не принял иронии.

– Около года.

– Вы здесь работаете?

Он усмехнулся то ли ее наивности, то ли чему-то своему.

– Можно и так сказать. А вы, как я понимаю, студентка?

– Да, я учусь на геологическом факультете. А вы кого-то тут ждете? Я вас не первый раз вижу.

– Нет. Я никого не жду.

– Да? А мне показалось, что вы следите за Олей Каплевской.

Ее собеседник чуть вздрогнул, и Маше внезапно стало холодно, как будто ледяным ветром обдуло, хотя день стоял жаркий.

– С чего вы взяли?

– Ни с чего, просто заметила. И она вас тоже заметила и, кстати, испугалась. Вы знакомы?

– Нет, а вы?

– Ну, разумеется, я знаю Олю, потому что мы однокурсницы. И друга ее, Васю, я тоже знаю очень хорошо.

Краем глаза она продолжала следить за ребятами и видела, что они, видимо, успокоенные ее разговором с незнакомцем, уходят прочь, взявшись за руки. Ну и хорошо, вот и славно. Дмитрий тоже проводил их взглядом.

– Маша, а вы есть хотите?

– Если честно, то да, – призналась она. – Но если я поеду домой и поем, то мне придется взяться за работу. Поэтому я предпочла немного побыть голодной, но посидеть здесь.

– А хотите, мы вместе пообедаем?

– Хочу, но предупреждаю, что у меня нет денег, – дерзко сказала Маша. Вообще-то дерзкой и смелой она не была, но мужик вызывал интерес, да и есть хотелось сильно.

– По вам видно, – усмехнулся он. – Кроме того, когда Дмитрий Зимин приглашает даму пообедать, он принимает все расходы на себя, считая иное оскорблением.

Маша поднялась со скамейки.

– Еще предупреждаю, что у меня осталось чуть больше часа, потом мне нужно домой, потому что я должна сменить маму за

швейной машинкой. Но тут напротив кафе, так что мы можем поесть там.

Он лениво обернулся, чтобы посмотреть на стекляшку, бывшую предметом Машиных тайных вождлений.

– Это не кафе, а тошниловка, – наконец сказал он, – предлагаю доехать до Нового Арбата и поесть в «Метелице». Обещаю, что потом доставлю вас домой, чтобы успеть к назначенному времени. Вы в каком районе живете?

– В Строгино, – ответила Маша.

Про «Метелицу» она, разумеется, слышала. Одно из самых известных игорных заведений Москвы пользовалось славой места, где кутили «малиновые пиджаки» и воры в законе. Маша с сомнением осмотрела свой скромный наряд.

– А попроще места для обеда мы найти не можем?

Он посмотрел, сначала непонимающе, а потом с искоркой интереса.

– Поверь, если ты со мной, то никому нет дела до того, как ты одета, – сказал Зимин. – Но не хочешь, не надо. Можем в «Прагу» заехать. Место хорошее, но тебя там точно никто смущать не будет. Ну что, поехали?

В тот первый день их знакомства они действительно обедали в «Праге», а потом Зимин отвез Машу домой, как и обещал. Телефона он у Маши не попросил, и она, по зрелом размышлении, не стала расстраиваться, потому что этот человек пугал ее – нет, не своим прошлым, которого, кстати, не скрывал, скорее, огромной внутренней силой, которую было не скрыть, да он и не пытался.

Однако через два дня, когда она сдала последний экзамен, Маша снова увидела его все под тем же деревом. Она была уверена, что он опять приехал наблюдать за Ольгой Каплевской, но Зимин ждал именно ее, чтобы опять отвезти пообедать, на этот раз в «Савой».

Третье их свидание закончилось в его квартире, которую он, оказывается, снимал в самом центре старой Москвы, в постели, которая притягивала и страшила Машу одновременно. Этот мужчина, от которого мама и папа точно пришли бы в ужас, был первым в ее жизни. Он не оказался ни ласковым, ни нежным, но было в его уверенных действиях столько убежденности, что он берет свое по

праву, что это притягивало и завораживало больше, чем какая-нибудь слюнявая романтика.

– Ты женат? – спросила Маша и не поняла, почему он засмеялся. А отсмеявшись, показал на восьмиконечные звезды, наколотые по одной над каждой ключицей.

– Я коронован, – ответил он. – Во Владимирском центре это было. Вор в законе не может жениться, Маруся. Ты это, кстати, запомни на всякий случай. Чтобы не разочаровываться потом. Замуж я тебя не возьму, но в бархат, шелка и парчу одену.

– Я не буду разочаровываться, – тихо сказала Маша. – И никакой парчи мне не надо.

– А что надо? Куртки кожаные шить?

Конечно же, еще в первый день она все ему рассказала и про родителей, и про брата, и про куртки, и про исколотые шилом пальцы.

За четыре года, которые прошли с их первой встречи, Маша ко многому привыкла. К гладким, немного скользким фишкам в первом валютном казино Москвы все в том же «Савое», где игровой зал был таким маленьким, что помещалось всего два карточных стола и один рулеточный, а крупье и официанты не говорили по-русски, потому что были завезены из Европы. К разгулу на широкую ногу в «Метелице», где, казалось, никто не считал денег. К роскошным одеяниям дам, служивших украшением для своих респектабельных спутников. К блеску бриллиантов в клубе «Мираж», бывать в котором она особенно любила.

Маша привыкла к невесомости меха на своих обнаженных плечах, к тяжести перстня с бриллиантом в три карата, к горячему песку на пляжах Канн и Ниццы, к серебряным щипчикам, которыми нужно было расправляться с лобстером. К тому, что не надо больше шить куртки и жить с родителями, потому что теперь у нее была своя отдельная трехкомнатная квартира, пусть не в центре, но в очень даже престижном спальном районе, до которого на собственной машине можно было добраться всего-то за полчаса. И к своей машине, которая у нее, разумеется, была тоже.

Мама теперь тоже не шила куртки, а заведовала ателье, в котором считалось престижным обшиваться всему московскому бомонду. На высокую моду ателье, упаси бог, не претендовало, но именно туда приходили заказчицы, которых направляли зиминские компаньоны и

друзья. Для ателье было куплено помещение, которое потом, спустя много лет, когда мама надумала все-таки выйти на пенсию, родители сдавали за хорошие деньги, тем самым обеспечивая себе безбедную старость.

Жизнь Маши была спокойной и безмятежной, потому что никаких завышенных требований Зимин к ней не предъявлял. Появлялся, когда считал нужным, отсыпался в ее кровати, периодически прикладываясь к Машинному телу, выводил в свет, явно гордясь ее красотой, и ради этого не жалел денег ни на одежду, ни на украшения. Иногда он исчезал на неделю, две, три, но Маша не ревновала, не искала, не задавала вопросов, будучи совершенно уверенной, что его исчезновения вызваны исключительно делами и больше ничем.

Неведомо откуда, но она была уверена, что у него нет других женщин. Зимин вообще был не падок на женскую красоту и интерес, к заигрываниям относился равнодушно, объясняя Маше, что получает все, что ему нужно, от нее, а больше ему и не надо.

– Ты меня любишь? – как-то спросила она, скорее, потому, что было очень по-женски правильно задать такой вопрос, чем из истинного любопытства.

Он посмотрел серьезно, без капли раздражения или иронии, и так же серьезно ответил, что в своей жизни любил только одну женщину, ту, что была у него самой первой. Маша зачем-то спросила, как ее звали, и он назвал имя: Ира Птицына. Маша запомнила, сама не зная зачем.

Несмотря на то, что она словно растворилась в сонме таких же содержанок, основным предназначением которых было украшение мужского быта бандитов, воров в законе, зарождающихся олигархов, она четко следовала собственной программе, которую считала правильной. К примеру, не бросила институт. То, что она студентка геологического факультета МГУ, Зимину нравилось, потому что это выделяло его женщину в чередке других молодых тел, а значит, возвышало в собственных глазах и его.

Помимо Лазурного берега, они часто летали погреться в Турцию или Испанию, а потом он купил дом в Марбелье, потому что это считалось шиком, и они провели там два раза по две недели. А когда прилетели в третий раз, то через несколько дней Дмитрий вдруг велел

ей собраться и уехать, не объяснив причины и дав неприлично много денег.

Маша была уверена, что к нему приехала какая-то другая женщина, но проверить не стала. Во-первых, она была фаталисткой и знала, что все хорошее в жизни рано или поздно заканчивается. Свой роман с Зиминим, разумеется, считала временным, стараясь просто пока брать от жизни все, что эта самая жизнь предлагала. Она понимала, кто он и чем занимается, осознавала, что его могут в любую минуту убить в какой-нибудь разборке, и относилась к этому философски, так же как и к тому, что рано или поздно ему перестанет ее хватать, и он заинтересуется кем-то еще.

Когда он вернулся из Марбельи, кажется, дней через десять, загорелый, довольный и словно светящийся изнутри, она, по какому-то наитию, спросила, не Ира ли Птицына к нему приезжала. Он засмеялся громко, раскатисто, от души и сказал, что Ира Птицына умерла от пневмонии более четверти века назад. Он явно не собирался Машу бросать, но ей и это было все равно, потому что к тому моменту она, наконец-то, влюбилась.

Она твердо отдавала себе отчет, что в Дмитрия Зимина не была влюблена ни одной минуты. Ей было с ним хорошо, удобно и очень легко. А любила она совсем другого человека, и это было необъяснимо и глупо, как каждая настоящая любовь.

Ее неудержимо тянуло к мальчишке, который был на четыре года ее младше, но это не имело ни малейшего значения. Он был смешной и неуклюжий, как маленький жираф, но когда взгляд его больших, черных, влажных глаз с восхищением останавливался на ней, она замирала и плавилась, осознавая, что тоже нравится ему, и он просто умирает от желания каждый раз, как ее видит.

Маша стала его первой женщиной, что было совсем неудивительно в его шестнадцать лет, и случилось это именно тогда, когда она вернулась из Марбельи одна и ей нужно было чем-то себя занять в отсутствие Зимина, который, как она тогда думала, исчез из ее жизни навсегда. Они вместе были на праздновании дня рождения, а потом поехали в ее квартиру, из которой не выходили трое суток. Они и из постели, кажется, тогда не вылезали, но это Маша помнила неточно.

Его звали Миша, Михаил Лондон, и он был каким-то дальним родственником той самой Оле Каплевской, со слезки за которой когда-то началось ее знакомство с Зиминим. Надо отдать ему должное, к Ольге он больше никогда не приближался, а на заданный Машей вопрос ответил, что ей тогда просто почудилось, да и вообще он уже давно нашел все, что искал.

Благодаря уверенности в себе, пришедшей вместе с мехами, бриллиантами и машиной, Маша легко и непринужденно вошла в тот круг избранных, в котором вращалась Оля Каплевская, ставшая после второго курса Антоновой, а на третьем родившая дочь. Иногда Маша бывала у Оли в гостях, они вообще сблизились, насколько это было возможно, потому что не было у Оли никого ближе Васи. Однако Олина мать, Аглая Тихоновна Колокольцева, Машу привечала и охотно приглашала в дом. Видимо, считала, что у дочери должна быть отдушина в виде подруги. Там, на семейных праздниках, Маша и познакомилась с Мишкой.

После того что между ними произошло, он вообще бродил за Машей тенью, умоляя, чтобы она не выходила замуж, а дождалась его. Маша дожидаться пообещала, потому что точно знала, что замуж ее Зимин не позовет.

Потом погибли Оля и Вася. Это случилось летом девяносто восьмого года, накануне выпускного, на котором все они должны были получить дипломы. В те страшные дни Маша не отходила от Аглаи Тихоновны, которая почернела и высохла так, что на нее было невозможно смотреть. Несмотря на то, что собственное свободное время Маше не принадлежало и она должна была отвечать на желания Зимина сразу, как только он их высказывал, странное дело, он не возражал, чтобы она практически поселилась у Колокольцевой, взяв на себя заботы и о ней, и об оставшейся сиротой двухлетней Глаше.

Он тогда сказал Маше, что у нее доброе сердце и она занимается богоугодным делом. И глаза у него были на мокром месте, хотя особой сентиментальности Маша за ним никогда не замечала. Он вообще в те дни сам был словно не в себе. Казалось, его грызла вина за какую-то совершенную ошибку, но разобраться с этим Маше было некогда, да и неинтересно.

А потом он уехал в Марбелью и не вернулся. Через несколько месяцев Маше рассказали, что его тело было найдено на берегу,

объединенное акулами. Немного восстановив прошлые события, она решила, что его подавленное настроение в то лето было вызвано предчувствием собственной скорой смерти. Ей всегда казалось, что он знал, что умрет, потому что успел оформить на Машу квартиру, в которой она жила, а еще оставить приличную сумму денег, разумеется, в долларах. Да и продав украшения, она могла безбедно жить до конца своих дней. После того как море вернуло тело Зимина, забрав его жизнь, Мишке исполнилось восемнадцать, и они начали открыто жить вместе. Их теперь уже не тайный роман Аглая Тихоновна поддерживала и привечала молодых у себя. Еще через год они поженились, и с этого дня Машина жизнь сделала крутой вираж, окончательно оставив за спиной лихие девяностые и все, что было с ними связано.

Открывать свое «бандитское» прошлое мужу она не торопилась, будучи уверенной в том, что он ничего не узнает. Происхождение квартиры, машины, украшений и брендовой одежды она объясняла идущим в гору родительским бизнесом. Мишка в легенду верил охотно, но, надо отдать ему должное, сделал все, чтобы построить карьеру и обеспечить Маше тот уровень жизни, к которому она привыкла.

Во многом им в этом помог Вадим Алексеевич Ветров, приятель Аглаи Тихоновны, с которым она познакомилась в больнице и сильно сдружилась. Он занимался бизнесом и взял к себе на работу Мишку. Всему научил, терпеливо растил, а потом пристроил на работу в «Газпром». Маша подозревала, что у Колокольцевой и Ветрова роман, но не имела ничего против. Их общую тайну, невольной держательницей которой она, разумеется, стала, Маша блюла свято, тем более что раскрывать ее ей было не с руки. У нее и самой была тайна от мужа, и чужие секреты ее не касались.

Двадцать два года прошло с тех пор, и Маша была уверена в том, что тайна эта, старая, глупая, но все равно постыдная, уже никогда не вылезет наружу. Но проклятый 2020 год и тут спутал все карты, грозя с минуты на минуту сделать явным все тайное. Нет, Маша никак не могла этого допустить, даже в мыслях. Тем не менее мысли не уходили, заставляя ее по ночам часами лежать без сна, временами проваливаясь в зыбкое забытие и выныривая оттуда в испарине, хоть сорочку выжимай.

Убийство Антонины Демидовой, неожиданной одноклассницы Аглаи Тихоновны, открыло дверь в ад. И Маша знала, что не сможет выбраться из этого ада без потерь. День за днем она теперь жила в ожидании грядущего наказания, и вопрос заключался только в его размере, но никак не в неотвратимости.

* * *

Наши дни, Москва

Наказание всегда неотвратимо. Речь может идти только о его размере, ну и еще о сроке реализации, конечно, но никак не о неотвратимости. Катя думала об этом, сидя в машине, пока они с Бекетовым ехали домой к Лондонам. Володя, правда, не собирался брать ее с собой, но она настояла, конечно, потому что это было «ее» расследование и ее догадка, которая оказалась совершенно правильной, несмотря на всю свою неправдоподобность.

Утром, когда они встали невыспавшиеся, но счастливые, Бекетов, наскоро позавтракав, поцеловал Катю и уехал на работу, проверять ее ночную гипотезу. Позвонил он часа через два, когда Катя уже вся извелась и измучилась, не находя себе места. Она и сама не знала, чего хочет больше: узнать, что вычислила все правильно, и Маша Лондон – действительно в прошлом любовница Димы Магадана, а ныне убийца, или попасть пальцем в небо, но сохранить жизнь Мишки неразрушенной. Да и жизнь Аглаи Тихоновны тоже.

Сможет ли пожилая женщина пережить известие, что главный враг ее детства и убийца ее родителей какое-то время был так близко? Сможет ли смириться, что его любовница вошла в ее семью, а сейчас убила двух близких ей людей? У Кати не было ответа на эти вопросы.

Увидев на телефоне высветившийся номер Бекетова, она вздрогнула и подобралась, как перед прыжком с вышки в воду. В юности она занималась этим видом спорта и в совершенстве умела входить в воду и солдатиком, и свечкой, и рыбкой, и бомбочкой. Она знала, что информация, застань она ее врасплох, наверняка сбита бы дыхание, заставила бы разгруппироваться, потерять контроль над телом, а значит, неминуемо удариться о гладь воды. Вдох, затаить

дыхание, резко выдохнуть, сделать окончательный глубокий вдох и прыгнуть.

– Ну что? – спросила она, нажав на кнопку телефона и заставив его умолкнуть.

– Да, – просто ответил Бекетов.

Сейчас они ехали домой к Лондонам, точнее, к Маше, потому что Борька был, разумеется, на работе. К счастью, его отдел недавно вышел с карантинной удаленки, а это означало, что вести тяжелый разговор и получить нелегкое признание будет гораздо проще. И ей, и преступнице.

Открывшая им дверь Маша была бледна, но решительна. Ее темные волосы, обычно свободно струящиеся по плечам и спине (волосы были красивые, и Маша ими гордилась), сегодня были собраны в строгий узел, который придавал облику женщины официальность и строгость.

– Здравствуй, – сказала Катя беспомощно, когда Маша открыла им дверь. – Извини, что без звонка, но нам надо поговорить.

– Нам?

– Это мой друг, его зовут Владимир.

– Бекетов Владимир Николаевич, – он вытащил свое удостоверение и показал Маше, которая отступила на шаг и побледнела еще больше, – следователь Мещанского межрайонного следственного отдела Следственного управления по Центральному административному округу города Москвы. Вы Мария Александровна Лондон, в девичестве Ковалева?

– Да, – казалось, застрявший в узком изящном горле воздух не давал словам выходить наружу. – Это я. Проходите, пожалуйста.

Она не спрашивала, по какому делу они пришли, словно это было совершенно не нужно. По глазам Маши, точнее, по застывшему в них выражению безысходности, Катя видела, что она знает. И Бекетов видел это тоже, разумеется.

– Где мы можем поговорить?

– Вот, проходите на кухню.

– Вы дома одна?

– Да, муж на работе, а дочь живет отдельно. Я одна.

– Мария Александровна, а вы давно живете в этой квартире?

– Да, с середины девяностых. У меня уже была эта квартира, когда я выходила замуж. Она достаточно просторная, поэтому мы не видели нужды ее менять. Просто еще построили дачу за городом, а потом, когда выросла Оля, это наша дочь, купили ей квартиру, чтобы отселить.

Они прошли на чистую, словно стерильную кухню, где на плите готовился обед. В кастрюле булькал борщ, а из духовки доносился аромат запекающегося мяса с травами. Маша ждала мужа домой. Уселись за стол. Хозяйка не предложила им чаю, видимо, понимая, что гостеприимство в нынешней ситуации излишне. Положила сцепленные в замок руки на стеклянную столешницу, смотрела Бекетову прямо в глаза, как собака, которая знала, что ее сейчас усыпят.

– Мария Александровна, а сколько вам было лет, когда вы входили замуж?

– Двадцать три.

– Вы к тому моменту уже окончили институт?

– Да.

– И где работали?

– Нигде. Я помогала с бизнесом моим родителям.

– А ваш муж?

– Ему было девятнадцать, он учился в институте.

– То есть вы оба не зарабатывали, но у вас при этом была трехкомнатная квартира? Не в центре, прямо скажем, но и не на окраине. Это бизнес ваших родителей приносил вам такие дивиденды?

Маша вскинула голову, сейчас она была похожа на норовистую кобылу, и было в ее лице что-то такое, что Катя невольно залюбовалась ею.

– Судя по вашим вопросам, вы прекрасно осведомлены о том, откуда у меня квартира и почему я не работала, – сказала хозяйка дома. – Поэтому, чтобы предвосхитить ваши вопросы, я могу сразу сказать, что с лета тысяча девятьсот девяносто четвертого по лето девяносто восьмого я была любовницей Дмитрия Зимины. И да, я знала, что он бандит, вор в законе, да, меня это не смущало, да, видимо, я абсолютно аморальна, нет, мой муж не знал о моем прошлом. Еще вопросы есть?

– Да я еще даже не начал, – усмехнулся Бекетов.

Катя как замороженная слушала разворачивающуюся перед ней историю знакомства сидящей перед ней женщины с Димой Магаданом, а также описание тех четырех лет, которые они провели вместе. Маша упомянула о том, что в момент их первой встречи Зимин следил за Ольгой Каплевской, а потом перестал. О покупке дома в Марбелье, о его гибели, оформлении на ее имя недвижимости и оставленных драгоценностях.

– Он когда-нибудь упоминал о ком-то, с кем учился в школе?

– Да. Однажды он рассказал мне, что за всю жизнь любил только одну женщину. И это была его одноклассница.

– Вы знали, что это Аглая Колокольцева?

Маша посмотрела на них удивленно, слабо махнула рукой.

– С чего вы это взяли? Девушку, которую он любил всю жизнь, которая стала его первой женщиной, звали Ира Птицына. Она умерла. Давно.

– Но о том, что Аглая Тихоновна тоже училась с ним в одном классе, вы все-таки знали?

– Тогда нет. Мы никогда не разговаривали об Аглае Тихоновне, кроме того раза, когда умерла Оля. Они с Васей погибли, и я попросила Диму позволить мне пожить у Колокольцевой. Ей было очень тяжело. Он согласился, сказал, что у меня доброе сердце, но сам к ее дому не приближался.

– А если не тогда, то когда вы об этом узнали?

Маша замолчала, словно уткнувшись с разбегу в стену. Лицо ее из бледного мимолетно стало красным, как будто ее отхлестали по щекам крапивой.

– Аглая Тихоновна любит рассказывать истории из своей юности, – сказала она, помолчав. – Поэтому она как-то упоминала, что у нее был такой одноклассник. И про свою близкую подругу Иру Птицыну тоже рассказывала. Это не могло быть простым совпадением. Но я узнала о том, что Зимин и Колокольцева в прошлом были знакомы, уже после трагедии в Марбелье. Это правда.

– А что неправда?

– Я не лгу, – Маша пожала плечами, – все то, что я вам рассказала, правда.

– Хорошо, тогда продолжим. Вы когда-нибудь встречались с Антониной Сергеевной Демидовой?

– Это еще одна одноклассница? Та самая, которую убили в день рождения Аглаи Тихоновны? Бабушка Глашенькиной подруги по театру?

– Да, вы когда-либо встречались с ней?

– Да, встречалась. Это было, кажется, году в девяносто шестом. По крайней мере, к тому времени я уже довольно давно встречалась с Димой, и квартиру эту он мне уже купил, но задолго до его гибели в Испании.

– При каких обстоятельствах?

– Мы заехали пообедать в клуб «Мираж», было такое модное заведение на Новом Арбате. Потом, когда мы вышли, мне захотелось пройтись, и мы пошли по улице, совершенно бездумно и бесцельно. Было тепло, мы о чем-то разговаривали, а потом Диму окликнула какая-то женщина. Оказалось, что это та самая Антонина, которую он называл Нюркой. Она решила, что я – Димины дочь, меня это смутило, а он засмеялся и сказал, что не дочь, а подруга. Она с таким любопытством на меня смотрела, очень бесцеремонно, поэтому я отошла в сторону, чтобы не мешать.

– То есть Аглаю Колокольцеву при вас они не обсуждали? Что она в Москве, что ее надо найти?

Маша закусил губу и снова отрицательно покачала головой.

– Нет, я же говорю вам, в то время я не знала, что они знакомы. И я не слышала, о чем они говорили. Правда, знаю, что Дима дал ей свой телефон. Мобильный и городской. Он сказал, что она попросила номер стационарного телефона, потому что у нее мобильного тогда еще не было, разумеется. И он дал ей номер моей квартиры, потому что в основном проводил время у меня.

– Хорошо. Будем считать, что я вам верю.

– А это уж как вам будет угодно. Я говорю правду.

– Вы знали, что Демидова снова приехала в Москву?

– Конечно, нет. Я вообще забыла о ее существовании. Это женщина, которую я видела двадцать четыре года назад на протяжении шести минут. Я знала, что в Москву приехала какая-то одноклассница Аглаи Тихоновны, которая нашла ее совершенно случайно, через внучку, по стечению обстоятельств оказавшуюся подругой Глаши. – Немного помолчав, Маша добавила горько: – По роковому стечению обстоятельств. Я знала, что она будет на дне рождения. Но то, что это

та самая одноклассница, я поняла уже после того, как узнала, что ее убили.

– Кстати, откуда?

– От мужа. Михаил, рассказывая, что случилось, упомянул, что Аглая Тихоновна называла погибшую Нюркой. И я вспомнила ту встречу.

– Мария, вынужден спросить вас напрямую. В этот приезд Антонины Демидовой в Москву вы с ней встречались?

Маша выглядела удивленной. Она отклонилась назад, бросив на Бекетова непонимающий взгляд.

– Конечно, нет. С чего вы взяли? Где и при каких обстоятельствах мы могли бы встречаться? А главное – зачем.

– А вот я склонен считать, что вы виделись, – Бекетов пошел в атаку, и Катя внутренне съежилась от понимания того, что сейчас на ее глазах Машу, кажется, будут распинать. – Я сейчас расскажу вам свою версию того, как развивались события, а вы меня поправите, если я где-нибудь ошибусь. Итак, после четвертьвекового перерыва Антонина Демидова приезжает в Москву. Ее очень угнетает мысль, что у ее любимой внучки в столице нет своей квартиры. Конечно, ее сын – не последний человек, но купить квартиру в столице ему явно не под силу, и драгоценная Тонечка вынуждена ютиться в съемном жилье, да еще и работать на износ, сниматься в третьесортных сериалах, чтобы обеспечить себе столичный уровень жизни. Бабушка хочет ей помочь, но не знает как.

Маша слушала его неторопливый рассказ с нарастающим напряжением. Катя отмечала ее участившееся дыхание, розовые пятна на шее и нервно сплетающиеся длинные пальцы.

– Совершенно случайно старушка узнает, что ее ненаглядная внучка Тонечка, оказывается, уже много лет дружит с Глашей Колокольцевой – внучкой ее школьной подружки, пути с которой разошлись более пятидесяти лет назад. Пожилые дамы общаются по телефону, договариваются о встрече, но тут в дело вмешивается коварный коронавирус, из-за которого они вынуждены сидеть по домам. Все это время Демидова напряженно думает о том, как ей использовать знакомство с Колокольцевой. Она вспоминает давнюю историю про золото, когда-то сгоряча выболтанную Димкой Зиминым, их бывшим одноклассником. Вспоминает она и вашу случайную

встречу, из которой сразу становится ясно, что Зимин из отпетого мерзавца и убийцы родителей Аглаи Тихоновны вырос в бандита, у которого наверняка водятся деньги.

Маша слабо улыбнулась.

– Дима не был человеком, которого можно было бы легко шантажировать, – сказала она.

– Да, но Антонина Сергеевна этого не знала. Так же, как и того факта, что Зимина давно нет в живых. Я думаю, что она решила припугнуть Зимина тем, что сообщит Аглае Тихоновне о том, что это он убил ее родителей, расскажет про золото. И, чтобы его найти, позвонила по единственному имеющемуся у нее номеру – вашему, Мария.

Маша едва заметно, но все-таки вздрогнула. Похоже, слова Бекетова попали точно в цель. Он сделал паузу на тот случай, если бы она вдруг решила возразить, но Маша молчала, лишь затравленно смотрела в сторону, в окно, за которым весело раскачивались листья березы.

– Что ж, не хотите говорить, тогда продолжаю я. От вас Антонина Демидова узнала, что Зимин давно умер. Но терять деньги, которые она уже считала своими, ей не хотелось. Думаю, что к тому моменту одна короткая встреча между одноклассницами уже состоялась, и Аглая Тихоновна, как это бывает, когда после долгой разлуки встречаются люди, не видевшиеся много лет, рассказала Антонине Сергеевне о своей семье. Может, и фотографии показала. Это мы у нее чуть позже обязательно выясним. Как бы то ни было, Демидова поняла, что шантажировать можно не Зимина, а вас. Вашим прошлым и связью с ним. Не думаю, что вам хотелось, чтобы об этой странице вашей биографии узнал ваш муж или его родственница. И Демидова тоже так не думала. Сколько она запросила за свое молчание, Мария?

Теперь их собеседница снова выглядела удивленной. У нее даже рот приоткрылся от изумления.

– Погодите, – сказала она торопливо, – погодите-погодите. Вы что, считаете, что эта самая Демидова шантажировала меня?

– Да, я так считаю, потому что ей больше некого было шантажировать.

– Но исходя из этой логики, получается, что это я ее убила, чтобы заставить замолчать.

– А что невозможного в таком умопостроении?

– Но я не убийца! – воскликнула Маша. – Катя, ты-то что молчишь? Ты же не можешь не понимать, что все это невозможная глупость?

– Машенька, ты всегда мне очень нравилась, но я ведь тебя совсем не знаю, – сказала Катя. Почему-то это прозвучало жалобно и как-то жалко. Словно она извинялась. – Я с Колокольцевыми познакомилась всего два года назад, а с тобой и Мишкой и того позже.

– Да вы что? – Маша почти плакала. – Я не убивала эту старуху, потому что я вообще не могу никого убить. Да, двадцать с лишним лет назад я стала любовницей человека, который был вдвое старше меня, прекрасно осознавая, что он «малиновый пиджак», бандит, вор в законе. Может быть, это было не очень морально, но я фактически спасла свою семью от голода. Да у моей мамы все руки были шилом исколоты, а благодаря Зимину она стала владелицей своего ателье, и теперь на пенсии они с папой ни в чем не нуждаются, потому что помещение сдают. Да. Я продавала себя за деньги, но это было давно. А потом я встретила Мишку и в него влюбилась. Мы женаты более двадцати лет, и никогда за эти годы я не делала ничего предосудительного. И никто меня не шантажировал, и со старухой этой я не встречалась. Я правду говорю.

Теперь она уже кричала. И, глядя на ее искаженное лицо, Катя почему-то ей верила. И ругала себя отчаянно за то, что верит, и за то, что жалеет тоже.

– Но она вам звонила? – резко спросил Бекетов.

Маша моментально затихла, сдулась, словно проколотый воздушный шарик. На лице ее вдруг проступили морщинки, которых раньше Катя никогда не замечала, наоборот, искренне восхищалась тем, как молодожаво выглядит жена Мишки Лондона в свои сорок четыре года. Сейчас ее возраст был отчетливо виден, до последнего месяца и дня виден, до единой слезинки, каждого сомнения или бессонной ночи.

Тяжелое молчание, висевшее в кухне, сгущалось. Тишину уже можно было резать ножом, как дрожащее сливочное желе. Бекетов не торопился ее нарушать, как охотник в засаде не спешит стрелять, словно дожидаясь, пока преследуемая им жертва потеряет силы и выйдет на открытое пространство, подставив грудь под пули.

– Да, она мне звонила, – наконец, глухо сказала Маша. – Я могла бы соврать, конечно, но я не буду этого делать, потому что до этого говорила только правду и не хочу, чтобы это изменилось.

– Если я захочу, то я легко докажу факт звонка, – сообщил Бекетов. – Конечно, мобильник Демидовой уже проверили, и в нем вашего разговора не было. Но сейчас я знаю, что она звонила на городской номер, а значит, вполне могла сделать это со стационарного телефона в квартире своей внучки. Вы понимаете, это тоже проверяется.

– Понимаю, но правду говорю не поэтому, а только из нежелания врать, – устало сообщила Маша.

– Хорошо. Итак, когда Демидова позвонила вам?

– Это было в первой половине июня. Недели за две до дня рождения Аглаи Тихоновны. Может быть, дней за десять, я не помню точно.

– Что она хотела?

– Она спрашивала Диму, в этом вы правы. Напомнила про нашу первую встречу и спросила, как она может с ним связаться. Я ответила, что Дмитрий Зимин погиб в девяносто восьмом году.

– И что было дальше?

– Ничего. Она поохала, уточнила, как именно он погиб, а еще спросила, знаю ли я, сумел он найти Аглаю Колокольцеву до своей смерти или нет.

– Что вы ответили?

– То же, что и вам. До своей смерти Зимин никогда не встречался с Аглаей Тихоновной, и мы никогда про нее с ним не говорили.

– Дальше?

– Не было дальше. Она сказала, что это все очень интересно, попрощалась и повесила трубку. Я клянусь, что она не просила меня о встрече, ничем не шантажировала, не угрожала и не просила никаких денег.

– Почему тебя не было на дне рождения Аглаи Тихоновны, Маш? – спросила вдруг Катя. – Тогда меня совершенно не смутил тот факт, что Мишка пришел в гости один, хотя раньше вы никогда так не поступали. Конечно, он иногда заезжал к тетке без тебя, но это были короткие визиты, привезти арбуз, забрать заказанные ему лекарства.

На семейных торжествах вы всегда были вместе, а в этот раз ты не пришла. Почему?

– Если вы думаете, что из-за того, что я приходила в себя после совершенного убийства, то это не так, – язвительно сообщила Маша. – Я знала, что Демидова приглашена на именины, Аглая Тихоновна прожужжала об этом все уши. И действительно не хотела с ней встречаться. Кто знает, что бы она стала вспоминать при нашей встрече? В любом случае эти воспоминания мне были совершенно ни к чему. Я сказала мужу, что мне нужно к родителям, и уклонилась от визита. Я не видела Демидову в этот ее приезд в Москву и узнала о ее смерти от вернувшегося домой мужа.

– Мария, если на мгновение допустить, что я вам поверил, хотя в нашем диалоге мы еще не успели обсудить ваше мастерское, с юности, владение шилом, то скажите, кто и почему, по-вашему, мог убить Антонину Демидову? Потерпевшая приехала в Москву, где, кроме внучки, у нее было только двое знакомых – Аглая Тихоновна и вы. Вы считаете, что убийство совершила тетушка вашего мужа?

– Конечно, нет! – воскликнула Маша. – Зачем бы ей это вдруг было надо?

– Хорошо. Это была не Аглая Тихоновна. И не вы. Тогда кто? Поверьте, Мария, что вы должны очень хорошо подумать перед тем, как ответите на этот вопрос. Потому что если ваш ответ не будет мало-мальски правдоподобным, то нам с вами придется перейти к обсуждению шила и ваших навыков в обращении с ним.

В кухне снова повисла тишина, еще более зловещая, чем до этого. Почему-то именно в этот момент Катя почувствовала, как по ее обнаженным рукам поползли мурашки, словно ее вдруг пробил озноб посередине уже начавшегося июля. Или это она умудрилась все-таки где-то подцепить проклятый вирус?

На лице Марии Лондон отобразилась гамма испытываемых ею чувств: смятение, раздумье, борьба с каким-то неведомым искушением, снова сомнение, страх, колебание и, наконец, решимость. Она побледнела, потом покраснела, а затем от ее лица снова отлила вся кровь. Сейчас оно напоминало голову античной статуи, холодную и безжизненную.

– Мария, вы знаете, кто убил Антонину Демидову? – резко спросил Бекетов, дожидая собеседницу.

– Я не знаю, потому что не могу быть в этом уверена, – тихо сказала она.

– Хорошо, вы кого-то подозреваете? У вас есть мнение, кто именно совершил убийство?

– Да, – еще тише сказала Маша. Она вцепилась в край стола, пальцы ее побелели. – Я знаю одного человека, который мог это сделать.

– И кто же этот человек?

– Дмитрий Зимин, – ответила Маша и горько заплакала.

Глава девятая

1999 год, Москва

Это был Дмитрий Зимин, и Маша даже глаза протерла, потому что надеялась, что наваждение пропадет, исчезнет само собой. Однако, когда она снова посмотрела на человека, стоящего за порогом, то перед ней по-прежнему был Дмитрий Зимин, правда, сильно изменившийся. Каким-то внутренним чутьем Маша сразу все поняла про пластическую операцию, которую он сделал, чтобы поменять внешность. Для большинства этого наверняка было достаточно. Но не для нее. Как не узнать человека, с которым ты четыре года делила постель.

– Узнала? – спросил он, и она, сглотнув, кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

– Я зайду?

Она кивнула, пропуская его в квартиру.

К счастью, Мишка был в университете и до его возвращения, Маша глянула на часы, оставалось еще часа два, не меньше. Он заметил ее манипуляции с часами, как замечал все и всегда.

– Торопишься?

Она отрицательно качнула головой, даже не соврав. Два часа – это очень много, когда речь идет о том, что может рухнуть вся жизнь. Ее бывший любовник прошел на кухню, сел у стола, положив на столешницу переплетенные пальцы. Маша обратила внимание на то, что татуировки исчезли. Теперь между большим и указательным пальцами правой руки не было паука, а на безымянном перстня, зато кисть была обожжена то ли кислотой, то ли огнем. Он перехватил ее взгляд.

– Я теперь законопослушный бизнесмен, Маруся. А у законопослушных бизнесменов татуировок не бывает, а вот химических ожогов может быть сколько угодно.

– А звезды на ключицах тоже свел? – вырвалось у Маши прежде, чем она подумала, чем может быть чревато подобное любопытство.

Он усмехнулся и начал расстегивать рубашку.

– Не надо!

Сидящий перед ней мужчина обнажил грудь, на которой с двух сторон имелись аккуратные ровные шрамы, а вот восьмиконечных звезд – знаков отличия вора в законе – нет, не было. Удостоверился, что она все разглядела, неторопливо застегнулся обратно, ухмыльнулся лениво, словно насмехаясь над ее страхом.

– Давай расставим все точки над «і», Маруся. Я не собираюсь тебе вредить. И возвращать тебя не собираюсь тоже. Нам обоим это невыгодно. Ты замужем и, насколько я понимаю, боишься, что твой наивный щенок-муж узнает о богатом прошлом супруги. Не бойся, я ничего ему не скажу. Но и мне от тебя нужна ответная любезность.

– Какая? – Маша немного воспряла духом, успокоенная его словами о том, что он не собирается ее возвращать. Зимин никогда не бросал слов на ветер, было у него такое хорошее качество.

– Я отпускаю тебя, отдаю мужу, потому что Мария Ковалева была любовницей бандита Дмитрия Зимина, и ее не могут видеть рядом с бизнесменом Вадимом Ветровым. Так меня сейчас зовут. Документы в порядке, внешность я поменял, многих из тех, кто хорошо меня знал и мог бы узнать в любом обличье, уже нет в живых, так что я ничем не рискую, вернувшись в Москву и начав новую жизнь. Пожалуй, единственный человек, который мог бы меня опознать и выдать, – это ты, вот я и пришел договариваться, чтобы ты этого не делала.

– Разумеется, я не буду этого делать, – сказала Маша спокойно. – Кроме того, у нас теперь с тобой такая разная жизнь, что мы вряд ли можем где-нибудь пересечься. Ты – солидный бизнесмен с соответствующим кругом общения. Я помогаю родителям с маленьким скромным бизнесом, мой муж студент и, как ты сам понимаешь, я избегаю тех публичных мест, где меня может кто-нибудь узнать как твою любовницу. Мы очень скромно живем, Дим.

– Вадим, – поправил он. – А точнее, Вадим Алексеевич. У нас с тобой слишком большая разница в возрасте, чтобы вы могли обращаться ко мне просто по имени. Ты и твой муж.

– Надеюсь, нам не придется никак к тебе обращаться.

– А вот тут ты ошибаешься, – он снова улыбнулся, и эта улыбка вернула его прежнего – холодного и расчетливого бандита Дмитрия Зимина, для которого, при всем его хорошем отношении к Маше, не составляло особого труда убить человека. Разумеется, если это было

для чего-то нужно. – Мы будем видеться, хотя и не очень часто. Дело в том, что нам придется встречаться в квартире Аглаи Тихоновны Колокольцевой. Я теперь друг семьи, а ты и твой муж – родственники. Поэтому рано или поздно мы пересечемся за одним столом и будем вести себя как только что познакомившиеся люди.

– погоди, я не поняла. Ты вхож в дом к Колокольцевым? Зачем?

– Видишь ли, Аглая – моя одноклассница. А я на старости лет становлюсь сентиментален. Я и раньше не упускал ее из виду благодаря тебе, разумеется. Ты дружила с Ольгой, – тут на его лицо набежала короткая тень, природы которой Маша не поняла, – потом охотно и часто общалась с Аглаей, поэтому я мог получать через тебя всю необходимую мне информацию. У Вадима Ветрова такой возможности нет, поэтому мне пришлось стать пациентом Аглаи, а затем и подружиться с ней.

– И она тебя не узнала?

– Нет. Мы с ней в школе были не очень-то дружны. Более того, мы олицетворяли собой классическое сочетание «барышня и хулиган». В нашем классе были две категории учеников – дети зэков и дети вертухаев. Мой отец был зэк, и я, как ты знаешь, полностью повторил его судьбу. Ее отец был начальником колонии, а потом партийным бонзой. Я Аглаю Колокольцеву ненавидел, она меня боялась. О-о-о, это, кстати, одно из самых сладостных моих воспоминаний детства. Она так меня боялась, что не смела глаз поднять. Думаю, что она все эти годы всячески изгоняла из памяти мое лицо, да и для человека, который не видел меня с семнадцати лет, изменился я очень сильно, ты не находишь?

– Да, ты сильно изменился, – согласилась Маша. – Но я не могу понять, зачем тебе дружить с Колокольцевой, если ты так сильно ее ненавидел?

– Говорю же, я к старости становлюсь сентиментален. Сейчас-то я понимаю, что ничего плохого мне эта девочка и ее семья в общем-то не сделали, скорее, наоборот, но сейчас не об этом. Главная причина в том, что Аглая была лучшей подругой Иры Птицыной.

– Твоей первой женщины, которую ты любил всю жизнь?

– Почему любил? Люблю. Я люблю ее всю жизнь, ее одну. Она меня в молодости, конечно, кинула, зараза, – в его голосе прозвучали нотки искреннего восхищения. – И если уж жизнь так сложилась, что

Дмитрий Зимин не может быть рядом с Ирой Птицыной, то Вадим Ветров вполне может быть рядом с Аглаей Колокольцевой. В конце концов, у нас общее прошлое, а значит, и будущее тоже может быть общее. Надо признать, есть в этом значительная доля иронии.

– Ты, может, еще на ней и женишься? Вадим Алексеевич Ветров?

– А ты ревнуешь? – осклабился он. – Не надо, я же не ревную к тому, что ты теперь замужня дама и ждешь ребенка.

Маша густо покраснела, теряясь, как он мог догадаться. Срок у нее был еще совсем маленький, они с Мишкой даже родителям пока ни о чем не сказали.

– Я не женюсь, Машка. Я тебе много лет назад сказал, что не могу жениться. Такие, как я, не женятся. Да, у меня новое лицо и документы на другое имя, но те люди, которые принимают решения, они знают правду. Они могут простить мне желание оставить дела и уйти в бизнес, в конце концов, сейчас многие так поступают. Но нарушения основных воровских законов мне не простят. Так что я просто буду с Аглаей рядом. Или ты против?

Можно подумать, от Машиного желания что-то зависело. Разумеется, будь у нее выбор, она бы предпочла никогда больше не видеть Зимина-Ветрова и уж тем более не встречаться с ним на семейных торжествах, но выбора не было. Значит, надо заключать пакт о ненападении.

– Хорошо, Вадим Алексеевич, – сказала Маша, официальным обращением давая понять, что готова соблюдать правила игры. – Я ничего не скажу Аглае Тихоновне о том, кто вы такой. Вы ничего не скажете ни ей, ни моему мужу о том, что мы с вами были близко знакомы целых четыре года. Мы «познакомимся» на первом же дне рождения, на котором окажемся вместе, и будем взаимно вежливы, но не более того. Кроме того, через некоторое время после нашего знакомства вы поймете, какой хороший парень мой муж, и устроите его на работу в свою фирму. У вас же бизнес, не так ли? Вот вы и дадите дорогу дальнему родственнику своего дорогого друга Аглаи Тихоновны Колокольцевой. Договорились?

Он смотрел на нее с легким восхищением во взоре. Когда-то давно Маша знала этот взгляд, Зимин часто ею восхищался, потому что она была красивая, хваткая и совсем не дура. За тот год с

небольшим, который прошел с их последней встречи, Маша уже успела основательно подзабыть этот взгляд.

– А ты молодец, Маруся, подковы на бегу приколачиваешь. Всегда знал, что ты своего не упустишь. Хорошо, я согласен. Карьера твоего мужа – моя забота.

– Вы можете не переживать, Вадим Алексеевич. Вы знаете, что я никогда не нарушаю данного слова, так что вашу тайну никогда и никому не выдам.

– Я тоже не нарушаю своего слова, – снова осклабился он. – Так что до скорой встречи, Мария. Мне не терпится познакомиться с вами и вашим мужем. Аглая Тихоновна говорит о вас с исключительной теплотой.

Их официальное «знакомство» случилось месяца через два. Кажется, тогда они отмечали день рождения Глаши, по прошествии двадцати лет Маша точно не помнила. Данное друг другу слово оба сдержали. Даже наедине с самой собой Маша Лондон не называла приятеля Аглаи Тихоновны иначе, чем Вадимом Алексеевичем. Ее бывший любовник Дмитрий Зимин остался в прошлом, похороненный в испанской Марбелье.

Вадим Ветров, казалось, богатевший на глазах, действительно многое сделал для Мишки, карьера которого в итоге сложилась очень выгодно для их семьи. На Машу Ветров ни разу не бросил ни одного нескромного взгляда, свидетельствующего о том, что когда-то он любил раскладывать ее, нагую, на постели и разглядывать каждый сантиметр ее совершенного тела.

Как она ни вглядывалась, но не замечала ни искорки взаимного влечения между Ветровым и Колокольцевой. Похоже, те действительно были просто друзьями. Возможно, у Вадима были какие-то женщины, но эта сторона его жизни Машу не интересовала совершенно. У нее были муж и дочь, и, как говорил кто-то из героев любимой ею книги «Три товарища», «пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов».

Первое время она напрягалась, ожидая, что Ветров причинит Аглае Тихоновне какой-то вред, потому что в сентиментальные порывы поверила не до конца, однако шли годы и ничего не происходило, не случалось. По всему выходило, что в тот «договорной» свой визит он сказал Маше чистую правду.

Та старая жизнь, которая была для них общей, давно осталась в прошлом, все больше и больше превращаясь в размытое акварельное пятно где-то на задворках памяти. Как вся страна уже особо не помнила девяностые, привычная обыденность которых теперь выглядела дурным криминальным фильмом, так и Маша вспоминала теперь о своей молодости, скорее, как о сне, причем не страшном, а любопытном и смешном, но, как оно всегда и бывает после пробуждения, отрывки этого сна были смутными и не складывались в единое целое.

Рядом с Дмитрием Зиминим она провела четыре года, неподалеку от Вадима Ветрова – двадцать один. Пожалуй, вся ее безмятежность и отношение к жизни определялись этим простым математическим обстоятельством.

Известие о появлении в Москве Антонины Демидовой немного напрягло Машу, потому что могло всколыхнуть давно улегшийся на дне житейского озера ил. А что, если она окажется у Аглаи Тихоновны одновременно с Ветровым? Что, если опознает в нем их общего одноклассника, несмотря на пластическую операцию? Что, если так долго и тщательно скрываемая тайна выйдет наружу? Мишка, может, и простит, хотя он очень самолюбивый. Каково ему будет узнать, что всем своим нынешним благополучием он обязан не своим мозгам, а бывшему любовнику жены? А вот Колокольцева не простит точно. Потому что такое не прощают.

Откуда-то из глубины души всплывал и еще один вопрос, мучивший Машу и не дающий ей спать по ночам. Какое отношение имел Дмитрий Зимин к гибели Оли? Почему так переживал в то лето, когда произошла авария? И что делать, если правда, какая бы она ни была, в результате тоже выйдет наружу?

После звонка Демидовой она мучилась несколько дней, не зная, что предпринять, а потом подняла трубку и позвонила Ветрову. Тогда ей казалось, что она поступает совершенно правильно.

* * *

Наши дни, Москва

Кате казалось, что она поступает совершенно правильно. Ею двигала забота о безопасности Аглаи Тихоновны, потому она и сделала телефонный звонок сразу, как только они вышли из квартиры Лондонов. Точнее, Катя улучила минутку, чтобы позвонить, пока Бекетов тоже телефонировал – вызывал опергруппу для задержания Вадима Ветрова, то есть Дмитрия Зимина, разумеется. Он отошел в сторонку и, стоя во дворе под деревом, отдавал в трубку короткие точные распоряжения, как виделось Кате, приказы, и в ту минуту она откровенно любовалась своим мужчиной. Да-да, сейчас он был именно «ее», и почему-то Катя была уверена, что так останется навсегда. Откуда бралась эта уверенность, она понятия не имела, но всю их будущую жизнь видела отчетливо и ясно, словно нарисованную на листе бумаги опытной гадалкой.

В будущем был ребенок, совершенно точно мальчик, и совместные походы в зоопарк по воскресеньям, конечно, когда у отца окажется свободный день, и поездки на море, не в Марбелью, конечно, но испанский Бланес или греческий Родос, или турецкий Сиде, или Анапа, наконец, тоже очень неплохо.

В будущем было его гордое лицо на премьере спектакля, ее дебюта как режиссера. И рассказы об очередном раскрытом деле, и общие друзья, например, Аглая Тихоновна с Глашей или те, пока неизвестные ей, Борис и Дина, о которых Бекетов ей рассказывал. В будущем было много чего захватывающего, важного и счастливого, но в настоящем нужно было поймать убийцу и спасти Аглаю Тихоновну, в том числе и от неминуемого расстройтва. Как она воспримет известие, что рядом с ней по жизни двадцать лет шагал убийца ее родителей, а может, еще и единственной дочери, предсказать было несложно.

Именно поэтому Катя и позвонила. Пожилая женщина трубку взяла сразу, словно сидела с телефоном в руке в ожидании Катиного звонка.

– Здравствуй, девочка, – сказала она, и Катя в который уже раз поразились мелодичности ее голоса, в котором не было даже намека на старческое дребезжание. – Звонишь в неурочный час. Что-то случилось?

– Да, Аглая Тихоновна, случилось, – призналась Катя, потому что не умела обманывать даже в малости. – Вы где сейчас, дома?

– Да, дома. Где же мне быть в нынешнюю пору? Конечно, из дома выходить можно, но музеи все закрыты, выставки не работают, совершенно некуда себя направить, если только не в магазины или рестораны. Но до этих развлечений я не охоча, сама знаешь. Глашка в аэропорт уехала, провожать Аню и ее отца. Они во Владивосток полетели, урну захоранивать. Ну, да ты знаешь.

– Знаю, Аглая Тихоновна. Но ничего, скоро все закончится.

– Что именно должно закончиться? – в голосе пожилой женщины появилась настороженность.

– Расследование. Уже сегодня преступник, убивший Антонину Сергеевну и Нину Петровну, будет задержан.

– А что, его удалось установить? – голос все-таки чуть задрезжал, и Катя в очередной раз подумала о том, что сильные эмоции, пожалуй, могут свалить даже такую непоколебимую скалу, как Аглая Колокольцева.

– Да, если честно, то совершенно случайно. За ним сейчас поедет опергруппа и следователь. А я могу приехать к вам, если вы позволите. Мне кажется, что вам сейчас не надо оставаться одной.

– А сейчас ты где? – нет, не было в этом голосе никаких других эмоций, кроме любопытства. И все-таки, береженого бог бережет.

– Я во дворе у Миши и Маши Лондонов. Но вызову такси и за полчаса доберусь.

– У Лондонов? Боже правый, что ты там делаешь?

– У следователя возникли вопросы к Маше, – честно призналась Катя, продолжая наблюдать, как Бекетов в стороне разговаривает по телефону. Внезапно ей захотелось снова оказаться с ним вдвоем в ее квартире, отгороженной от всего света запертой дверью. Хоть на ковре оказаться, хоть в кровати. Но она понимала, что раньше вечера этого не произойдет. А что произойдет? Одному богу известно. – Аглая Тихоновна, давайте я приеду и все вам расскажу.

– Конечно, приедешь и расскажешь. Но все-таки, какие вопросы могут возникнуть к Маше? Она же в своей жизни мухи не обидела. Не хочешь же ты сказать, что она убийца?

– Нет, конечно, нет, – успокоила Катя. – Но сегодня выяснилось, что она жила с убийцей.

– Миша?!

– Нет-нет, – Катя заторопилась, потому что понимала, что все больше нервирует свою собеседницу, да и Бекетов явно уже заканчивал разговор. – Это было очень давно, больше двадцати лет назад. Аглая Тихоновна, до знакомства с Мишкой Маша была девушкой вора в законе. И это именно он совершил эти преступления.

– И это за ним сейчас выезжают, чтобы арестовать? Ну так и слава богу, девочка. Я не очень понимаю, почему ты так волнуешься.

– Из-за вас, – честно призналась Катя.

– А я-то тут при чем? Конечно, неприятно знать, что моя дальняя родня якшалась с преступниками, но это горе я как-нибудь переживу.

– Аглая Тихоновна, этого преступника зовут Дмитрий Зимин, – тихо сказала Катя. – Все думали, что он давно умер, но он жив, просто скрывается под другой фамилией. Маша нам все рассказала. Аглая Тихоновна, я сейчас приеду, но, пожалуйста, пока я до вас добираться, никому не звоните и никому не открывайте дверь. Хорошо? Этот человек опасен, и он... Он рядом с вами...

В трубке царило молчание.

– Умеешь ты страху нагнать, – наконец сказала Колокольцева. – Ладно, приезжай, а то я помру. Но не от страха, а от любопытства.

– Вы обещаете никому не звонить?

– Да кому я могу позвонить? Хорошо, обещаю. Только поторапливайся.

Катя отключилась и виновато посмотрела на шагающего к ней Бекетова. Впрочем, у того вид тоже был виноватый.

– Катя, я вынужден тебя бросить, – сказал он. – Ребята уже выехали к Ветрову. Мне надо туда, и, сама понимаешь, что с собой я тебя взять не могу ни при каком раскладе. Этот человек опасен, как тайпан – самая ядовитая змея в мире. Поезжай домой и жди меня там, хорошо?

– Я к Колокольцевым поеду, – сказала Катя печально. – Даже не представляю, как Аглая Тихоновна это все переживет. Я подожду, пока Глашка из аэропорта вернется, все им расскажу, пойму, что никого удар не разобьет, и поеду домой. Ты ведь сегодня поздно?

– Сама понимаешь, – Бекетов развел руками. – Не каждый день такая рыба в руки идет. Но ты меня жди, хорошо? Я обязательно приеду.

– Хорошо. Я буду тебя ждать. Сколько потребуется. И еще, Володя, будь осторожен, пожалуйста.

В ответ он только поцеловал ее, легонько коснувшись губ, а потом сел в машину и уехал. Катя стояла и смотрела, как он уезжает со двора, а потом легонько вздохнула и вызвала такси.

Бекетов гнал по нужному адресу, не обращая внимания на скорость. Группа захвата была уже на месте, у дома, но Бекетов велел дожждаться его, потому что всегда предпочитал действовать правильно. Задержание должен был проводить он, ведущий дело следователь. Хотя видимой спешки не было, он почему-то гнал, потому что интуитивно чувствовал, что время на исходе. У следователя Бекетова вообще была довольно тонкая «шкура», которая реагировала на малейшие колебания ноосферы, помогая предвосхищать неприятности.

Вот и сейчас он внутренне знал, что, несмотря на всю видимую легкость предстоящего ему дела, просто не будет. Да, Дмитрию Зимину на данный момент уже исполнилось шестьдесят восемь лет, не мальчик. Но волк он был матерый, способный на многое, и относительно законопослушные последние двадцать с лишним лет ничего в этом раскладе не меняли.

Кроме того, даже самому себе Бекетов не признавался, что что-то не складывается. Зачем Зимину было убивать свою бывшую одноклассницу? Из-за того, что она могла его опознать? Выдать Аглае Колокольцевой? Допустим. Однако ему было гораздо проще откупиться от Демидовой, ведь все, чего она хотела – это однокомнатная квартира в Москве, не так уж и много, по меркам бизнесмена Вадима Ветрова. Ведь не стал же он в свое время избавляться от Марии Ковалевой, которая за двадцать лет тысячу раз могла раскрыть его тайну. Если и не по злобе, то случайно. Но ведь не убил, не заставил развестись, не отдалил от Колокольцевой, по сути, заключил взаимовыгодное соглашение. Так почему же в случае с Демидовой Зимин не поступил так же?

Второе совершенное убийство – соседки Нины Петровны – смущало еще сильнее. Что могла видеть старушка? Свидетельницей чего стала? Ну не золото же Зимин, на самом деле, искал в тот день в квартире Колокольцевой. За столько лет он мог сделать это десятки

раз. Да и не существовало никакого золота, уж это у него была возможность выяснить.

По адресу, по которому жил Вадим Ветров, Бекетов прибыл за рекордно короткое время – тридцать минут. Машина с ребятами стояла за углом, так, чтобы ее не было видно из окон квартиры бизнесмена.

– Никто не приходил? – коротко спросил Бекетов, паркуя машину рядом и надевая протянутый ему бронежилет.

– Нет. И объект не выходил.

– Хорошо, начинаем.

Поднявшись на нужный им пятый этаж (лестницы и лифт были заблокированы), Бекетов позвонил в дверь. Открыли ему не сразу, но все же довольно быстро. На пороге стоял Вадим Ветров, выглядевший, впрочем, довольно странно. Грудь его вздымалась, как будто он пробежал стометровку, левая рука безвольно висела вдоль тела, правой он поддерживал эту парализованную руку. Бекетов невольно обратил внимание на кисть, изъеденную то ли ожогом, то ли кислотой.

Он вспомнил, как при первой встрече обратил внимание на эту особенность бизнесмена. Что тот ему ответил? Что это грехи юности. Мол, в детстве с друзьями баловались карбидом, при этом закурили, и память об этой глупости осталась на всю жизнь. Складно, вот только на самом деле это шрамы от выведенных татуировок.

Ветров перехватил его взгляд, усмехнулся, получилось довольно криво, как если бы он превозмогал довольно сильную боль.

– Что, не вышло вас обмануть? А ведь довольно долго удавалось.

– Зимин Дмитрий Андреевич, если не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – старик, а сейчас Ветров-Зимин выглядел именно стариком, отошел в сторону, пропуская Бекетова и его ребят внутрь квартиры. – Вся моя маскировка была хороша ровно до тех пор, пока не пришлось бы сдавать отпечатки пальцев. Я потому и по Европам больше не езду, что для визы биометрию сдавать надо. Вы проходите, гражданин начальник, в гостиную можете или на кухню. Мне бы сесть надо.

Бекетов вновь обратил внимание на то, что выглядел старик больным или смертельно уставшим. Бледное лицо было обильно покрыто испариной. Капли пота на лбу казались крупными, похожими на слезы. Интересно, это он от страха? Следователь сделал знак своим и вслед за хозяином квартиры прошел в гостиную, где Ветров сел,

точнее, упал на диван, правой рукой пристроил левую руку на подлокотник. Рука была опухшей, но Бекетов внезапно разглядел на ней красную точку – след укола.

– Вы плохо себя чувствуете? Может быть, «Скорую» вызвать?

Бизнесмен улыбнулся, точнее, оскалился, словно волк.

– «Скорую»? Нет, «Скорую» вызвать всегда успеете. А пока спрашивай, начальник. Раз уж пришел. Что хочешь узнать?

– Многое, – спокойно сказал Бекетов. Внутреннее беспокойство разрасталось, заливая грудь, голову, живот. Всею кожей он чувствовал опасность, разлитую в воздухе, вот только ее источник определить пока не мог. Не этого же больного старика он боится. – Скажите, это вы в 1969 году ограбили квартиру Колокольцевых и убили ее хозяев?

– Я, – Зимин кивнул, перевел дыхание, словно ему было трудно говорить. – Ирка меня уговорила. А я ни в чем никогда не мог ей отказать. Она откуда-то узнала, что Тихон Колокольцев держит дома золото. Она всегда у них отиралась, подслушала какой-то разговор и сделала выводы. Хитрая она всегда была и умная. Такой палец в рот не клади, оттого я ее и полюбил. Мы как по нотам все разыграли. Я с выпускного пораньше ушел, ключи у меня были, я еще раньше копии с Глашкиных сделал, их Ирка у нее вытащила из сумки, а потом вернула. Сейф открыть и золото достать для меня левое дело было, меня такие люди учили, каких уже много лет не делают. В общем, золото я достал, а тут и хозяева вернулись.

– По замыслу, вы не должны были их убивать?

– Сначала мы это не планировали. Зачем мокруху на себя вешать, когда можно по-тихому уйти. Но в последний момент Ирка новое указание дала.

– Зачем ей нужно было убивать Колокольцевых?

– Глашка в Москву передумала ехать. На выпускном сказала Ирке, что не хочет от родни уезжать. Ну, Ирка и велела избавиться от всех троих. Мол, не останется у Глашки никого, тогда ей волей-неволей придется в Москву отправляться. Вся родня ж там. Так в итоге и получилось. После кражи я золото Иринке отдал. Она так велела. Сказала, что лучше схочает, а я, дурак, повелся. Когда узнал, что они уехали, а вместе с ними и золота след простыл, ругал себя страшно, да поздно было локти кусать. Обвела меня Иринка вокруг пальца, но я

никогда не мог на нее долго сердиться. Думал, поеду за ней в Москву, найду и ее и рыжики. А оно вон как обернулось.

Он остановился, перевел дух и откашлялся, словно у него першило в горле. Здоровой правой рукой растер грудь, как будто прогоняя невидимую стороннему глазу тяжесть. Коронавирус у него, что ли? Бекетову на мгновение стало страшно, но он тут же отогнал от себя глупые мысли.

– Дмитрий Андреевич, еще раз спрашиваю, вам вызвать врача? Мне кажется, вам нехорошо.

– Не нужен врач, – проскрипел Зимин. – Спрашивай дальше.

– Вы имели отношение к смерти Ольги Антоновой, дочери Аглаи Колокольцевой?

Лицо Зимина передернулось словно от внезапной боли. Он на мгновение прикрыл глаза.

– Имел, да. Я повредил тормоза у той машины, в которой ехали Ольга с мужем.

– Зачем? Вы хотели отомстить Аглае Колокольцевой за пропавшее золото?

Зимин вдруг начал смеяться. Это выглядело страшно, потому что в пароксизме сотрясающего его тела смеха он кашлял, задыхался, но продолжал смеяться. В какой-то момент тело старика выгнулось, и его вырвало прямо на диван, на котором он лежал. Но даже это не остановило его сатанинского смеха.

– Дурак ты, мент, – прохрипел Зимин. – Вот думаешь, что умный, а ты дурак. И ничего ты никогда не узнаешь и не докажешь. Хотя бы потому, что просто не успеешь.

– Я все-таки вызову «Скорую».

Бекетов вышел в коридор, отдал короткое указание, вернулся в комнату, где на диване скорчился Зимин. Руки и ноги у него подрагивали, как при судорогах. И что это с ним такое, черт бы его подрал.

– Ты спрашивай, спрашивай. Ты все равно не поймешь, но вопросы свои задавай. За что-то тебе ведь платят зарплату, а ее нужно отрабатывать.

– Вы убили Антонину Демидову, вашу бывшую одноклассницу Нюрку, за то, что она решила вас шантажировать?

– Глупая Нюрка, всегда была душой и с возрастом не поумнела. Почти до семидесяти годов дожила, а не поняла, что шантаж никогда добром не заканчивается. Да, она решила шантажировать той тайной, носителем которой стала. Нельзя посягать на чужую тайну, что же тут непонятного. А она осмелилась, вот и поплатилась.

– А Нина Петровна-то вам что сделала? За что вы ее убили?

В голове вдруг мелькнула внезапная мысль, что Зимин не мог быть убийцей соседки Колокольцевых. Неопознанный отпечаток пальца принадлежал не ему, уж чего-чего, а результатов его дактилоскопии в базе данных сколько угодно. Да и на время убийства Демидовой у него было неоспоримое алиби. Впрочем, додумать эту мысль до конца Бекетов не успел.

Лежащего на диване старого человека начала бить сильная дрожь. Подбежав к нему и наклонившись, Бекетов заметил точечные кровоизлияния в белки глаз, словно в глазах у Зимина лопались сосуды. Кожа вокруг носа и губ стала синей, пот тек ручьем, кожа казалась влажной и холодной на ощупь.

Губы шевелились, кажется, пожилой мужчина еще что-то говорил. Бекетов наклонился ниже.

– Уже скоро, – прошептал Зимин, причем, довольно разборчиво. – Так хорошо, правильно. Я свое пожил. А снова в тюрьму нет, не хочу. Не попаду. Уж лучше так.

– Как так? – закричал Бекетов, чувствуя, что этот человек неведомо как, но его провёл. – Что вы сделали, Зимин?

– Укол, – прохрипел он. – Последний.

– Что вы себе ввели?

– Ригин. Знаешь такое слово, мент? – старик посмотрел на Бекетова торжествующе, словно одержал победу в шахматной партии, и потерял сознание.

Приехавшая через десять минут «Скорая» сделать ничего не смогла. Зимина еще успели отнести в реанимобиль и даже довести до Склифа, однако спустя полчаса он скончался, не приходя в сознание, от отравления ригином – ядом, в шесть раз более токсичным, чем цианистый калий.

– Не вините себя, – сказал Бекетову вызванный им из отдела эксперт. – Ригин, введенный в виде инъекции, не оставляет шансов.

Ни одного. Максимальное время, которое было ему отведено после того, как он ввел себе яд, составляло шестьдесят минут.

– Откуда он знал, что нужно ввести яд? – хрипло спросил Бекетов. За годы работы он много раз видел смерть, но так и не смог к ней привыкнуть. – Я успел записать все, что он сказал. Он фактически признался во всех убийствах, и мне его, если честно, совершенно не жалко. Не человек был, а упырь, оставивший несколько детей сиротами. И Аглаю Колокольцеву, которой было всего семнадцать лет, и маленькую Глашу, вообще двухлетнюю. Так что поделом ему, конечно. Предпочел смерть тюрьме и хрен с ним. Но как он узнал?

– Может, все-таки в окно нас увидел? – предположил один из ребят-оперативников. Мы, конечно, близко не подъезжали, но во двор заходили, осматривались. А он же такой волк... был. Мог нас увидеть и догадаться, а там и решение принять. Нужное.

– Может быть, – с досадой сказал Бекетов. – Хорошо еще, не на наших глазах отравился. И так отписываться будем до морковкина заговенья. Ладно, давайте квартиру осмотрим. Может, что-то найдем, что имеет отношение к делу.

Однако осмотр квартиры ничего не дал. Это было дорогое, уютное, со вкусом обставленное жилище одинокого бизнесмена, богатого человека, привыкшего ни в чем себе не отказывать. Недешевый алкоголь в баре, фирменный хьюмидор для сигар, качественная, весьма недешевая одежда, сшитая вручную обувь. В этой квартире, правда, не было ни книг, ни фотоальбомов. Привычки читать Дима Магадан не завел, неоткуда ему было взять такую привычку. А фотоальбомы... Не было у вора в законе семьи, да и друзей настоящих тоже не имелось. Лишь на прикроватной тумбочке стояла фотография, с которой улыбалась Аглая Тихоновна Колокольцева. Была она моложе, чем сейчас, лет на двадцать с лишним. На фотографии ей было лет сорок пять, не больше.

Женщина в яркой летней юбке и белой свободной блузке стояла на залитой солнцем маленькой площади, густо засаженной апельсиновыми деревьями. Апельсины на фотографии были яркими, крупными, их, казалось, можно было потрогать. Бекетов даже запах ощутил так явственно, что даже оглянулся в поисках его источника. Но нет, не было в этой комнате других апельсинов, кроме тех, что на фотографии.

Аглая улыбалась неведомому фотографу и выглядела абсолютно счастливой. Может, не права Мария Лондон, и между ее дальней родственницей и Ветровым-Зиминим все-таки был роман?

– Николаич, вот, смотри, еще одну фотографию нашел. В паспорте у этого мужика лежала, под обложкой.

Подошедший оперативник протягивал Бекетову черно-белый прямоугольник с обтрепанными краями. Задняя сторона фотографии была в пятнах, то ли от воды, то ли просто «от жизни». Это фото долго носили с собой, отчего оно и пообтрепалось по краям, казавшимся изгрызенными.

На фотографии были видны сопки, открывающие вид на море, лениво перекатывающее холодные барашки волн. У кромки воды стояли три девушки, тоненькие, ладные, нарядно одетые в честь первого серьезного события в своей жизни – выпускного бала. Две девушки были одеты очень просто, можно даже сказать, бедно, у третьей было очень красивое, видно, что новое и модное, крайне необычное платье. У всех троих на тонких запястьях можно было разглядеть часики, кажется, золотые. У той, что в платье, у горла была прикреплена старинная, очень изящная камея.

У одной из девушек было простенькое и немного глуповатое, беззаботное выражение лица. Вторая смотрела чуть исподлобья, с тревогой, словно внутри себя принимала какое-то очень важное решение. Третья выглядела бесшабашной, чуть пьяной от какого-то неведомого успеха, манящей, опасной, призывно-обещающей.

Не нужно было быть провидцем, чтобы понять, кто были эти девушки. Антонина Селезнева, Аглая Колокольцева, Ира Птицына, запечатленные кем-то из одноклассников на берегу Нагайской бухты более пятидесяти лет назад. Впрочем, как и на фотографии с апельсинами, Аглаю Тихоновну вполне можно было узнать.

Еще раз внимательно изучив ее наряд, украшение, а главное – выражение лица, Бекетов сорвался с места и бросился вон из квартиры.

– Ты куда, Николаич? – закричал ему вслед тот оперативник, что нашел фотографию, но Бекетов ему уже не ответил. По лестнице он бежал бегом. И сердце бухало в груди, заглушая другие звуки.

Наши дни, Москва

По лестнице Катя бежала бегом. Сердце бухало в груди, заглушая другие звуки. Из такси она позвонила Глашке, но та была еще в аэропорту. И пугать свою юную подругу Катя не стала, просто велела, как освободится, сразу ехать домой.

Открывшая ей дверь Аглая Тихоновна была бледна, тиха и величава. Привычная длинная юбка, белоснежная блузка с кружевным жабо, бессменная камешка у горла, тонкие золотые часики, обвивающие узкое, все еще девичье запястье. Все в ней вызывало восхищение, граничащее с обожанием. Кате даже странно было, что в ее сорок лет нашелся кто-то, кому она позволила так полно и безраздельно собой завладеть.

Не к месту вспомнился Бекетов, выполнявший сейчас свою опасную, но такую нужную работу. Пожалуй, он тоже безраздельно завладел Катиним сердцем и телом тоже, но вот над головой властвовала Аглая Колокольцева, что тут будешь делать.

– Рассказывай, – коротко бросила пожилая женщина, когда Катя расположилась на своем привычном месте за кухонным столом и перед ней появились чашка с чаем и коробка с крохотными пирожными. Чай был горячий, ароматный, с какими-то новыми травами, до которых Аглая Тихоновна была большая охотница. На Катин вкус, он чуть горчил, но обижать хозяйку она не стала.

– С Алтая? – спросила она, имея в виду чай с травами. Аглае Тихоновне присылали его благодарные родственники одного из пациентов уже много лет. Колокольцева утверждала, что травы целебные и у каждой свое предназначение. С учетом того, как она выглядела в свои почти семьдесят лет, это могло быть правдой.

– Нет, это Tienchi – чай из уникального сорта женьшеня, растущего на юго-западе Китая. Он считается самым полезным чаем в мире. Его научное название, Катенька, звучит как Panax notoginseng. А по-латыни Panax означает «лечу все». Ты представляешь, ты сейчас пьешь чай, который используют на протяжении веков. Он, кстати, и от головокружения помогает, и от бессонницы.

– Да я вроде не жалею, – засмеялась Катя. Чай ей не нравился, тем более что женьшень она терпеть не могла, но приходилось

отхлебывать маленькими плоточками. – Откуда у вас чай из Китая в наше непростое время, когда границы закрыты?

– Вадим где-то достал, притащил на днях. Он же знает, как я люблю чай и все, что с ним связано. А я не спрашивала откуда.

Катя невольно подавилась «волшебным» чаем и закашлялась. Все, что было связано с Ветровым, сейчас вызывало у нее мощное отторжение. Аглая Тихоновна постучала ее по спине, добавила горячего чая из заварочного чайника и себе плеснула тоже.

– Рассказывай, – повторила она. – Чего это вас потянуло узнавать Машкины тайны?

– А вы знали, что у нее есть тайны?

– Нет, конечно. Мне всегда казалось, что эта девочка бесхитростна, как пятак. Ты знаешь, я была рада, когда она вошла в семью, потому что она училась вместе с Олей, была ее подругой и очень помогла мне в то проклятое лето. Но ты говоришь, что она жила с бандитом? И этот бандит мой бывший одноклассник, заклятый враг? Если бы ты только знала, как я в детстве его боялась. Он меня постоянно изводил. Если бы не Иринка, я бы совсем пропала, но она никогда не давала меня в обиду, да и с Димкой умела договариваться. Уж не знаю, как это у нее получалось, но он всегда ее слушался.

– Он ее любил, – сказала Катя. – Это Маша рассказала. Зимин ей говорил, что всю жизнь любил только эту вашу Ирку.

– Надо же, как бывает, – Аглая Тихоновна вдруг тихонечко засмеялась. – Вор, бандит, убийца, а оказался способен на такую любовь, которая не каждому по плечу. Всегда была уверена, что нет у природы черно-белого цвета, все в переходах, переливах и градиентах. И если есть в человеке какие-то мощные отрицательные качества, то и в плюс ему бог аналогичный по силе талант даст. Ну, и наоборот. А Ирка его тоже любила. Поверь мне, я знаю.

– Любила, а бросила одного в Магадане, уехала и украденное золото с собой утащила. Получается, предала. Может, за это ее бог наказал.

– Да, бог ее действительно наказал, – Аглая Тихоновна смотрела в окно, вид у нее был отсутствующий. – Страшно наказал, хуже не бывает. Ты пей чай, деточка, пей. А то остынет. Я сейчас.

Она вышла из кухни, и Катя, воспользовавшись возможностью, вскочила со своего стула, аккуратно вылила женьшеневый чай в

раковину, стараясь, чтобы по брызгам ее было нельзя уличить в совершенном «преступлении», быстро плеснула в чашку стоявшей на подоконнике в другом чайнике холодной заварки и уселась на свое место, приняв непринужденный вид.

Аглая Тихоновна вернулась, села в свое кресло.

– Обо всем рассказывай, по порядку.

– Я боюсь, – честно призналась Катя.

– Чего именно?

– Вдруг от таких новостей вам станет плохо?

– Я дочь похоронила, – сухо напомнила Аглая Тихоновна. – Так что от того, что ты мне можешь рассказать, плохо мне не станет. Не беспокойся.

И Катя рассказала все, что они с Бекетовым смогли узнать, сложить воедино из разрозненных деталей, додумать и понять. Пожилая женщина слушала внимательно, не перебивая, даже чай свой забыла прихлебывать. В кухне было жарко, или это Катя, разгоряченная своим рассказом, ощущала нехватку воздуха? Слегка кружилась голова и очень хотелось спать. Ну да, минувшей ночью они с Бекетовым совершенно не спали, занятые сначала любовью, а потом расследованием.

– Что-то ты еле языком ворочаешь, – сказала Кате Аглая Тихоновна, – пойдем, я тебя в гостиной на диван уложу. Поспишь немного. За меня переживаешь, а самой такие потрясения совершенно ни к чему.

– Неудобно, – вяло сказала Катя. Спать хотелось все сильнее.

– Все удобно. Я, кстати, тоже бы подремала немного. Все-таки ты права, в мои годы плохие новости получать тяжело. Ах, Вадим-Вадим... Кто бы мог подумать.

Ее реакция на то, что друг дома Вадим Ветров оказался бывалым преступником, детским врагом и убийцей родителей Дмитрием Зиминым, была какой-то вялой, безэмоциональной. Катя ждала слез, крика, негодования, ужаса, но не было ничего, и это ее удивляло.

Впрочем, сил удивляться практически не было. Как сомнамбула, Катя позволила Аглае Тихоновне довести себя до гостиной, уложить на красивый кожаный диван, подсунуть под голову подушку. Она словно уплывала куда-то вдаль на маленькой, легкой лодочке, в которой почему-то не было весел. И руля тоже не было, и эту лодку несло по

безбрежному морю, слегка подбрасывало на волнах, качало из стороны в сторону. От качки немного кружилась голова. Эх, а говорят, что женьшеневый чай помогает от головокружения.

Мысли в голове тоже кружились, выстраиваясь в причудливый орнамент. Дима Магадан всю жизнь любил свою первую женщину Ирину Птицыну... Иринка тоже его любила... Он кричал, что она уехала и забрала золото с собой... Она его обокрала... Малина в январе... Тебе бы побережье Коста-дель-Соль очень пошло... Убивают не из-за денег, а чтобы скрыть следы прошлых преступлений... Нина Петровна смотрела в окно... Вера Дмитриевна и Аглая Дмитриевна были очень похожи... Он выгнал меня из Марбельи, и я была уверена, что к нему приехала женщина... Нельзя не узнать человека, с которым ты спала... Бог наказал Иру страшно, хуже не бывает... Ты считаешь, это возможно – перепутать двух людей... Как Аглая Тихоновна догадалась, что преступник – это Зимин, я же не назвала фамилии, когда позвонила...

Обрывки предложений крутились в голове, а комната вращалась перед глазами, которые у Кати почему-то никак не получалось закрыть. Смежив ресницы, она сквозь них наблюдала, как в гостиную зашла Аглая Тихоновна, подошла к дивану, на котором лежала Катя, наклонилась, что-то держа в руках, кажется, шприц. Зачем он ей, удивилась Катя сквозь окутывающий голову дурман. Преодолевая слабость, села, перехватив направленную к ней руку. Тонкую, изящную, все еще девичью.

– Что вы собираетесь мне вколоть, Аглая Тихоновна?

– О, ты не спишь еще? Странно.

– Я не сплю. А вы уверены, что я должна была заснуть, потому что дали мне снотворное? Оно было в чае? Тогда получается, хорошо, что я вылила его в раковину.

– Ты вылила чай, а не выпила его, мерзавка?

Аглая Тихоновна вырвала руку из слабых Катиных пальцев, толкнула ее в грудь, чтобы снова уронить на подушки. Отчего-то Катя не боялась, потому что знала, что колоть просто так старуха не будет. Ей нужно сделать укол в незаметное место, например в шею, у самого основания волос, чтобы его было не найти. Если бы Катя уснула, выпив целую чашку отравленного чая, то сделать это было бы проще простого, а так она не дастся, ни за что не дастся.

– Вы же тоже пили чай, Аглая Тихоновна. Вы наливали себе из того же чайника.

– Ну, разумеется, пила, – теперь старая женщина пыталась сесть на Катю верхом, но это было непросто, потому что Аглая Тихоновна была старше и легче, а Катя брыкалась и изворачивалась под ее сухим телом. – Нас бы нашли в отключке обеих, напившихся чаю, принесенного Вадимом. Просто меня бы удалось спасти, а тебя нет. И поверь мне, так и будет.

– Но за что? Аглая Тихоновна, за что вы хотите меня убить?

– За твой любопытный нос, который ты суешь куда не надо. Кто знает, куда ты еще его засунешь и о чем догадаешься. А Вадиму уже все равно, трупом больше, трупом меньше. Он пытался до меня добраться и добрался.

– Но он же скажет, что это неправда.

Прижимая Катину голову к подушке, старуха вдруг начала смеяться. Сейчас она была похожа на ведьму, грозную, страшную, черную ведьму, посланницу дьявола.

– Он ничего не расскажет. Потому что он всегда делает то, что я говорю. И сейчас сделает тоже. Уверена, что уже сделал.

– Это вы! – воскликнула Катя. – Это вы убили Антонину и Нину Петровну тоже. Это был не Вадим. Это вас, а не его шантажировала ваша одноклассница Нюрка. Вот только чем? Чем?

– Ты этого не узнаешь, – прохрипела старуха. – Не успеешь узнать. А золото было, было золото. Его было столько, что я смогла жить на него все эти годы. Все считали, что наше благосостояние связано с доходами моего мужа. Да он и сам так считал, будучи уверенным, что я просто правильно веду домашнее хозяйство. А я потихоньку продавала золото Колокольцевых. Оно было мое, по праву мое.

Катя чувствовала, что слабеет, сопротивляться старухе, силу которой удваивали ее безумие и ярость, ей становилось все сложнее. Третью чашку чаю она все-таки выпила, а значит, это отравка лишает ее четкости и силы. Если закрыть глаза, то уснешь. Навсегда уснешь, и этот сон без забот и проблем так манит, хочется поддаться ему, чтобы ни о чем не думать, ничего не бояться.

Лицо Аглаи Тихоновны надвигалось все ближе, но вместо него Катя вдруг увидела лицо Бекетова, такое, каким оно было вчера, когда

он нависал над ней, лежащей на пушистом белом ковре. Володя расстроится, если она уснет. Она обещала, что будет его ждать. Но почему же он не идет так долго? Хотя она же сказала, что будет ждать его столько, сколько потребуется.

Звонок в дверь разрезал пространство вокруг, наполненное сопением и пыхтением двух возящихся на диване женщин. Услышав его, Аглая Тихоновна с удвоенной силой вцепилась в Катины руки, придавила ее грудь коленом, подняла шприц, чтобы вонзить его теперь уже куда придется.

Теперь в дверь стучали – требовательно, бескомпромиссно.

– Откройте дверь, я знаю, что вы дома! – Катя услышала голос Бекетова. – Катя, Катя, это я, дай мне понять, что с тобой все в порядке.

Тратить время и силы на крик было сейчас непозволительной роскошью. Собрав всю свою решимость, Катя выбросила вперед сложенные руки, отталкивая Аглаю Тихоновну, ударила коленями, не очень разбираясь куда, свалилась вместе со старухой на пол, тут же вскочила, пока та не опомнилась, раненым зайцем бросилась в коридор, к двери, чтобы успеть отпереть сложный замок, который, к счастью, хорошо знала.

Где-то позади Аглая Колокольцева, знаменитый хирург, имеющая дворянские корни, крыла пространство таким виртуозным матом, которого Катя даже не слышала никогда в жизни. Как будто в старой квартире в центре Москвы сейчас оказались разом несколько каторжников.

Катя открыла дверь и практически упала Бекетову в руки.

– Цела? – спросил он, она кивнула, стараясь сделать это энергично. Получилось неубедительно.

– Я наглоталась какого-то снотворного, – быстрой скороговоркой сказала она. – Но немного, потому что чай вылила. Аглая Тихоновна хотела сделать мне укол, но я не далась. Что с Ветровым?

– Умер. Отравился, – он отодвинул Катю в сторону, словно она была мебелью. Впрочем, именно так она себя сейчас и чувствовала. Прилив сил схлынул, будучи не в состоянии удержаться на ногах, Катя прислонилась к стене и сползла по ней вниз, на пол.

– Это не он их всех убил, – прошептала она в спину Бекетову, который уже входил в гостиную, откуда по-прежнему доносился

площадный мат. – Это она.

– Я знаю, – Бекетов сделал шаг через порог и коротко сказал: – Добрый вечер, Ирина Николаевна.

Ирина Николаевна? Катя не верила собственным ушам. Почему Володя называл Аглаю Тихоновну чужим именем? Она перевернулась, встав на коленки, с трудом поднялась, опершись на стену, подождала, пока коридор перестанет кружиться перед глазами, по периметру, держась за стены и мебель, дошла до гостиной, обозрела то, что там происходило. На полу у дивана сидела Аглая Колокольцева, смотрела исподлобья, с ненавистью, которой, казалось, можно было свечи зажечь, но не было в комнате никаких свечей. Шприца в ее руке тоже уже не было, его держал Бекетов, звонящий по телефону и вызывающий подкрепление.

– Почему? – требовательно спросила Катя, когда он закончил говорить. Как ни странно, он понял.

– Потому что женщина, которую все знали как Аглаю Тихоновну Колокольцеву, на самом деле Ирина Николаевна Птицына, ее одноклассница и лучшая подруга. Это Аглая умерла от пневмонии в Чите. А Ирине просто очень не хотелось возвращаться домой, в Магадан. В Москве ее никто не ждал, зато родственники ждали Аглаю, которую никогда в жизни не видели. У девушек был одинаковый рост, схожее телосложение, да и разбираться в чужом городе никто не хотел. Ирина сказала, что у них на вокзале украли рюкзак с паспортами. Справку в милиции выдали на основе ее показаний. Новый паспорт она получила уже в Москве. Тело умершей отправили в Магадан в закрытом гробу. Пока его довезли, открывать и опознавать было уже нечего. Погибшую похоронили как Ирину Птицыну, а Аглая Колокольцева начала победное шествие по Москве. Никто ничего не заметил. И главная задача, которую нужно было решить, заключалась в том, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не встречаться с одноклассниками. Я прав, Ирина Николаевна?

Пожилая женщина хрипло рассмеялась. Ни капли элегантности или утонченности не было в ней сейчас. Словно царица скинула кожу, оказавшись болотной лягушкой, простой дочкой зэка Ирой Птицыной, сплевывающей через губу, несмотря на презрительно изогнутую соболиную бровь Аглаи Дмитриевны Лавровой, потомственной дворянки, аристократки и красавицы.

Катя всегда считала, что у Аглаи Тихоновны есть дворянские корни. То благородство, с которым она говорила, ходила, поворачивала голову, казалось врожденным. Катя была уверена, что такому нельзя научиться. Изяществу, превосходству, вкусу... Их можно только впитать с молоком матери. Как же она ошибалась. Эта женщина, которой Катя так восхищалась, просто воссоздала все то, что видела в бабушке своей школьной подруги.

– Нюрка сразу меня узнала. Да я и не надеялась, что смогу ее обмануть. Потому и договорилась встретиться на улице, наедине, до дня рождения, чтобы посмотреть на реакцию. Постараться объяснить, почему так поступила, зачем сменила имя, зачем украла чужую жизнь. Но она не хотела знать, она желала только денег. Бубнила про квартиру для этой бледной немочи, своей тупой бесталанной внучки, которая моей Глаше даже в подметки не годилась. Я пообещала достать денег. Но знала, что она будет тянуть их из меня снова и снова. Ее надо было заставить замолчать навсегда. И я это сделала.

– Вы так уверенно владеете шилом...

– Я уверенно владею скальпелем. Мне было нетрудно нанести точный удар. И силы в моих руках на это пока еще хватает.

– А Нина Петровна? Она видела вас в окно в то утро? – это спросила Катя.

– Да. Она видела, как я выходила и возвращалась. И пришла спросить, почему я соврала следователю, сказав, что целый день была на кухне. Она спросила, куда именно я ходила.

– Можно было сказать, что в магазин.

– Я запаниковала. Все сыпалось. Вся жизнь. Все прошлое. Все будущее. Глашино будущее. Я не могла допустить, чтобы Глаша узнала, не могла. И я схватила подсвечник и ударила эту старую дуру по голове. Мне просто повезло, что на нем оказались отпечатки чужих пальцев. Я даже не знаю, чьих. Скорее всего, продавца в антикварном, где я его купила за пару месяцев до этого. Нина приперлась, когда я уже собиралась уходить, застала меня уже одетой, начала задавать вопросы. Я убила ее, вытащила связку ключей, которую она всегда носила с собой. Мои ключи были у нее на той же связке, что и свои, а потом я уехала к Аньке как ни в чем не бывало.

Катя невольно вспомнила, как уверяла Михаила Лондона, что у него есть алиби, а тот ответил: «Нет ничего более относительного, чем

время. В конце концов, никто не засекает время, выходя из дома, если, конечно, не делает это нарочно. Так что Аглая Тихоновна могла уйти чуть раньше». Ну надо же, как в воду смотрел.

– Ирина Николаевна, зачем вы заказали Дмитрию Зимину убийство Колокольцевых? Хотели помешать вашей подруге Аглае остаться дома?

– Да. Я знала про золото и понимала, что Тихон никогда не будет поднимать шума из-за его пропажи. Это было незаконное золото, которое он украл с прииска. Он бы никогда на меня не подумал, потому что в момент кражи я была на его глазах, рядом. Да и вообще они никогда про меня плохо не думали. Это было трудно, но я старалась выглядеть хорошей умненькой девочкой из очень бедной семьи, которая хочет чего-то добиться в жизни. Им необязательно было знать, что для этого я была готова на все, вообще на все.

– Как ваш отец, снявший скальп с конвоира?

Старая женщина усмехнулась, и выглядело это отвратительно.

– Да, как мой отец. Сначала я велела Димке просто украсть золото. Но потом эта коза Глашка стала говорить, что передумала уезжать от мамочки, папочки и бабушки. И я поняла, что ей нужно отрезать все пути к отступлению. И я велела Зимину убить всех троих. Знала, что Димка справится, потому что он был бешеный. Для него убить человека было все равно что стакан воды выпить. Я была рада знать, что они умрут. Старуха вызывала во мне восхищение, граничащее с ненавистью. До того, как я ее узнала, даже не догадывалась, что можно восхищаться и одновременно ненавидеть, и что эта ненависть, вызванная чужим превосходством, недостижимой элегантностью и породистостью, что ли, может быть такой сладкой и острой одновременно. Когда я приехала в Москву, мне пришлось учиться быть Глашкой. Но с возрастом мне не пришлось учиться быть старухой. Я впитала ее в себя всей кожей еще в детстве.

– Колокольцевы умерли, вы забрали золото и уехали. Что было дальше?

– Мы простудились. Обе. У Глашки началась пневмония, в Чите в больнице она умерла, а я решила, что это шанс. Возможность все-таки поступить учиться на врача, жить в Москве, быть не бедной приживалкой, которой помогают из жалости, а своей, родней, плотью и кровью. Я выбросила паспорта, получила справку, приехала в Москву

и пришла к Лондонам как старухина внучка. Поступила учиться, вышла замуж, родила дочь. Обычная нормальная жизнь.

– А потом вас нашел Зимин...

– Да, он оказался в Москве и меня нашел. То есть, он думал, что его девчонка Ирка Птицына умерла, а искал Глашку, чтобы попробовать узнать про золото.

– Он следил за Ольгой у университета.

– Да, никак не мог понять, почему она так похожа на его Иринку. А потом мы встретились. И он, конечно, все понял. И простил. И начал строить планы, как мы можем быть вместе. Для этого ему нужно было исчезнуть как Дмитрию Зимину и появиться совсем другим человеком, далеким от криминального мира. Зимин утонул в Марбелье, Вадим Ветров познакомился с доктором Колокольцевой и подружился с нею. Так мы могли легализовать наши отношения, не бросая тень и не роняя зерен сомнения в моем прошлом. Маша знала, кто он, но ей было выгодно молчать. Она и молчала.

– Это вы приезжали к нему в Марбелью? – Бекетов вздохнул. – У него в спальне ваша фотография, сделанная там, на Апельсиновой площади. Я узнал это место, хотя никогда там не был.

– Да, мы тогда не могли оторваться друг от друга. Знаете, есть такая любовь, которая навсегда. Это как раз наш случай. И ничто не в силах ее разрушить. Ничто!

– Даже то обстоятельство, что Зимин убил вашу дочь?

Женщина помрачнела, растерла лицо руками, словно отгоняя страшные воспоминания.

– Это был несчастный случай. Карма, которая всегда настигает. Оля не должна была быть в той машине. Они собрались в Магадан, хотели разыскать могилу Колокольцевых, найти моих одноклассников. Это было опасно. У кого-то могли остаться фотографии. Мне не надо было, чтобы они туда ехали. И я попросила Димку подстроить аварию. Я отпустила няню на выходной и вызвала Олю на дачу под предлогом того, что у меня срочная операция. Васька привез ее и должен был вернуться в город, на дурацкое собрание перед командировкой. Я не хотела его убивать, меня бы вполне устроило, если бы он просто попал в больницу, потому что тогда они никуда бы не уехали. Но судьба распорядилась так, что эта старая дура, няня Ирина Михайловна, вернулась, и Оля села в ту машину. Они погибли. Оба погибли.

Главный мужчина моей жизни убил мою дочь. Вы даже представить себе не можете, как его это мучило. Но я знала, что он не виноват. Это судьба.

– Зимин знал, что вы сделали? Про убийство Демидовой и соседки он знал?

– Я не говорила ему. Но он догадался, разумеется. И пообещал, что если что-то пойдет не так, то он все возьмет на себя.

– Вы были готовы, чтобы он сел в тюрьму? Снова?

– Он предупредил, что в тюрьму больше не сядет. И сказал, что у него припасен ризин. Как раз на случай разоблачения. Он действительно меня любил.

Квартира наполнялась людьми. Приехала вызванная Бекетовым опергруппа, где-то на заднем фоне мелькнуло растерянное лицо ничего не понимающей Глашки. Значит, девушка уже вернулась из аэропорта. Как она будет теперь жить? Со знанием, что ее бабушка убила ее мать и отца и еще пятерых человек. Если считать с Зиминим, то шестерых.

– Зря вы меня снотворным напоили, Аглая Тихоновна, то есть, – Катя запнулась, – Ирина Николаевна. – Видите, все поняла не я, а Владимир Николаевич. Не было никакого смысла меня убивать. Даже если бы у вас получилось, он бы все равно догадался.

– А кстати, – женщина посмотрела на Бекетова с некоторым любопытством в погасшем было взоре, – где именно я ошиблась?

– Во-первых, вы совершенно зря вообще вспомнили историю с золотом. Это же вы впервые вывели нас на Зимина. Зачем? Хотели отвести от себя подозрения? Так вряд ли кто-то всерьез решил бы, что вы избавились от одноклассницы, которую не видели пятьдесят лет. Это был бы чистый висяк, если бы не упоминание Зимина.

– Я запаниковала. Я не догадалась забрать у Нюрки кошелек или что там у нее с собой было. Раз не было ограбления, значит, у убийства была причина, и для человека, который приехал в Москву второй раз в жизни, она могла крыться только в прошлом. Я была уверена, что, переводя стрелки на Димку, ничем не рискую. Официально он был давно мертв. Но как именно вы поняли, что я – не Аглая, а Ирина? Ни за что не поверю, что это Димка разоткровенничался перед смертью.

– Можно и так сказать, – Бекетов полез в карман и достал оттуда старую, пожелтевшую и обтрепанную по краям фотографию.

На фотографии были видны сопки, открывающие вид на море, лениво перекатывающее холодные барашки волн. У кромки воды стояли три девушки, тоненькие, ладные, нарядно одетые в честь первого серьезного события в своей жизни – выпускного бала. Две девушки казались одеты очень просто, можно даже сказать, бедно, у третьей было очень красивое, видно, что новое и очень модное, крайне необычное платье. У всех троих на тонких запястьях можно было разглядеть часики, кажется, золотые. У той, что в платье, у горла была прикреплена старинная, очень изящная камея.

У одной из девушек было простенькое и немного глуповатое, беззаботное выражение лица. Вторая смотрела чуть исподлобья, с тревогой, словно внутри себя принимала какое-то очень важное решение. Третья выглядела бесшабашной, чуть пьяной от какого-то неведомого успеха, манящей, опасной, призывно-обещающей.

– Что это? – Ира Птицына, постаревшая, но все еще похожая на третью девушку с фотографии, смотрела непонимающе.

– Это фотография, сделанная в день вашего выпускного. Ее Дима Магадан возил с собой, куда бы ни забрасывала его жизнь, а бизнесмен Вадим Ветров хранил под обложкой паспорта. Вас на этой фотографии вполне можно узнать. Не понимаете?

Катя взяла фотографию из его пальцев, покрутила в руках и вдруг счастливо засмеялась от того, что истина была так проста и незамысловата.

– Да, Аглая Тихоновна, то есть Ирина Николаевна. Вас здесь можно узнать. Только одеты вы слишком простенько и бедно для дочери второго секретаря обкома. Красивое платье и ваша камея – они совсем у другой девушки, а значит, и Аглая Колокольцева – не вы, а она.

– Я не знала про фотографию. Димка никогда про нее не рассказывал. Я бы заставила ее выбросить.

– Да, если бы не эта фотография, никто и никогда не узнал бы вашей тайны. Вы позаботились о том, чтобы свести в могилу всех, кто ею обладал.

Привычная застарелая ненависть к старухе, к везучей, но не ценящей своего счастья капризной Глашке, к несправедливой жизни, в которой не было и не могло быть никакого просвета, вспучилась, как трясины, раздираемая болотными газами, и тут же послушно улеглась

на положенной ей глубине. Туда, где она лежала, никем не потревоженная, пять десятков лет. Никто не должен был догадаться о раздирающих душу Иринки Птицыной страстях. Никто. Но так получилось, что этот стоящий посередине комнаты уверенный в себе человек догадался.

Кто говорит, что убивать приятно? Только маньяки. Маньяком сидящая на полу старая женщина себя не считала. Убивать ей не нравилось. Она просто делала то, что было необходимо. Вот и все. И не ее вина, что не получилось.

Она встала с пола и протянула вперед руки, тонкие, изящные, с крепкими пальцами хирурга и убийцы. Бекетов кивнул, и вокруг запястий застегнулись, мерзко клацнув, наручники.

– Бабушка! – вскрикнула в коридоре Глаша.

– За Глашкой присмотри, – строго сказала Кате старуха, и та словно замороженная кивнула. Старуха вызывала у нее омерзение, смешанное с восхищением. И как можно восхищаться убийцей?

Бекетов протянул руку, и Катя нырнула ему под мышку, чувствуя тепло его тела и только ему одному присущий запах, к которому она, оказывается, всего за ночь успела привыкнуть.

– Все будет хорошо, – прошептал он, – я тебе обещаю. Ты справишься.

Катя задрала голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Он наклонился и поцеловал ее в губы.

– Поедем домой, – сказала она жалобно. – Только нам надо Глашу взять с собой. Нельзя оставлять ее здесь одну. Я обязательно справлюсь, только давай прямо сейчас поедем домой.

Конец

notes

Примечания

1

Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».

Читайте об этом в романе Л. Мартовой «Проклятие брачного договора».